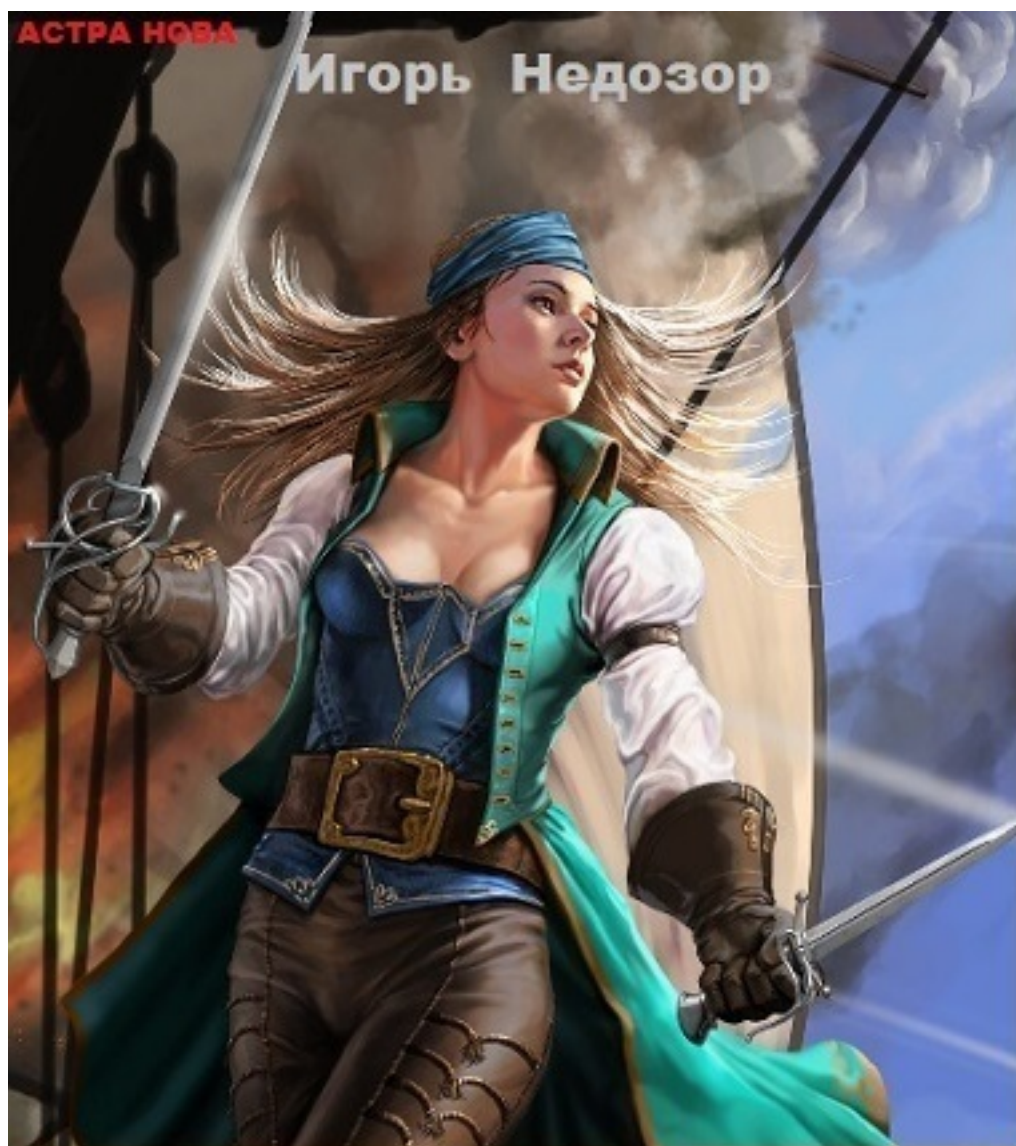

АСТРА НОВА

Игорь Недозор

Пираты **Изумрудного**
МОРЯ

Игорь Недозор

Пираты Изумрудного моря

«Автор»

2019

Недозор И.

Пираты Изумрудного моря / И. Недозор — «Автор», 2019

Мир огромных островов-материков, которые связывает и разделяет океанский простор. Где моря населены грозными чудовищами, которые, однако, уже научились бояться человека. Мир, где храмы Единого Творца стоят на проклятых камнях ушедшей в пучину страны, само имя которой означает мрак и смерть. Где в прицелах пиратских аркебуз частенько оказываются динозавры. Мир, куда вернулись древнее зло и его повелитель... И зло это оказалось некому остановить кроме презираемых всеми изгоев – пиратов Изумрудного моря...

© Недозор И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог в настоящем	5
Пролог в прошлом	10
Хроника первая	17
Глава 1	17
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	50
Глава 7	66
Глава 8	72
Глава 9	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Игорь Недозор

Пираты Изумрудного моря

Пролог в настоящем

*Год 3342 от Возведения Первого Храма. 12 число месяца Аркат.
Материк Иннис-Тор. Великое Изумрудное Море. Остров Ледесма.
Владения королевства Хойделл. Стормтон.*

...Сквозь черный смоляной дым пробивалось кровавое зарево разрастающегося огня. Окружающее тряслось и шаталось, казалось, весь мир вертелся и приплясывал в диком танце смерти.

Казалось, не было уже ничего во вселенной, кроме огня, грома, свиста раскаленных ядер, чертящих багровые дуги в серой полумгле порохового дыма, и треска разгорающегося пламени. Словно «Альбатрос» вместе со своей командой угодил в пятнадцатый ярус преисподней, где обречены вечно сражаться и умирать трусы, дезертиры, мародеры и предатели – хотя они не были ни теми, ни другими.

Просто им не повезло – как не повезло бы любому флейту, взятому в клещи галеоном и фрегатом.

Корабль сотрясался от залпов, и ничего не разглядеть было в дыму; и из дымной пелены с шипящим свистом и воем прилетали вражеские ядра.

Удар и треск – ядро обычное.

Удар и негромкий шипящий хруст – ядро раскаленное, входящее в восьмидюймовый борт, как в масло.

Летающие сверху обломки, канаты, рваная парусина – цепной книппель.

Щепки и лохмотья – картечь.

Видно, командир эгерийцев был сегодня не в духе, раз не заботился о сохранности трофея, твердо решив доконать ненавистного капера.

Самое удивительное – «Альбатрос» находил в себе силы огрызаться.

Еще бухали под палубой его пушки, ещё пытались что-то сделать с рванными парусами и снастями матросы, ещё зачем-то бестолково размахивали абордажными крючьями морские пехотинцы на баке...

Но к Домналлу это все уже не имело отношения. Бессмысленно было метаться, выкрикивая команды, бегать, спотыкаясь об обломки и трупы. Умереть можно и без этого. Треск ломающегося дерева и треск огня, шипение падающих в воду горящих обломков, хриплый вой эгерийской трубы...

Наверху с треском лопнули канаты, и тяжелый обломок реи рухнул на палубу – а рядом с глухим стуком ударился о палубные доски упавший с мачты матрос со снесенной половиной черепа.

И почти сразу на палубу шлюпа упало несколько бочонков, наполненных порохом и гвоздями. Взрыв разнес во все стороны начинку – гвозди, не хуже картечи скосили всех, кто ещё смел сопротивляться...

Горели снасти; горели деревянные обломки, горели лохмотья парусов.

И вот из порохового дыма выдвинулась высокая тень вражеского фрегата. Абордажный крюк перелетел через фальшборт и намертво впился в дерево.

Потом что-то ударило по затылку, и палуба поднялась дыбом и бросилась в лицо...

* * *

Он лежал ничком, уткнувшись в смятую подушку.

Было тихо, так тихо – только тонкий звон в ушах...

Пробормотав вполголоса ядреное морское проклятие Хамирану и всей родне его, капитан Домналл поднялся, чувствуя, как дико болит голова.

Прохладная, облицованная панелями красного дерева комната на втором этаже маленького особняка на улице Святого Брандана, что служил ему жилищем, казалось покачивалась, словно палуба.

Затылок буквально трещал, и капитан не мог удержаться – исподтишка запускал пальцы в волосы, ощупывая место удара, где даже шрама не ощутили его пальцы...

Лекарь на корабле дона Ронкадора был отменный – из пленных хойделльцев помниться умерло лишь трое.

Нет, вторая бутылка рома, выпитая вчерашним вечером, была все же лишней!

Медикус кстати ведь предупреждал – хмельным после такой раны увлекаться не след...

Он привычно, поднялся, и позвонил в колокольчик, призывая лакея с умывальными принадлежностями.

Приведя себя в порядок, и распорядившись насчёт завтрака, Домналл прошелся по второму этажу жилища, в коем обретался. Покои командора состояли из четырех комнат.

Кабинет с книгами, картами, астрольбиями и коллекцией оружия.

Спальня, с широкой кроватью. Вторая спальня – на всякий случай. И гостиная, где принято было встречать гостей, а в иное время – принимать пищу.

Зайдя в кабинет, командор некоторое время изучал висевшие на стене клинки.

Кое-что было взято им в боях а что-то куплено в лавках оружейников или у кабатчиков – видать оставленное в залог пропившимся до последних штанов моряками.

Мощный нордландский палаш, тяжелый широкий обоюдоострый. Привезенный кем-то из за Бескрайнего океана сянский каплянг, изящно выгнутый – его Домналл вытащил из окостеневшей руки поверженного корсара. Пикаронский боевой нож ка-бар; арбоннская офицерская сабля с вызолоченным и богато украшенным эфесом заканчивающаяся головой дракона. Вторая сабля – эгерийская, где на эфесе было почему-то изображение скачущего на коне всадника и надпись «Виват кабальеро» – золотом на вороненой стали. В центре всего этого оружейного великолепия висел скромный горский сворд – семейная реликвия, времен грубых плосатых килтов и грубых мужчин – единственное, что сохранилось после пожара старого поместья.

Позавтракав на скорую руку, Домналл встал из-за стола и отправился к себе переодеваться в мундир. Слуги начали тихо и слаженно прибираться, что было несложно, поскольку офицер обитал тут один. Вернее, с двумя темнокожими слугами – лакеем Грорном и кухаркой Эллис, при которой поваренком и помощником для всяких мелких дел состоял её сын Анго – десятилетний мальчик недурно играющий на флейте. Эти трое и вели его дом, отлично справляясь – да правду сказать больше было и не нужно. Ведь – основная часть жизни командора проходила на службе: либо на бастионах, либо в море.

Как-никак, он заместитель начальника гарнизона и дел у него немало!

Конечно, Стормтон хорошо укреплен, но Элл бережет береженого. Известны были случаи, когда отчаянные пираты совершали, казалось бы, невозможное.

Особенно после того, как Рагир Сын Смерти так ловко наострился вскрывать города и форты, словно арбоннский гурман – устричную раковину. А если учесть, что адмирал ок Л'лири, староват и тяжел на подъем, то можно сказать, что именно Домналлу ок Ринну вверен город Его Истинного Величества – Стормтон.

Хоть и небольшой, но город и притом – столица владений Королевства Четырех островов в Дальних Землях.

Сегодня после обеда Ринну предстояло посмотреть, как новобранцы проходят обучение, затем – как идет перевооружение форта. Форт, пожалуй, следовало проверить особенно тщательно – хотя сейчас и мир, но кто знает, что придет в голову королям завтра? Короли ведь почти как Элл – неисповедимы в мыслях своих и путях.

Но сначала он посетит дом губернатора Оскара.

Правда... не ради самого губернатора...

Переодевшись и не без легкого самодовольства глянув на свое отражение в зеркале, офицер вышел из дома и направился вверх по улице Святого Вертранга (или в просторечии Параду) – главной улице Стормтона.

Солнце разгоняло пленительную лазурь полутеней.

Запахи смолы и соленой воды, которыми пропитаны портовые переулки всего мира, уже смешались с ароматами жареной говядины и изысканных вин – повара взялись готовить завтраки. На улицах запахло и горячей выпечкой – ежась, потянулись в утренний обход булочники с плоскими корзинами на головах.

Гремели по мостовым колеса телег. Щелкали бичи. На набережной хриплые спросонок голоса уже предлагали жареную рыбу, устриц и креветок, фрукты, овощи.

Яркие блики сияли в сточных канавах, сверкали капли на листьях овощей в корзинах, придавленные камнями, шевелились черные крабы.

Двое – трое содержателей таверн выкатили на берег бочонки вина и бесплатно угощали всех желающих. Свою прибыль они намеревались получить чуть позже, утоляя жажду, которую сейчас только раздраживали, намеренно предлагая в виде закуски соленую рыбу.

Город жил своей жизнью – пестрый и шумный. Город стоял на самой оконечности длинного песчаного мыса, образующего одну из сторон гавани – обширнейшей, способной вместить разом до полутысячи судов. Здесь сгружались привезенные по морю товары – многое давно оплаканное законными владельцами: тут было не принято интересоваться происхождением груза. У длинных дощатых причалов теснилось множество кораблей, пришедших со всех концов света – от больших каноэ жителей Архипелага, до амальфийских винко, и танисских гурабов.

Таков был Стормтон – главный город острова Ледесма, жемчужины в заморских владениях королевства Хойделл, получивший имя в честь правящей династии.

Стормтон – столица не слишком больших, но и не малых владений короны лежащих в Великом Изумрудном море, расположившемся между зеленым выступом Мерида и длинным, неровным перешейком Ничьих Земель, голубым полумесяцем Ириоланского залива – моря, что отделяло юг Дальних Земель от Севера, а Закатный Океан – от Бескрайнего.

Здесь сгружались привезенные по морю товары – многое давно оплаканное законными владельцами... Три рынка – Морской, Рыбный, и Рабский, что на Таун-Хилл.

Тюрьма, арсенал и купеческие конторы, доки, где ремонтировали и оснащали корабли, мастерские ремесленников и игорные дома.

Особняки со старинными – под стиль Канута IX остроконечными крышами чередовались с хибарами, порок, роскошь и нищета соседствовали тут, переплетаясь.

Над дверьми сколоченных из старых корабельных досок заведений висели помутневшие от времени корабельные фонари, а кривые немощённые улочки, носили говорящие сами за себя имена – Переулок Риэлей, Жемчужный Тупик, Серебряная улица, Эспланда дю Адамант, Монетная...

Кого только ни видали эти улицы: стучали по ним солдатские сапоги и шаркали башмаки пьяных матросов; гремя колесами, высекая подковами искры из камня, проезжали в лаковых каретах почтенные негоцианты; шлепали босыми пятками темнокожие рабы, привезенные из

далекого Айлана. Одетые в восточные шелка благородные дамы, купцы, рабы, шлюхи матросы и бродяги. И пираты, само собой...

А в таверне «Устрица и якорь» располагалась Пиратская биржа.

Здесь вольные добытчики могли спокойно продать награбленные товары, договориться о выкупе пленников и тут же спустить все деньги в портовых тавернах. Местные купцы предпочитали не задавать лишних вопросов, а в кабаках всегда было достаточно рома, чтобы пьянствовать несколько дней всей командой. Точно также никого не удивляла когда время от времени продаваемые на Таун-Хилл с молотка невольники всех цветов кожи вдруг принимались выкрикивать что-то про то что они свободные люди, взятые в плен коварными морскими разбойниками...

Самое же интересное заключалось в том, что формально никакого пиратства не было. Именно так – не было!

И даже если бы, скажем, в Стормтон явился вдруг эгерийский или арбоннский посол, пусть даже с королевской грамотой, предписывающей оказывать ему помощь в розыске и поимке подрывающих свободу мореплавания корсаров – нарушителей мира и договоров, заключенных монархами, он бы встретил лишь недоуменное удивление губернатора.

Пираты, господин посол?!

Во имя Эллы – какие пираты? Слава Творцу, на вверенной ему земле таких злодеев не имеется! Да разве ж он допустил бы подобное попрание законов божеских и людских?!!

Пиратская биржа?!!

Помилуй Святой Вертранг – покровитель путешествующих, да откуда?!

Вас обманули, ваше превосходительство, тут только мирные купцы, и моряки конвойных фрегатов, оберегающих их от морских разбойников.

Тюрьмы, где содержатся пленники?! И даже ради выкупа?!!

Не может быть, уж он-то знал бы про такое безобразие!

Торговля награбленным?

Немыслимо, на всякий товар обязаны предъявлять купчую.

Рынок рабов?

Есть, как и везде в колониях: как же без этого. Но продаются там исключительно преступники из метрополии и законно вывезенные из Айлана и Танисса невольники. Кстати, вот только вчера его дворецкий купил очаровательную темнокожую деву. Не желает ли господин посланник полюбоваться? Ну, как знает...

Что, даже имеется список подозреваемых?!

Любопытно взглянуть. О, Элл! – покажите того клеветника и лжеца, который его составлял! Да это же честнейшие и благороднейшие люди! Слово дворянина!

Да что говорит почтенный посланник! Эрбан Рокк – это мирный торговец, а вовсе никакой не Морской Кабан! И Рагаллах – вовсе не Железный Кулак! Этим «осведомленным людям» по возвращении посла домой следует всыпать сотню плетей.

Ну а это просто смешно: Барбор Анут – добрейший человек, он и курицу-то не зарежет! Губернатору он хорошо известен, мы ведем с ним дела уже давно. Вот не далее как в прошлом месяце у него было закуплено сорок тысяч фунтов сахара, и сотню мешков айеннского перца, да ещё жемчуга пятьдесят фунтов. Откуда он их взял? Да у вашего же купца приобрел, у Хосефа Дадурини. Вот и купчая за подписью этого торговца, полюбуйтеесь... Подпись, печать – все честь по чести. Говорите, мэтр Дадурини погиб вместе с кораблем при нападении корсаров? Как раз в прошлом месяце? Какое несчастье!

Простите, милостивый государь! Нельзя быть таким подозрительным! Вот на Ледесме тоже ходят разные слухи. Но мы же не требуем выдать нам мэтра Ардинелли на том основании, что в наших кабаках его именуют Эгерийским Волком? Что ещё у нас говорят? Ну, к примеру, что дон Дракон – это капитан королевского флота Ардо Буньерос де Сото.

Конечно же, грязная клевета, что вы так кипятитесь?!

Так не хотите взглянуть на айланочку?..

Но, разумеется, никакого похожего разговора произойти не могло. Никакому самому глупому королю и самому бездарному царедворцу по другую сторону Океана не могло прийти в голову такой глупости: требовать у соседей-монархов выдачи пиратов. Тем более что никаких пиратов по большому счету и нет. Так, горстка шалунов, прячущихся в глухих бухточках и нападающих иногда на корабли мирных торговцев. Но всех их рано или поздно выловят доблестные королевские эскадры, и все будет хорошо...

Пролог в прошлом

За 10 лет до описанных выше событий

*Северо-Западный Шаргиб. Год 1238 от Воплощения Провозвестника, день Скорпиона
месяца иниб по танисскому счёту времени.*

Алое Море. Остров-Без-Имени.

Казни, как известно, бывают разными.

За все время, пока род людской топчет лик мира, немало измыслил их людской ум.

В землях далекого востока – Донг-Чен, Сейганд, Икон – осужденных перепиливают пополам тупой пилой, сажают на бамбук, на худой конец – скармливают тиграм.

В державе Сянь преступников-простолюдинов забивают палками, но палками не слишком тяжелыми, дабы злодеи умерли сразу, а почувствовали, что умирают. Более важных злодеев умерщвляют с помощью долгих изощренных пыток. Палач мог поплатиться своей головой, если жертва погибала раньше назначенного срока, который был, случалось, весьма долгим – например, великого мудреца Му приговорили к двум годам медленной смерти – за то что слишком мудрствовал.

В Тарунии и Вардарии осужденного зажимают между двух досок и пускают поверху слона. В Хелмии бедолаг бросают в загон с разъяренными быками, и те пронзают его рогами или затаптывают насмерть.

В Сурии, стране ещё достаточно диковой, преступников просто и без затей запарывают семихвостым кнутом. Во владении этим нехитрым инструментом сурийцам равных нет – могут убивать жертву и пять минут, и два часа, а могут высечь так что человек уйдет своими ногами с помоста после сотни ударов. Не зря сурианских палачей-кнутобойцев выписывают себе все окрестные государства!

В северных землях – от Свearланда до Ютарка, злодеев обычно приговаривают к «каменной смерти» – попросту заваливают тяжелыми валунами, или бросают в яму с волками. Правда самым доблестным и заслуженным преступникам позволяется умереть с честью, с оружием в руках – сражаясь коротким тупым мечом и в одной набедренной повязке против двух-трех одоспешенных копейщиков.

Уточенные патриции Амальфии выдумали всякие изысканные приемы, вроде бассейна с акулами и крокодилами, или постоянно заливаемого водой каземата, откуда узник сам должен ее откачивать, а как упадет он без сил, то и все...

В Эгерии предпочитают плаху и топор, или деревянную винтовую гаротту – хотя и костёр сгодится. Арбоннцы предпочитают разрывание четырьмя лошадьми – называя это с присущим им юмором: «Отпустить на все четыре стороны».

Хойделльский закон весьма милостив и снисходителен – там мало кого наказывают смертью. Ну разве для самых закоренелых предусмотрено потрошение живьем.

Ограничиваются тем, что осужденным отрезают носы, выкалывают глаза и вырывают «части тела, являющиеся признаками пола». А если злодей не переживет подобного – на то воля благого Элла.

В Омасской державе за изнасилование или прелюбодеяние мужчина также «подлежит лишению своего естества под ножом палача». А ведь в Книге Провозвестника сказано: «У кого раздавлены ядра или отрезан детородный член, тот не может войти в Царство Всемогущего».

Но самый изобретательный в мире народ по части пыток и казней – танисцы. Великий законовед Ар-ад-Берми как-то вздумал, собрав уложения и законы разных государств – больших и малых, где живет это племя, пересчитать все способы какими танисцы лишают жизни

виноватых. Но, дойдя до триста двадцать второго, бросил это дело в великой скорби. И было отчего – тут тебе и растирание жертвы между жерновами, и толчение в гигантской ступе, и сдирание кожи с живого человека с посыпанием солью, и повешение семью способами, и четвертование в разной последовательности, и утопление...

В Южной Эгрии, она же Северный Танис, приговоренного сначала морят жаждой, а потом дают ему пива со снотворным. И пока он лежит одурманенный, стальной проволокой перетягивают ему мужской член, накрепко связав руки. И бедолага умирает от разрыва пузыря, или оттого, что моча загнивает в его внутренностях – умирает долго и мучительно.

В Джарбе смертнику вставляют сухие камышинки во все отверстия тела, и заливают кипящее масло.

В торговом городе-государстве Асландир, на мысе недалеко от входа в гавань, построили «Башню Конца», куда привозят приговоренных – от изменивших мужьям жен, до богохульников, бросают их с высоких стен прямо на острые камни, которыми выложен двор башни. Хорошо, если несчастный сразу разобьет себе голову и легко умрет. Но каково ему лежать с переломанными руками и ногами на жарком солнце среди смердящих трупов уже казненных, и ждать мучительной смерти? Ужасные крики тех, кому не повезло, слышат и прибрежные жители и команды входящих в порт кораблей – возможно поэтому Асландир – самый спокойный из городов Багряного Моря.

Эмир Шадды устроил в своем зиндане клоповник, где развели тысячи и тысячи клопов. Мало кто может прожить там больше недели.

А вот Сонгайский султанат прибавил к этому списку ещё один способ. А именно – Остров-Без-Имени, он же Чёрная Скала. И при этих словах у самого закоренелого душегуба на всех землях Сонгаи от выжженных солнцем гор Серенди до веселых портов Альгунского берега сводит сердце нехорошим холодком...

* * *

Солнце, неспешно закатывалось за горизонт. На море царил полный штиль. Еле заметные холмики волн от весел галеры, не в силах рассыпаться белыми брызгами, лениво обтекали прибрежные камни острова.

Остров был невелик. По сути, то был громадный утес, обрывистая скала, выступающая из моря, изглоданная ветрами и прибоем, прорезанная примерно на половине своей высоты сквозным тоннелем-гротом. По легенде, древней и зловещей, отверстие в скале было пробито стрелой великана во время какой-то великой битвы добра и зла.

А вообще много было легенд про этот ничем вроде не примечательный клочок суши милях в трехстах к западу от Аль-Гардара. В большей части говорилось о том, что в прибрежных водах обитают злобные демоны, по ночам сосущие кровь людей, имевших неосторожность высадиться на острове. Потому и обходили его моряки десятой дорогой. Лишь иногда подходили сюда корабли, спускали лодки, которые причаливали ненадолго к берегу, но тут же и отходили. Не из любопытства – уж скоро как три века остров этот служил местом казни для особо закоренелых разбойников, убийц и грабителей, заговорщиков и преступников, «осквернивших имя Божье».

Побывавшие единожды на Скале стражники больше ни за что не хотели туда возвращаться. И когда при них заходила речь о зловещем рифе поспешно творили знаки, отгоняющие нечистую силу. Что уж они там такого видели – толком никто объяснить не мог. Говорили про обглоданные, изгрызенные кости, разбитые вдребезги черепа, и ещё про то, что черепов этих и костей слишком мало сравнительно с числом выброшенных на безымянную скалу злодеев.

Ар-Рагир аб Фаргид стоял на каменистой отмели, и смотрел вслед дхоу, удалявшемуся от острова. Она только что освободилась от очередного груза человеческих отбросов, и два

десятка преступивших закон бывших людей выбирались из воды на гранитный берег. Бывших, ибо перед тем, как подгоняемые ударами пик, они покинули трюм, служитель Создателя Миров пропел козлиным голосом чин отрешения от Всемогущего Отца и милостей его.

Отныне будут прикованы они к проклятой скале, если не смиростивится над ними Владыка Вечности, то навсегда.

Утёс спокойно и безучастно принял очередную порцию осужденных, как и много раз до этого. Корабль быстро уходил прочь от острова, провожаемый ненавидящими взглядами оставшихся на мертвых камнях людей.

Молча они стояли у кромки прибоя, словно ожидая чего-то. Все двадцать душ, обреченных на столь необычную и ужасную казнь.

За дни в тюрьме и в вонючем трюме они уже знали друг о друге – кто и за что сюда попал. Что не сказали сами, то поведали издевательские разговоры тюремщиков.

Плачущий старик – почтенный молла Аб-Дарун угодил сюда, будучи застигнутым в хлеву с козой. А сказано Провозвестником «Кто ляжет со скотиной, как с женщиной, тому смерть». И подавно непростительно, если служитель Всемогущего совершит это. Так его со спущенными штанами и тащила до городской тюрьмы толпа прихожан, ещё вчера внимавших словам старца с открытыми ртами.

Два темнокожих, похожих, как братья, пастуха с Гидийского нагорья. Как это не смешно, но они тут за то же самое, что и Аб-Дарун. Они, подобравшись к стаду дромедаров, попытались изнасиловать молодую верблюдицу, но были пойманы рабами, охранявшими стадо. Вообще-то на этих дикарей смотрят обычно сквозь пальцы, и в худшем случае – быть бы им битыми жестко плетью. Но верблюдица оказалась из стада тарика тамошней провинции. И повезли двух диких, казалось, и говорить-то толком не умеющих пустынных бродяг сперва в столицу, дабы выставить у позорного столба, затем в Наридалу, а потом, в трюме парусника, сюда, где им и суждено остаться.

Угрюмый звероподобный, заросший шерстью, как дэв, Сином-Зуболом – головорез из шайки знаменитого разбойника Хаша Тачи, однажды вырезавшего целую семью в четырнадцать живых душ ради нескольких медных монет и узла с тряпьем. И хотя сам Тачи и большая часть его шайки уже умерли на кольях, а тела их насытили голошеих стервятников ма-раббу, все равно ещё долго жители предместий высокостенной Наридалы будут пугать детей именем его.

Шестеро тайных поклонников Агибалла – держаться вместе и угрюмо, исподлобья оглядываются. Ну, с этими все ясно. Как имеющий некоторое отношение к Тьме, Ар-Рагир знал, что если не все, то половина того, что приписывают слугам этого запрещенного, злобного бога, пришедшего из неведомой тьмы времен, – святая правда.

Трое здоровяков в рваной морской одежде. Это контрабандисты из какой-то эл-имарской шайки. Их сгубила жадность – застигнутые портовой стражей «на горячем», они вместо того, чтобы бежать, бросив товар на радость слугам эмира, решили защищать добычу, понадеявшись на остроту мечей.

И, наконец, он сам – Ар-Рагир аб Фаргид, учёный чародей.

Подождав, пока привезшее их сюда суденышко сначала превратилось в крохотную точку, а затем и вовсе исчезло из вида, обреченные разбрелись кто куда. Но далеко от берега не уходили, может, надеясь на то, что корабль вдруг вернется.

Удалившись в тень, отбрасываемую высокой скалой, Ар-Рагир устроился на большом плоском камне и принялся размышлять. Голова работала плохо. Ломило затылок, кровь билась в виски. С чего бы это? Уж не подцепил ли он какую-нибудь хворь от *этих*... Впрочем, похоже это уже не имеет значения...

Да, обидно умирать в три с небольшим десятка лет, тем более, если ты – истинный чародей, к тому же находящийся на пороге подлинного мастерства и могущества.

Семнадцать лет назад, после того как отец, чахоточный лекарь-неудачник отдал обнаружившего магический талант сына в обучение к мастеру Ар-Радиру, знатоку целительской магии, Ар-Рагир начал искать ключи к тайному знанию, которое даст ему силу, что вознесет его над прочими людьми на головокружительную высоту.

...Он читал чудом уцелевшие запретные книги, изучал шаманство чёрных колдунов с юга Айлана и магию фаранджийцев, совершил путешествие в Уаджет в поисках древней мудрости. С возрастом, изучив книги и летописные записи о древней магии он пришел к выводу, что действительно великое колдовство, делающее человека могучим, как божество, с течением столетий стало просто невозможным. Магия, словно родник, бывший ключом в древние времена, из которого каждый мог наполнить себя, как сосуд, доверху, теперь превратилась в грязную лужицу, и уже невозможно было зачерпнуть из нее больше пары капель, да и то с большим трудом.

Но Фаргид работал с тем, что оставалось в распоряжении подобных ему людей, и уже к двадцати пяти годам кое-чего достиг. Особенно в демонологии и некромантике. В последней, как признавали коллеги по ремеслу, ему не было равных среди живущих ныне чародеев Таниса. Оттого и не бедствовал, потому как много находилось охотников пообщаться с теми, кто переселился в Царство Всемогущего.

И надо же так проколоться! Попался на горячем, когда норовил с помощью своего искусства отыскать клад, который прежний султан зарыл в припадке помешательства (которое и свело владыку в могилу).

В другое время его, глядишь, и отпустили бы, удовлетворившись приличной мздой. Но Фаргиду дико не повезло. Как раз за две недели до ареста молодой султан, очень внимательно прислушивавшийся к разным старцам и богословам, по их наущению подписал новый фирман о борьбе с чёрной магией.

В другое время Ар-Рагир затаился бы, воздерживаясь от занятий *искусством*. Но, как назло, он понадеялся на вельможу, с чьей подачи он и затеял поиск клада, и позволил себе проигнорировать объявление священной войны чёрным колдунами и чародеями. За что и поплатился.

В итоге он был схвачен, накормлен снадобьями, лишаящими всякой магической силы, обвинен в некромантии и поклонением демонам...

И вот теперь он на этом проклятом острове, по воле подписавшего приговор палача зиндиков.

Надо сказать, что и «заказчику» не поздоровилось. Правда, его участь была более счастливой – вельможу просто удавили...

Тяжелая рука легла на плечо.

– Эй, приятель, ты часом жертвой не богат?

Чародей скосил глаза.

Перед ним, нагло скалясь, стоял высоченный мордоворот. Многочисленные шрамы на теле, а также воровское клеймо на лбу не оставляли сомнений в роде его занятий. Хотя, случалось, что клеймили не только виноватых.

– Так как, не желаешь поделиться последним куском с ближним, как учит Пророк?

Мощные пальцы пребольно вцепились в Ар-Рагирово плечо.

– У меня нет еды, – миролюбиво ответил и попытался сбросить наглую лапищу, но не преуспел в этом.

– А мне сдается, что ты врешь, – прищурил око здоровяк. – Я своими глазами видел, как ты только что работал челюстями.

Что за бредни, удивился маг. А, никак он опять говорил сам с собой (такое с ним случалось, когда бывал взволнован), вот наглецу и померещилось, что Фаргид ел втихаря.

– Говорю тебе, нет у меня съестного.

И чтоб не донимал лишний раз, пустил в невежу «Огненную Змейку». Мордоворот тут же одернул руку и затряс ею в воздухе. Ничего, слабый ожог должен его вразумить.

– Ты чего?! – вызверился крепыш. – Я к нему по-доброму, а он...

Вот же пиявка! И чего это он такой злой? Вон, другие сидят себе, окаменев от горя, а ему неймется. Думать мешает, сволочь!

В сердцах плюнул приставале под ноги. Плевок на лету превратился в злобную ящерицу, не преминувшую цапнуть здоровяка за большой палец. Укусила, и тут же скрылась среди камней.

Иллюзия, конечно. Но и того хватило, чтобы поставить хама на место.

– Ладно, уважаемый, извини, ошибся, – примирительно сказал разбойник, косясь в сторону каменной россыпи. – Давай познакомимся, что ли?

В последовавшем за тем недолгом разговоре выяснилось, что нового товарища Фаргида зовут Динар Аррудж и осужден он за дерзкую попытку убийства шейха с целью ограбления.

Выяснив таким образом отношения, они двинулись на поиски пищи. За ними последовало ещё пять или шесть ссыльных.

Начали с прибрежных вод в надежде обнаружить хоть какую-то живность. Результат оказался неутешительным. Уже в нескольких футах от берега дно крутым обрывом уходило вниз, не давая прибежища крабам и мелкой рыбешке. То же и с берегом. Даже моллюска завалящего не нашлось.

Молва не ошибалась... Ар-Рагир с тоской поглядел в кристально прозрачную даль моря. И внезапно почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной. Маг обернулся. Никого!

Все товарищи по несчастью перебрались уже на более отлогий противоположный берег рифа. И все же маг ощущал чье – то присутствие. Казалось, обернись он быстрее, он оказался бы лицом к лицу с этим невидимкой. Или это какая-то из неприкаянных душ сотен и сотен погибших жуткой смертью среди этих мёртвых камней?

Ар-Рагир, объятый суеверным ужасом, заспешил туда где звучали голоса людей...

Тем временем солнце скрылось за горизонтом. Вскоре на остров должна была опуститься непроницаемая тьма ночи. Пора было позаботиться о ночлеге.

После недолгих поисков они обнаружили более-менее плоский и широкий камень, на который можно было улечься без особой опасности скатиться в какую-нибудь яму или в воду. Нагретая за день скала была теплой, и люди, утомленные тюрьмой, переездом на остров и страхом, почти мгновенно уснули на жестком ложе.

* * *

Ар-Рагир проснулся посреди ночи. Что-то потревожило его. Словно позвал кто.

Открыл глаза и тихо повернул голову. Рядом, широко раскинув руки, посапывал Ардуж.

А вот в трех шагах...

Чародей содрогнулся от омерзения.

Парочка гидийских пастухов усердно трудилась над тем, что ещё недавно звалось Аб-Даруном. В ярком лунном свете было видно, что голову старику размозжили острым тяжелым камнем. Он же послужил каннибалам чем-то вроде разделочного топора.

Слышались хруст и чавканье, от которого у Фаргида, человека неробкого и немало повидавшего, зашевелились волосы.

Он торопливо отвернулся, и в этот момент почувствовал, как из бесконечной морской глубины поднялось холодное НЕЧТО, которое на короткое мгновение коснулось его сознания и исчезло, вернулось в бездну, откуда пришло.

Но оно БЫЛО.

Остров действительно скрывал в себе некую неведомую и чудовищную силу.

Естественно, Фаргид уже не заснул. Он боялся даже сомкнуть глаза. Лежал, пялясь в мерцающее звездное небо, и чего-то ждал.

И не напрасно.

Где-то через час или около того (чародей, как и все его собратья, обладал чувством времени – а как же без этого творящему заклятия) ОНО пришло вновь. За спиной у него раздался пронзительный душераздирающий крик – на этот раз не повезло Синому-Зуболому, которым решила заняться парочка контрабандистов.

Удар, сдавленный хрип, звуки чудовищной людоедской трапезы.

И вновь – ЕГО прикосновения. Прикосновения к обнаженной душе, к разуму Фаргида. Прикосновения бестелесных лап (или что там у НЕГО – щупальца, хоботы?)

Практикуясь в каком бы то ни было магическом искусстве, Ар-Рагир всегда твердо помнил одно – жизнь его представляет для него наивеличайшую в мире ценность, и потому старательно изучал все доступные заклятья защиты. Сейчас это знание оказалось как нельзя уместным.

Полностью отключив внешнее зрение, колдун очертил в воздухе Знак Ларда и произнес несколько Слов, что сохранились в самых древних и зловещих тайных книг.

Но эффект был вовсе не тот, какой маг ожидал. Некая часть его отделилась от плоти и нырнула в каменную расщелину.

Внутреннее зрение вело Ар-Рагира в глубь древней скалы, на десятки и сотни футов вниз под океанское дно. Там простирался огромный лабиринт пещер, колодцев и трещин. И в этом лабиринте было что-то живое. Что-то чудовищное. Фаргид уловил медленное движение некоей бесформенной массы, поднимавшейся к поверхности лабиринта.

Владыка Вечности! ОНО действительно существует!

НЕЧТО заскользило, словно сметающая все лавина с гор, и чародей почувствовал, как ужас стальными клещами сжал все его внутренности, не давая вздохнуть.

Колдун медленно и осторожно проникал в сознание неведомой твари. Зрение его раздвоилось. Глаза твари на какое-то время стали его глазами. Уставившись в звездное небо, практически не различая его, он в то же время отчетливо видел, как чудовище поднимается по каменным лабиринтам к поверхности небольшого колодца.

...Слепой... Не вижу, ничего не вижу... Кругом мрак... Дышу мраком, пью мрак, ем мрак... Волны текут сквозь меня, твари морские ласкают скользкими струйками... Осып песка шуршит, наполняя тьму снами...

...Тьма и холод... Во тьме вспыхивают мелкие точки огней..

...Что-то мелкое, извивающееся проплывает мимо, слишком медленно... Пища... Ещё пища... Много доброй еды... Насыщение...

Тьма вокруг... Она колышется, как живая...краем глаза можно заметить движения во тьме...на самом пороге слышимости стоны, скрипы, скрежет, чавканье, голоса, снова стоны...опять движение...ветер по спине...оборачиваюсь...смех...снова ветер за спиной...мой страх рвется наружу...снова смех...слышно как капает вода...а может кровь...тьма...голоса становятся громче...слышу свое имя...они зовут...меня...они ждут меня...я начинаю вспоминать...боль...да, сладкая боль...я помню...я знаю... Древние Слова... Древний Огонь...

Сознание мгновенной вспышкой вернулось к Ар-Рагиру. Он затряс головой, пытаясь сбросить остатки наваждения, обрывки чужих нечеловеческих мыслей. Краем глаза различил в предрассветных сумерках, что на площадке стало ещё просторнее. Но ему было не до каких-то исчезнувших язычников.

И тут он снова ощутил прикосновения чужой силы к его разуму. То ли она почуяла его попытки творить волшебство, то ли просто решила, что он станет его следующей добычей...

И тогда он решился на то, от чего дружно предостерегали все учителя и писания самых зловещих культов...

– О, *ТЫ, Неуспокоенный*, – всплыли из глубин памяти и полились из груди слова древнего заклинания, прочитанного в проклятой даже самими черными магами «Книге Немертвого».

– *К ТЕБЕ* взываю, Владыка. *ТЫ*, кто утаскивает во тьму свои жертвы и уничтожает их, и кто живет за счет слабых и беспомощных, и пусть я никогда не стану слабым и беспомощным перед *ТОБОЙ*, и пусть я никогда не буду повержен *ТОБОЙ*. И яд *ТВОЙ* никогда не проникнет в члены мои, ибо члены мои подобны *ТВОИМ* членам. И как *ТЫ* не будешь повержен, так и я не буду повержен *ТОБОЙ*, потому что я слуга *ТВОЙ*, я часть *ТЕБЯ*, плоть от плоти *ТВОЕЙ*. Так не дай же смертельной боли, пронзающей *ТЕБЯ*, охватить члены мои. Я слуга *ТВОЙ*, и меня защищает сила, которая остается с *ТОБОЙ* на вечные времена. *ТЫ* тот, чье имя сокрыто от посторонних, и чье жилище священо на миллионы лет. *ТЫ* тот, кто обитает во мраке, и я с *ТОБОЙ*. Я тот, кто никогда не будет повержен *ТОБОЙ*. Я силен *ТВОЕЙ* силой! Мы – одно! Мы – возродимся!

Закончив молитву – клятву верности, Фаргид тут же ощутил, что тяжесть, давившая на виски, исчезла. На душе стало тихо и спокойно, как после отпущения грехов на великий праздник Покаяния. Ар-Рагир откуда-то узнал, что все будет в порядке, он будет спасен, и ему не суждено сгинуть на этой зловещей скале...

Он забылся тяжелым сном.

Но быстро пробудился, как будто кто-то позвал его по имени.

Ар-Рагир встал, глянул и поначалу даже не поверил глазам своим.

На горизонте маячил парус. Корабль двигался со стороны открытого моря. Это явно не была дхоу, доставлявшая осужденных – под страхом казни капитану было запрещено возвращаться, да он и сам не захотел бы сделать этого. Ветер быстро подгонял его, и уже вскоре стало видно, что это небольшой дармун с косыми парусами, сейчас наполовину спущенными и обвисшими.

Первым побуждением чародея было разбудить товарищей по несчастью.

Но оставив все сомнения и отринув жалость, он перешагнул через спящих (никто даже не пошевелился), спустился к воде и вошел в нее.

До корабля было далеко. Фаргид, изрядно ослабевший, усомнился в том, что сумеет доплыть до судна. Однако ж поплыл. И словно бы нечто влило в него новые силы, заставив забыть о сводившем живот голоде и усталости.

Когда Ар-Рагир оказался под самым бортом, волна подхватила чародея и услужливо поднесла к канату, свисавшему с борта прямо в воду...

И история мира изменила свое течение в миг, когда, кое-как перебирая руками и ногами, он вылез на палубу... Не загремел гром и не потемнели Небеса – лишь далеко на севере, за мрачными стенами никому неизвестного аббатства в глубине шлифованного камня блеснула еле заметная искра...

Хроника первая Сыновья смерти

*Жил однажды на свете Дьявол:
По морям-океанам плавал...*

Наталья О'Шей (Хелависа)

Глава 1

...Поприветствовав Домналла, губернатор Оскар ок Л'лири предложил командору сесть. Огромный, грузный адмирал весьма походил на пирата – как его изображают в дешевых песках уличные комедианты.

Лицо со шрамом. Плечи шириной чуть не в дверной проем, грудь, напоминавшая наковальню, руки – похожие на два некрупных свиных окорока.

Дополняли все это кривые ноги кавалериста, хотя губернатор до сих пор сидел на лошади как шут. Благо, вскакивать в седло ему приходилось не часто – разве во время парадов, по случаю тезоименитства монарха или прибытия инспектора из столицы.

В молодости, как говорили, он был изящным стройным дворянином благородного облика, но что поделаешь – несколько лет, проведенных на галерах эмира Эль-Акабы, не могли не отразиться на его облике.

Адмирал позвонил в колокольчик и грубовато велел прибежавшему слуге-мулату принести шоссю.

– Командор, я призвал вас не для того, чтобы спрашивать, как идет служба, – начал он, сразу взяв базилика за хвост. – Во-первых, – пододвинул к Домналлу ворох свитков с большими печатями, – ознакомьтесь – указы короны, что привезли нам из метрополии с последним судном. Заодно оно привезло одну персону, которую я не сказать, что особо рад видеть...

– Это кого же?

Ринн удивился: генеральный инспектор министерства колоний отплыл с Ледесмы не далее как месяц назад, с чего бы одолевать их проверками?

– Об этом потом, – махнул Оскар ладонью, опережая вопрос подчиненного. – Теперь второе, собственно, из-за чего я вас и вызвал. Среди этих бумаг, – непочтительно ткнул адмирал пальцем в высочайшие рескрипты, – его нет, это секретный приказ Адмиралтейства. О нем, правда, уже завтра начнут трепаться в кабаках Стормтона, а через неделю – по всему Изумрудному Морю. Но пока не начали, вы, любезный командор, должны будете составить план привлечения на службу его величеству, на случай военных действий, обретающихся в наших водах корсаров. Сиречь морских разбойников. Которых у нас, как вы знаете, *нет*.

Адмирал хитро сощурился.

– Точнее – выбрать из них тех, кто на самом деле на что-то пригоден в настоящем бою, и назначить старшего. По-видимому, самого опасного и наглого. Кстати, кто, по вашему мнению, среди наших вольных капитанов самый наглый и опасный?

– Игерна Бесст... Альери, – запнулся Домналл.

– Ну, – развел руками губернатор, – то, что она эгерийка, это полбеды. Но назначить леди командиром эскадры невозможно – разве что обеспокоить его величество, чтобы он сделал исключение в Корабельном уставе ради прекрасных глаз сеньориты Бесстыжей.

– Тогда Толино? Или Эохайд Счастличик?

– Нет, не то...

– Ну не Морриганха же от арбоннцев переманивать, – пожал плечами командор.

– А что, было бы неплохо: уж этот к эгерийцам никак не перебежит, – Оскар усмехнулся, обнажив сломанные пожелтевшие зубы.

С годами, как говорили недоброжелатели, он становился все более похожим на отставного боцмана, а не на лорда в одиннадцатом поколении, каким он являлся.

– Хорошо, подумайте, Домналл, и решите. И мой совет – подбирайте не по капитанам, а по командам и кораблям. Я вас больше не задерживаю.

Ринн поклонился и вышел, прихватив злополучные бумаги.

Уже в передней вспомнил, что так и не выяснил – что это за неприятная персона к ним пожаловала? Но не возвращаться же...

– Командор, я так рада вас видеть...

И вмиг все вопросы улетучились вон из головы бравого моряка.

Она вошла своей легкой семенящей походкой, в домашнем платье, скупототороченном кружевами, и волосы не рассыпались ворохом модных локонов, а были собраны в простой узел на затылке. Но Бригитт ок Л'лири казалась Домналлу краше любой расфуфыренной придворной дамы.

– Счастлив засвидетельствовать свое почтение, леди... леди Бригитт.

И не выдержал – отвел глаза. Грудь в глубоком кружевном вырезе корсажа буквально загля все его чувства, в том числе и самые нескромные...

Девушка была высока и стройна. Кожа ее лица отличалась необыкновенной нежностью и тем розоватым оттенком, который так свойствен девушкам северных стран.

У нее были длинные волосы светло-русого цвета, отливавшие скорее серебром, чем золотом. Они были заплетены в толстую косу, завязанную голубой лентой с жемчугом. Ее красивые глаза, цвет которых нелегко было определить, временами поблескивали вороненой сталью, а тонкие брови были темными.

Бригитт была одета согласно последней моде, вернее, моде годичной давности, только сейчас дошедшей до Дальних Земель. Платье из голубого шелка с кружевным воротом – очень элегантное, в то же время строгое – ничего похожего на арбоннские с их почти голыми грудями и спинами, обнаженными до самых... м-м-м, округлостей. На нем не было ни золотых, ни серебряных украшений, хотя у ворота висело несколько нитей чёрного и розового жемчуга, наверняка стоившего не одну тысячу риэлей, а в ушах сверкали серьги с двумя крупными изумрудами. Ее сопровождали две камеристки – красивые мулатки.

– Батюшка освободился? – лучатся лукавством очи прелестницы, в которых можно утонуть.

– Э-э-э...

Отчего ж он так неловок? Право, ему легче управиться с сотней отъявленных головорезов, чем поговорить с одной девицей!

– Так точно, – ответил Ринн невпопад и тут же поправился. – Да, губернатор сейчас один.

– Кстати, милорд Домналл, вы бы не могли сегодня составить мне компанию сегодня после обеда?

И добавила.

– Моя старшая служанка, Нирта, выходит замуж, я даю ей вольную... Хотя это и не принято, но я намерена посетить сегодня рынок и выбрать себе новую. Так что вы скажете?

– Да, конечно, я приду... – кивнул Домналл.

– Я надеюсь на вас...

Девушка прошествовала мимо и скрылась за дверью отцовского кабинета. А Домналл ещё некоторое время стоял столбом, пока не расслышал ехидные смешки мулаток. Грозно нахмурившись в сторону нахалок, командор удалился.

Глава 2

*Год 3342 от Возведения Первого Храма. 13 число месяца Аркат.
Материк Иннис-Тор. Великое зелёное Море. Остров Ледесма.
Владения королевства Хойделл. Стормтон.*

Как уже говорилось, из отправляемых в метрополию докладов следовало, что пираты были горсточкой отщепенцев, которых вот-вот истребят.

Представитель этой самой *горсточки*, Эохайд Эомар, среди товарищей по ремеслу более известный под прозвищем Счастливчик, командир шлюпа «Отважный» в данный момент направлялся в таверну. И в самом деле, где бы ещё проводить пирату время, проматывая награбленное, как не в таверне?

Правда, на пирата он не слишком подходил. Самое обычное лицо хойделльца – голубые глаза под копной чуть рыжеватых волос, ровные черты лица, которые не особо портил даже сломанный – след кабацких драк – нос, и шрам на подбородке. Да и висевшая на перевязи эгерийская шпага не была любимым оружием корсаров.

Тем не менее, Эохайд Счастливчик был именно пиратом, и не из последних – о чем свидетельствовала награда за его голову в пять тысяч риэлей, назначенная эгерийцами, и три тысячи леореннов, установленная министерством колоний Арбонны.

А в таверну он шел не проматывать деньги, а зарабатывать. Пиратство занятие, конечно, выгодное, но выгода эта неровная да переменчивая. И случается даже пирату, как бы ни был он удачлив, сидеть на мели.

Вокруг кипела обычная портовая жизнь: сновали торговцы, приказчики, прошеествовал королевский патруль, из таверн, окна которых выходили прямо на набережную, доносились звуки умеренного утреннего сквернословия. Морские волки, завсегдатаи питейных заведений, ещё не успели нагрузиться, как следует, и пока лишь вяло переругивались.

Впрочем, в «Луне и устрице» было тихо и благопристойно.

Здесь не случалось ни разу поножовщины или стрельбы, и не плясали ночами под стук барабанов голые негритянки.

Таверна эта была не самой большой и не самой роскошной в городе.

В иных тавернах имелась мебель красного дерева, а занавеси – из священных церковных облачений. Были кабаки, где кушанья подавали на золотой посуде, а вино и ром – в кубках, украшенных жемчугом и бирюзой.

Но серьезные дела, серьезные люди и большие деньги, как известно, любят тишину. Или, как говорят амальфийцы – «Мышь надо ловить молча».

Поэтому именно в этом тихом месте пиратские капитаны договаривались о совместных рейдах, заключали консорты, выясняли, какой товар нужен кому-то из «своих» торговцев, чтобы поохотиться именно на него. Тут можно было занять денег под долю в будущей добыче, или договориться о сопровождении ценного груза (брались и за такое) или, наоборот – об охоте за контрабандистами...

Разные вопросы обсуждались за стенами «Луны и устрицы», и многие тайны прояснились бы, имей эти стены уши.

Но ее хозяин – старый Самт, одноглазый и хромой квартирмейстер знаменитого Талифа, умел хранить чужие тайны.

Чужому человеку, случайно сюда забредшему, вежливо, но настойчиво указывали на дверь. Шпиону... До мутной быстрой речушки, уносящейся в Великое море, с заднего двора «Устрицы» буквально рукой подать...

Счастливчик прошел к свободному столу и сел на табурет.

Заказал бутылку вина.

Пока сам хозяин нес хмельное, Эохайд окинул взглядом таверну. Время приближалось к полудню, и в этот час посетителей здесь было немного.

Когда бутылка вина оказалась на столе, капитан откупорил ее и налил вино в глиняную кружку.

Не успел он сделать несколько глотков, как к его столу подкатился трактирщик.

– Простите, что отвлекаю, капитан, – наклонился он к уху Эохайда, – но вас просил позвать вот тот человек. Говорит, это очень важно. И... он хотел бы поговорить в отдельном кабинете.

Эохайд оглянулся.

На него смотрел немолодой уже человек в чёрной с золотой вышивкой одежде клирика. Он сидел, потягивая вино и оглядывая зал.

Черная священническая шляпа с лиловой лентой лежала рядом.

Несмотря на худые руки и мирную внешность, было в нем что-то воинственное – как в немолодом сухощавом генерале, отчего кафтан, доходящий до колен и застегнутый на все пуговицы, казался похожим на мундир.

Все это дополнял короткий клеймор на поясе – оружие почти исчезнувшее даже как церемониальное.

– Ну, хорошо, проси... – и Счастливчик поднялся из-за стола, направляясь в кабинет.

– Добрый день, капитан Эомар. Желаете вина? А может быть, рому? – спросил человек, как только фигура Эохайда появилась в проеме. – Присаживайтесь, не стесняйтесь.

– С кем имею честь? – тут моряк невольно улыбнулся, вспомнив, что в ниже-хойделльском «имею честь» звучит двусмысленно.

– Зовите меня пока Эгин. Преподобный Эгин. Я представляю церковь Владыки нашего Элла в королевстве Четырех Островов. Пока этого достаточно. У меня для вас дело.

– Я слушаю, – Эохайд сел и налил себе лимонного сока с ромом.

– Не буду говорить долго. Вам нужно будет в течении трех дней выйти в море и сплавать в одну бухту, чтобы там забрать некий груз. Груз очень дорогой и важный для матери нашей церкви. Вы получите ровно треть от его стоимости – можно прямо на месте. А пока вам заплатят тысячу эгерийских риэлей задатка.

Усмешка сползла с лица Счастливчика, уступив место серьезной мине. Он наклонился вперед.

– Форт, корабль? Кто охраняет? Сколько людей?

– Скорее всего – никого, – последовал ответ.

Эохайд не удивился. Эохайд не обрадовался. Эохайд задумался.

– Что за груз?

– Думал, у вас не принято задавать лишних вопросов, – нервно бросил собеседник.

– Я и не задаю, – процедил капитан. – Лишних.

– О характере груза скажу только после того, как мы подпишем... консорт? Так это называется?

– Не знаю, как у вас там, уважаемый Меч Истины, а у нас не принято покупать крысу в трюме, – с прохладцей процедил Эомар.

– Я ведь могу поискать и менее любопытного... Кстати, как вы узнали, кто я?

– Можете, – пожал Эохайд плечами, – но имейте в виду: менее любопытный сто против одного окажется и более жадным. И вы рискуете недосчитаться своего груза – в лучшем случае. В худшем – головы... или другой важной части тела.

Что ж до второго вопроса... Так сложилось, что ваш орден я неплохо знаю, и не скажу, что очень хорошо к нему отношусь. И если уж хотите, чтобы вас не узнали, то, по крайней мере, снимите этот ваш дрючок!

– Этот, как вы выразились, *дрючок*... – начал было собеседник, и глубоко задумался. Провел ладонью по гладко выбритому подбородку.

– Ну, хорошо, видимо все-таки придется раскрыть карты. Да, вы правы. Я – Северин Эгин ок Серчер, генерал-камерлинг ордена Меча Истины, и я желаю нанять вас. Пользуясь данным мне правом, готов дать всем участникам плавания разрешение и отпущение грехов, а тем, кого в метрополии ждет кара, дать охранные грамоты.

Вот теперь Счастличик и впрямь изумился.

Перед ним был сам Северин ок Серчер – бывший епископ Хойделльский, то есть второй человек в церковной иерархии королевства четырех островов. А еще – бывший вице-канцлер. То есть третий человек в иерархии светской после Первого министра и канцлера. А еще как помнил Эохайд, злые языки говорили что преподобный Северин на самом деле был третьим если считать от Первого министра. И вторым – если считать от короля.

До недавнего времени.

Потому что известие о неожиданной отставке «серого епископа» и уходе от дел светских, дошло уже даже сюда.

Капитан невольно приподнялся, склонив голову в полупоклоне. На большее от Эохайда Эомара мог бы рассчитывать разве что король, или Предстоятель.

– Не нужно церемоний, – попросил епископ. Ныне я всего лишь скромный генерал-камерлинг одного из монашествующих орденов матери нашей церкви.

– Значит, отпущение и помилование... – повторил джентльмен удачи. – Интересное дело. Озадаченно почесал затылок.

– Более того, если даже кто-то из вашей команды приговорен к смерти, то я имею право помиловать его именем короля. Вам достаточно попросить меня...

Лицо Эохайда вдруг помрачнело.

– Спасибо, – пробормотал он. – Но тому, за кого я бы мог вас попросить, ваше помилование уже не нужно. К делу, что нам предстоит? И, пожалуйста, святой отец, не лукавьте, иначе дела не будет.

– Все очень просто – вы в моем сопровождении добираетесь до места, грузите золото на корабли и уплываете.

– На корабли? А кто второй?

– Пока ещё не знаю... хотя кандидатур не так много.

– Кто бы он ни был, сначала вам придется спросить у меня – согласен ли я с ним плыть куда-нибудь, и вообще – сяду ли я с ним на одном поле... отдохнуть! – нервно выпалил Эохайд.

– Ладно, – кротко кивнул епископ. – Теперь я...

– Извините, преосвященный Северин, теперь я буду задавать вопросы. Первое: почему бы вам не воспользоваться услугами королевского военного флота?

– Вы не дали мне досказать, – нервно поморщился прелат. – Мы поплывем севернее Змеиной реки.

– А, Ничьи Земли, – кивнул Счастличик. – Но все равно непонятно. Можно подумать, это кого-то особо останавливало. Есть ещё причина?

– Вас не проведешь, – добродушно покачал головой Серчер. – Ну хорошо, думаю, что могу сказать. Во первых – должен раскрыть карты – особого выбора у меня нет: корабль на котором я прибыл сюда, и на котором рассчитывал продолжить плавание, не сможет выйти в море по меньшей мере месяц.

(«Точно», – кивнул про себя Эохайд. Флейт "Орлан" попавший в ураган на подходе к Стормтону по совести говоря лучше бы оттащить на корабельное кладбище.)

И второе – так получилось что дело это не касается королевства Хойделл, но лишь святой церкви.

– Вот как? – вздел брови моряк. – Тогда, конечно, понятно.

То, что святая церковь весьма равнодушна к золоту – это вещь конечно хорошо известная, но чтобы за какими-то сокровищами отправился лично епископ, пусть и отставной – это, пожалуй, было даже ему в новинку.

– Вам надо будет пройти между Каннхом и островом Монаро на север, после чего бросить якорь в Коралловой Бухте. Там мы сойдем на берег, пойдем в лес... недалеко, заберем груз и возвращаемся. Так что?

– Что за груз? – с нажимом повторил корсар.

– Хорошо... – после долгой паузы процедил епископ. – Нам предстоит забрать золото из руин храма...

– Это какого-же? – недоверчиво процедил Эохайд. Что-то не припомню там...

– Из руин храма ата-аланцев, – вымученно процедил экс-епископ.

– Вам следовало бы начать с этого, – молвил Эохайд, намереваясь встать. – Тогда бы я просто предложил поискать другого капитана, и не тратить время. Тысяча риэлей, конечно, хорошие деньги, но если кроме них ничего не светит...

– Что ж, я вас понимаю, – начал Серчер, – но что, если я вам скажу...

– Святой отец! – с укоризненной насмешкой покачал головой Эохайд. Я не учился даже в приходской школе, но я все-таки не деревенский придурок, и кое-что знаю про эти края, и, думается мне, даже побольше вашего. Во всех Дальних Землях не нашлось ни единого следа Древних, хотя их уж искали-искали, что у нас, что на северном материке. Есть даже акт капитула Толеттского королевского университета, предписывающий не принимать прошения насчет поисков всяких ата-аланских штучек в этих местах. Двадцать пять профессоров и тридцать два доктора подписали, вот так!

Экс-епископ озадаченно уставился на Эохайда, явно удивляясь, что неотесанный морской разбойник ссылается на авторитет старейшего университета в Святых Землях.

Это не укрылось от Эомара и вызвало у него приступ ехидной веселости – давай, святой отец, я и не такое завернуть могу...

Вздыхнув, преосвященный покачал головой и вдруг добродушно усмехнулся.

– Тридцать два доктора? Ну что ж, это не первый раз, когда ученые ослы машут хвостами почем зря! А что бы ваши доктора сказали вот на это?

Он сунул руку в сумку на пояс, и поставил перед онемевшим капитаном, маленькую, но увесистую серебристо блеснувшую статуэтку, громко грюкнувшую по доске.

– Ага! – только и вымолвил пират.

Перед ним было небольшое, грубое изображение бога или демона. Больше всего это было похоже на стоявшую на хвосте толстую игуану с головой спрута, оскалившую длинные зубы. Существо имело несомненные признаки женского (гм...) пола, и держало в руках человеческий череп.

– Откуда... – начал было капитан.

– Ее, вместе с картой вынес из джунглей Ничьих земель больше полувека назад капеллан Сен-Кропезского полка, преподобный отец Морио, да успокоится его душа в мире. Он отправился в рейд против эгерийцев вместе с двумя ротами, и оказался единственным, кто вернулся. К сожалению, разум его уже безнадежно помутился к тому времени, как он вышел в расположение нашего десанта.

Эохайд молча кивнул. Преосвященный говорил о Войне Трех королей, когда Арбонн и Хойделл заключили союз, с целью ни много, ни мало – выбить эгерийцев из Дальних Земель, и поделить их между собой. Тогда сорокатысячная соединенная армия почти вся погибла в боях на островах, при неудачной осаде Марагены, да в джунглях Ничьих земель – именно тогда они и стали Ничьими – единственная уступка, какую вырвали у Толетта.

Забавно, что совсем немного времени лет спустя принц Руперт с несколькими тысячами бродяг и авантюристов добился куда большего.

Но не старые войны сейчас занимали Эохайда.

Он и в самом деле был не слишком учен, книг за свою жизнь прочел почти что и не одной, учась всему понемногу у разных людей. Но он, как и полагалось пирату, великолепно разбирался в том, что и сколько стоит.

И накрепко помнил одну нехитрую вещь. Обычное ювелирное изделие идет как полторы цены веса содержащегося в нем металла. Отмеченное клеймом знаменитого ювелира – от трех до десяти. Если мастер покинул сей мир, то может дотянуть и до двух десятков. Столько же берут за украшения с Дальнего Восхода или Юга. Украшения древних времен – будь то Урмосская империя, старые гаэльские королевства островов и материка, или то что выкапывают в сурийских землях из древних курганов, не говоря уже об Уаджете – тут иногда кладут и больше ста монет на вес древней фибулы или гривны.

Но что касается изделий ата-аланцев – вот тут обычные способы просто неприменимы. Каждое из них продается с аукциона, и мало в казне какого короля найдется с сотню тысячетлетних золотых и платиновых фигурок или украшений.

А то, что вещица не подделка, ему было очевидно. И дело тут не в той даже ауре темных давних времен, что окружает крошечного уродливого идола. Просто... Просто до сей поры никто не научился ещё так обрабатывать платину, как это делали искусники сгинувшей Благословенной (она же Проклятая) земли.

Ни отливать, ни резать, ни даже толком плавить серебристо-белый, тяжелый и воистину благородный металл не умел никто. Даже растворить ее не получалось у алхимиков. Да, эгерийцы кое-как научились чеканить из нее монету – разогревая в горнах намытый в россыпях платиновый песок или сточенные в опилки самородки, и отбивая раскаленный металл тяжелыми молотами в стальных формах. Но даже простой перстень сделать таким способом можно было лишь после двух-трех попыток.

Так что сейчас на столике стояло настоящее сокровище, стоимостью как минимум в неплохой корабль.

И невольно Эомар проникся уважением к епископу, конечно, обычаи вольных мореходов защищали клиента, но как бы то ни было – принести такую драгоценность в разбойничий притон?

– Хотите, я добавлю ее к задатку? – осведомился служитель Эллы.

– Нет, благодарю, – сглотнув, бросил пират. Хорошо, я... я согласен, – Эомар допил ром и встал, почувствовав при этом легкую дрожь.

– Милейший! – крикнул епископ хозяину таверны. – Перо, бумагу и чёрнила!

Через несколько минут договор был составлен и подписан.

– Ну, вот теперь, когда все формальности соблюдены, не могли бы вы изложить свой план, капитан?

– Извольте. Но имейте в виду, я все равно должен дать согласие на второго.

– Ладно, ладно, у вас будут возражения относительно капитана Альери?

– Игерны? – переспросил Эохайд. – Но... То есть... Нет, конечно!

Схолия первая

О ДАЛЬНИХ ЗЕМЛЯХ

Было то уже пять без малого столетий назад в год 2900 от возведения в подлунном мире первого храма Единому Творцу.

В то время ещё не было ни пушек, ни аркебузов, и даже ныне забытый за ненадобностью «танисский огонь» считался бесовским оружием, подсказанным язычникам самим Хамираром.

Не было и нынешних стран.

Арбонн был разделен на три герцогства – Гиссу, Ретанну и Арторику. Хойделльцы только-только закончили свою Войну Лилий, и каждый остров кичился своей свободой, ещё не зная, что через три десятка лет Канут Ютский наложит на них свою тяжелую лапу в кольчужной перчатке. Эгерия едва-едва загнала южных язычников за горы, и переводила дух после гибели у Алькантары армии короля Иверо Мученика, надеявшегося сбросить танисцев в море.

Про Сурию, почти стертую с лица земли кочевниками, почитай никто и не слышал, и даже образованные люди, впрочем, весьма немногочисленные, были свято уверены, что за Хелмией, за Сурьянским морем лежат земли одноглазых великанов и собакоголовых людоедов.

А уж о том, что по ту сторону Океана, и помыслить было страшно!

Конечно, в мудрых книгах что-то говорилось о Ата-Алане, а в баснях и сказаниях – о Стекланных островах, островах Дев и великой земле О'Маггал.

Но куда больше веры было эгесскому епископу Косимо, говорившему, что от берегов Арторики до края плоской Земли, где вечно клубится туман от извергающегося в бездну океана, ровно шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть морских миль. Не называли тогда Старые Земли – Старыми Землями, ибо про иные страны почти не знали, именуя огромный остров окруженный девятью морями, где обитают приверженцы истинной веры – Святыми Землями, или даже просто Мир Сей.

Моряки тогда обычно плавали вдоль берегов, ориентируясь по отмелям и прибрежным скалам, по полету птиц и цвету воды, по солнцу и звездам, но больше, пожалуй, полагаясь на чутье.

Компас и у танисцев только появился, а с астролябией умела обращаться хорошо если три-четыре сотни звездочетов и астрологов на всем материке.

Так что моряк, отважившийся пересекать напрямую даже Эгерийское море, не говоря уже о плаваниях к Свальдбарду, считался изрядным храбрецом.

И тем удивительнее было то, что сделали те два человека, имена которых ныне знает каждый моряк. О которых поют песни, и чьими именами называют корабли.

Жили тогда в вольном городе Лирде что в Валиссе, поставленном, по преданию, на месте древней крепости ата-аланцев (все города Валиссы поставлены на месте древних крепостей ата-аланцев, и не вздумайте спорить с горожанами!) два морехода.

Первый – амальфиот Илаис Вальяно, сын настоятеля соборного храма Вертранга, отказавшийся от сутаны во имя моря и парусов. Второй – потомственный купец и мореплаватель в невесть скольких поколений, Бранн Мак-Мор.

Как встретились они, в какой таверне, а может быть на одном из столь любимых в Эгерии празднеств, или может на дружеской пирушке у таких же, как они, пенителей моря – теперь уже никто не скажет. Потому как в те уже баснословные времена никому из хронистов не пришло бы в голову интересоваться какими-то там грубыми моряками. А когда спохватились, уже и почитай, помнивших не было в живых.

Говорили, что Мак-Мор был пиратом, взявшим корабль Вальяно на abordаж и не сумевшим победить Илаиса в мечном бою – отчего, мол, и проникся уважением к противнику, ибо прежде это никому не удавалось. Другие же, напротив, полагали Вальяно хозяином пиратской флотилии, нанявшим Мак-Мора на службу. Третьи заявляли, что во время плавания китобоев на Норгрейн наткнулся капитан Бранн на пирогу обитателей еще не открытого Иннис-Тона, унесенных ветрами далеко от родных вод, но поскольку по необразованности ничего не разобрал из их рассказа, обратился к Вальяно, чтобы тот начертил карту для плавания в земли дикарей. (Понятное дело, выкинутых бывшим пиратом за борт, когда в них отпала нужда).

Четвертые – что Вальяно сам нашел в древних храмовых записях карту времен Ата-Алана, да вот не надеялся на свои капитанские дарования... Пятые... Седьмые...

Но как бы ни было, оба они верили в одно – что за океаном и скалистыми островками Эль-Хазарда лежит неведомая людям земля.

Сперва соратники сунулись было со своими идеями в королевский дворец, но придворные лишь отмахнулись от докучливых простолюдинов. А когда они начали толковать о какой-то пользе, которую может извлечь Эгерия из открытия новых стран в океане, им сурово сообщили, что ежели мореходы хотят послужить во славу короля, то пусть для начала найдут деньги в каком-нибудь другом месте, а не у обожаемого монарха.

Купцы выслушали более внимательно, но денег все равно не дали. Вот если бы уважаемые действительно открыли какие-то земли, на которых имелось бы что-то полезное, вот тогда, возможно, их бы и взяли в долю – процентов за десять, ну в крайнем случае – за двадцать.

Церковь Элла устами всех трех епископов королевства заявила, что если и есть там, в водной пустыне острова, то людям на них взяться неоткуда, и слово истины нести некому. И вообще, пусть почтенные мореплаватели прочтут «Космографию» преподобного епископа Эгесского и хорошо помолятся Элли, чтобы он их простил и вразумил.

Так, может, и до сего дня не были бы открыты Дальние Земли, да только вот и Вальяно, и Мак-Мор были не только мечтателями, но ещё и капитанами, и у каждого был свой корабль, и имелись верные люди, готовые пойти за ними.

И вот, на двух галеотах, нагруженных здоровенными кувшинами-арробами с водой и вином, вяленным мясом в смоленых бочках и сухарями в мешках из вощенной кожи, отплыли они из гавани Лирда на закат.

Потом, века спустя, стали говорить, что двум храбрецам тогда воистину сам Элл помог. Ибо шансов переплыть океан на тех скорлупках у них, почитай, было меньше, чем у раненного клыкача – пересечь Море Химер.

Но не зря ведь говорится, что кому суждено сгореть, тот не утонет.

Случаем или чутьем они двинулись именно тем курсом, по которому проще всего пересечь океан. Невзначай курс этот проходил мимо двух островков, где можно было пополнить запасы воды, когда на «Змее Бурь» в качку побились амфоры с водой, и укрыться от шторма, когда маленькую флотилию настиг редкий в тех широтах ураган.

(Острова эти именуются ныне островами Святого Мартина и Святой Агаты.)

Они проскочили мимо Курийского течения, где ветра не дали бы им продвигаться на запад, а сила исполинского потока измотала бы гребцов.

К тому же плавание их пришлось на «тихий год», какие обычно наступают каждые одиннадцать лет.

Наконец, команды настолько верили в своих капитанов, что ни разу за все время плаванья никто даже не выразил и тени недовольства, что приходится плыть в неизвестность. И вполне возможно – к гибели.

Так все благоприятно совпало для двух мореходов, одержимых зовом бескрайнего горизонта, что впору было говорить о помощи Творца – не случайно же это плавание потом приводили в пример маститые теологи как доказательство промысла Всевышнего.

Впрочем, трезвый и расчетливый мог бы сказать – так выпали кости.

И кто из них прав? Как судить?

Но, так или иначе, а спустя тридцать шесть дней «Змей Бурь» и «Копье Вертранга» достигли мест, где океанская синь вод сменилась густой зеленью, а вскоре пристали к берегам обширного, поросшего буйными лесами острова. Он получил имя Андайя – в честь девы-спасительницы из старой хойделльской легенды, а море, за цвет воды – Мар-дель-Исмарагдо – Изумрудным.

Пристав к берегам обширной бухты, Вальяно и Мак-Мор провозгласили найденную землю владением эгерийского королевского дома. (А что же ещё могли сделать его верные подданные?)

Но плыть дальше оказалось невозможно – как выяснилось, какие-то морские черви источили днища кораблей, так что первый же шторм пустил бы их ко дну.

Однако ни капитаны, ни их команды не пали духом. Вытащив суденышки на берег, они разобрали «Змея Бурь» по досточкам, и за три месяца отремонтировали «Копье Вертранга».

Пока одни возрождали к жизни корабль, меньшая часть моряков рассылалась деятельными Вальяно и Мак-Мором по острову на поиски древесины, смолы, дичи и, прежде всего, людей. Однако если кабаны, огромные морские черепахи и здоровенные нелетающие птицы с вкуснейшим мясом попадались в изобилии, то ни туземцев, ни даже следа человеческого эгерийцы не встретили.

С вершин прибрежных холмов моряки видели на горизонте очертания других земель, но ни разу не промелькнул в морской дымке парус.

Пренебрегая опасностью, Вальяно с добровольцами-храбрецами сплавал на соседние острова на шлюпках – и не нашел там ни малейшего следа человека. Для него, грезившего уцелевшими за морем городами Ата-Алана, это было сильным разочарованием.

Зато было найдено кое-что другое, что и определило дальнейшую судьбу новооткрытых земель.

Думая, как защитить дерево бортов от червей-точильщиков, Мак-Мор решил послать своих людей поискать, нет ли поблизости в горах слюды или свинцовых руд, чтобы было чем обить днища.

И вот его матрос Федерико Анхелико, нашел в одном из горных ручьев тяжелый рыжий камень, при своем невеликом размере внушительно оттягивающий руку. Моряк прекрасно знал, что это такое, ибо два года провел в кандалах на рудниках Светоча Веры, халифа Иддин-ар-Уны, добывая золото.

В короткий срок мореплаватели обратились в старателей, так что даже работы на «Копье Вертранга» затормозились. И за месяц, пока не иссякла россыпь, намыли ни много, ни мало – восемнадцать пудов этого металла. Больше, чем было в казне даже очень богатых земель приверженцев истинной веры, за вычетом разве что монархов-пиратов Норгрейна, да ещё амальфийских торговых городов.

И вновь люди удержались от соблазна, золото не помутило им разум, и никто не попытался устроить резню – ведь это были моряки из Лирда, заслужено считавшиеся лучшими в западных землях. Добыча была поделена по справедливости.

Погрузив золото на «Копье», они кинули жребий, кому остаться на вновь открытых берегах, а кому плыть обратно – ибо всех не вмещал корабль, да и запасы в трюмах были не бесконечны.

Принять «Копье Вертранга» под свое начало выпало Бранну Мак-Мору.

А Вальяно и те, кому не повезло, остались ждать возвращения товарищей. На берегах бухты, получившей имя Бухты Провидения, они zaloжили первое поселение, назвав его Геоанадакано, что на древнем языке значило просто – Новый Город. И принялись в ожидании возвращения товарищей искать новые россыпи золота, корчевать лес под первые посевы, да плавать на соседние острова, все ещё надеясь встретить хотя бы след человеческий.

Мак-Мор же ушел в море. И вновь доказал, что он и в самом деле лучший капитан всех западных морей – от Тингиса до Тромсборга.

Он прошел вдоль побережья северного материка, найдя-таки заморских антиподов (впрочем это уже совсем другая история). Он сумел, поймав весенние восточные ветра, оседлать то самое Курийское течение, счастливо миновав с его помощью мертвые штили «сухих

широт», отбиться от борребийских пиратов у мыса Хегарон и вернуться в Лирд, уже оплакавший своих сыновей ушедших в никуда.

По преданию, король Хайме Говорливый целый час не мог вымолвить ни слова, когда Бранн опустил к его ногам тяжелое блюдо с золотым песком, и так же молча коснулся монаршим клинком плеча Мак-Мора, посвящая того в рыцари...

(Можно лишь представить королевскую радость – ибо после провалившегося похода его старшего брата на Тингис в казне с тоски, наверное, повесились последние мыши).

Назад Мак-Мор отплыл через год – во главе уже трех десятков кораблей, которые везли первых желающих поселиться на новых землях, и через месяц с небольшим привел их в бухту Гоандакано...

Вальяно и Мак-Мор совершили ещё два плавания в Иннис-Тор. Одно – вдоль побережья на юг, до устья исполинской реки, получившей имя река Святого Лауренсио, и второе – за мыс Мароно, открыв Великий, он же Бескрайний, океан, который через почти век пересечет Ино де Ронго: человек, впервые обогнувший мир, наглядно доказав, что Элл сотворил его круглым.

Первооткрыватели Дальних Земель решили, что сумеют пройти бескрайние водные просторы – и спустя еще год отошли на трех кораблях из новозаложенной гавани Геанодакано на Запад.

И больше никто никогда не видел их выпелов. Но говорили, что не погибли они, а просто в великой неисповедимой милости своей Всевышний сделал так, что корабли их ушли в *Нездеиние Моря*, где и странствуют они до сих пор.

И по сию пору поют в кабаках всех портов от Кордисса, до Рединга «Балладу о двух мореходах».

*Малым вперед,
как вел их лот, солнце в тумане все дни, —
Из мрака во мрак,
на риск каждый шаг, или, как ветер, они.
И вел их свет ночных планет, карта северных звезд,
На норд-норд-вест,
Западный Крест, за ним Близнецов мост...*

Глава 3

Игерна открыла глаза, приподнялась на койке.

Солнце вовсю било в широкие иллюминаторы, и капитан де Альери недовольно поморщилась.

Надо же – загуляла изрядно!

Оглядела каюту.

Ранее этот фрегат принадлежал Арбоннскому флоту и ходил под белым с цветками розы флагом великой державы. Корабль оказался в руках Игерны де Альери почти без боя. Именно тогда она получила оба свои прозвища – и вполне заслужено.

Спотыкаясь о пустые бутылки, пиратка пробралась к столу, на котором были раскиданы карты, но даже не взглянула на них: острова по бумаге не бегают. Лучше выпить! Женщина перегнулась через стол и потянулась за стоящими под ним непочатыми бутылками. Достав две, плюхнулась на пол, облокотившись спиной о сундук с одеждой (одежда, впрочем, была разбросана по каюте, как и оружие, что было уже совсем не порядком)

Эгерийка чертыхнулась пару раз, пока пыталась выдернуть застрявшую в бутылке пробку. Та не поддавалась, и Игерна в сердцах просто с размаху ударила горлышком по столу, разбивая его – старый кабацкий прием.

Ром весело забулькал, вливаясь в горло и приятно его обжигая.

Ей враз полегчало.

– Хей, Хор! – заорала, выбираясь на палубу. Хей, кастрюльный адмирал, вылезай, капитану закусить нужно!

Из двери камбуза высунулось сначала темное лицо корабельного кока, а потом и вся она целиком.

Босая, с голым животом, в короткой кофточке, едва сходящейся на высокой груди... в кружевном, когда-то роскошном переднике, ныне носящем следы всевозможных блюд, коими Хор'Тага потчевала команду. За кушаком – рукоять топорика, которым рубила мясо. Она вообще предпочитала топор всякому другому оружию.

Лениво подбежала, держа в руках уже заранее готовый поднос с черепашими колбасками.

– Ты как всегда отлично выглядишь, – польстила капитанша своей подруге-мастерице похлебок и каш.

– Что есть, то есть, – буркнула Хор'Тага. – А тебе, абуна, не надо напиваться в стельку, так и мозги пропить недолго.

– Какая я тебе абуна?? – возмущенно воскликнула Игерна. С каких пор я абуна? Я для тебя – капитан де Альери!

Хор лишь улыбнулась, шутливо поклонившись.

Эгерийка доверяла своему коку больше, чем кому бы то ни было на «Акуле».

Были на то причины...

– Подавать завтрак, абуна? – осведомилась Хор.

При мысли о еде тошнотворный комок зашевелился в желудке.

– Нет, спасибо, не хочется что-то, – отказалась Игерна наотрез.

– Как скажете, капитан, – вновь чуть поклонилась Хор'Тага.

Игерна была единственной, кому девушка кланялась.

Три года назад, месяц спустя после захвата фрегата, Игенра взяла на бордаж судно, следовавшее к Арбаосу с сотней рабов на борту. Рассудив здраво, команда «Акулы» решила воспользоваться такой удачей, взяв новый курс, чтобы доставить груз к месту следования и получить куш от торговли живым товаром. И вот когда груз уже стогнали на берег, Игерна заметила

среди рабынь девушку лет восемнадцати с гладкой оливковой кожей и большими красивыми глазами, полными не страха, но ярости. Схватив мулатку за руку, пиратка рывком поставила её на ноги и впихнула в свою каюту. Что ею двигало в тот момент, она никогда не признавалась. Жалость? Сострадание? Интуиция... Похоже, что последнее – ни к жалостливым, ни к добрым людям Игерну Отважную (она же Бесстыжая) никто не причислил бы. Но прихоть судьбы спасла Хор Тагу, ставшую с тех пор коком.

– Салуд, капитан! Салуд, Хор! – на палубе появилась третья женщина из команды «Акулы» – Кармиса, корабельный маг.

Маг, по правде говоря, слабенький, так себе... Но другого мага пока не намечалось. Опять же, Кармиса, как ни крути, родилась тут, на одном из островков, и великое Изумрудное Море было ей родным. И это не раз уже выручало «Акулу» и ее лихую команду.

Расхлябано шлепая по доскам пятками, Кармиса подошла.

– Ну что, сестры, когда отплываем? – справилась она, зевая во весь рот. – А то ты, капитан, уже скучаешь – после полуночи притащилась, да загибала так, что боцман позавидовал. Я вот на всякий случай приготовила тебе питье для поправки.

Протянула фляжку.

Роскошное красное платье, уже слегка потрепанное, обвисая складками, сползло с плеча, обнажив гладкую смуглую кожу.

– О-х-х, и впрямь скорей бы в море! Может прибахлюсь, а то это уже надоело до чертиков, – она недовольно одернула платье.

Игерна улыбнулась.

Пристрастие к роскошным модным платьям было слабостью Кармисы, и она даже выговорила в консорте себе право сверх доли на все женские тряпки, что окажутся на захваченном судне.

И это при том, что сидели они на вчерашней рыбачке чуть получше, чем сутана на мартышке.

Уже не раз магичка приставала к Игерне – пусть де она объяснит, как правильно носить эти господские одеяния? Сама ведь дворянка как-никак!

И капитанша все порывалась объяснить, что не шились эти платья в расчете, что их оденут на голое тело – путь даже такое молодое и крепкое, как у Кармисы.

А полагалось надевать под него пять, ну три, в крайнем случае, нижние юбки с оборками, да ещё пояс, на котором держаться чулки, и к которому крепятся фижмы, поддерживающие турнюр. А сверху, под корсаж, надо надеть сорочку, ровно повторяющую форму декольте, и такой же старательно скроенный корсет из плотной ткани да кожаных ремешков, которые затягивают и зашнуровывают, чтобы они поддерживали талию да поднимали грудь. И уж давно немыслимо, чтобы в таком платье появиться босиком.

Альери невольно опустила глаза.

Чистую протертую с песком палубу «Отважного» попирали три пары не самых худших женских ножек.

Белые, чуть позолоченные загаром, с узкой аристократической ступней – ее, капитана Игерны Отважной. Смуглые, с крепкими икрами – рыбачки Кармисы. И стройные, блестящие полированным деревом – кока.

Ни дать, ни взять – три богини с трех сторон света из легенд об Ахайской войне, собравшиеся, чтобы решить спор – кому достанется смертный красавчик, царевич Состарп.

– Ладно, заходите или проваливайте! – пригласила, распахнув дверь в свои покои.

Подруги, разумеется, зашли.

Войдя в каюту сама, Игерна плотно закрыла дверь и, раскидывая пинками бутылки, прошла к столу.

Отхлебнула несколько глотков сваренного сестрицей Кармисой пойла и принялась переодеваться. Выпрыгнув из штанов и сбросив рубаху, она, совершенно обнаженная, подошла к сундуку, надавила на шпенечки секретного замка.

В полумраке каюты светилося матовым сиянием ее тело, и топорщились округлости грудей с яркими вишневыми пятнышками сосков. Маг восхищенно прищелкнула языком.

– Вот это сиськи! Ты, капитан, зря не носишь эти вот... со шнурками...

– Корсажи, – машинально подсказала Игерна.

– Ага! – кивнула Кармиса. – Грех перед Эллом такое богатство прятать! Хотелось бы мне такие иметь.

Альери Отважная довольно повела плечами.

– Так ведь твои побольше будут!

– Ну-у-у-у, – скорчила гримаску знахарка, – сравнила! Мои-то обвисшие, хоть я и помоложе тебя... А твои – просто чудо: твердые, аккуратненькие, просто прелесть!

– С мужиками поменьше надо валяться! – пошутила капитанша.

– Ха! А что ещё делать, когда работы нет? Так и вовсе забыть можно, что ты женщина. Не все же такие монашки, как вы с Хор!

Хор Тага хихикнула. Кем-кем, а уж монашкой она не была.

– Кстати, – хлопнула себя по лбу рукой Кармиса. – В порту новая купальня открылась. Наведалась бы ты туда...

– Зачем?

– Как это, зачем?! Для чего люди в бани ходят? Чтоб мыться, конечно. Вон как пропахла винищем. Хотя что с тебя взять? Ты, наверное, только попав на море, воду каждый день видеть стала!

– Ты это... – нервно передернула плечами Игерна. – Скажешь тоже...

– Хоть мой отец был и небогат, но уж раз-то в неделю корыто горячей воды мы согревали да мыла флакончик покупали... – уточнила.

– Фи, корыто, – сморщила носик магичка. – Сходи в купальню, хоть посмотришь, как люди живут. Там все заведено по восточной моде. Один бассейн чего стоит – размером с небольшое озеро. А уж массажист – закачаешься!

– Массажист? – переспросила Игерна, от неожиданности уронившая юбку. – Мужик?!

– Да что ты! – всплеснула руками Кармиса. – Какой ещё мужик – евнух! Танинский. Пальцы у него такие... – она мечтательно закатила глаза.

Игерна и в самом деле вспомнила, что массажистами и слугами у танисцев все больше евнухи работают – а во дворце султана Омасской империи так вообще их, говорят, семь тысяч. Неудивительно, что их при таком количестве уже везут через океан.

Так что сходи – там вот купальня – не то что твоя лохань – он ткнула пальцем в медную ванну за дверью в гардеробную.

А что – ванна как ванна – такие в Арбонне не всякий дворянин имеет...

Ага – как раз малость побольше свиного корыта... Тоже – баловство таскаешь это...

Что верно то верно.

Игерна привыкла ходить в холщовых штанах и бесформенной зюйдвестке, она могла питаться солониной и пить не морщась "кровь базилика" – жуткий пиратский коктейль – треть морской воды, треть пресной и треть рома – но вот без того чтобы хоть раз в три дня не сполоснуться – а лучше каждый вечер – не могла. Для этого даже брала отдельную бочку пресной воды, стоявшую в бывшей гардеробной там же где и ванна.

– Ладно, подумаю, спасибо за совет, – кивнула капитанша.

Повинуясь женской логике, она в первую очередь вытащила пару сережек – больших тяжелых кружков золота. Встав перед зеркалом, вдела в уши жемчужные розетки, не забывая

любоваться своим телом. Помнится, ее сравнивали с Девой Моря... Она очень обижалась, думая, что имеются в виду русалки (не на море будь помянуты).

Затем скользнула в рубашку, отороченную кружевами, обмотала бедра айланским суронгом алого цвета («Видела бы сейчас меня дуэнья!»), затем влезла в короткую нижнюю юбку, а сверху натянула юбку обычную – тоже короткую – всего на ладонь ниже колен. Обмотав кушак вокруг талии, сунула за него сзади короткий кривой восточный клинок с волнистым лезвием. Рукоятью вниз – так, чтобы в случае чего выхватить сразу.

Накинула сверху бурнус.

– Все, сестрички, я пошла. Может, сегодня повезет найти подходящую работенку. А то и впрямь совсем сопьемся...

Глава 4

«Я повел себя как молодой дурак, который спьяну устраивает дела, а теперь терзается от жадности и сомнений... – злился Счастливчик, шагая домой. – К Эллу!! Лучше работать по мелочи, чем быть у кого-то на побегушках. Тем более – у попов! И Игерну ещё приплел! Хотя ее приплел не я а этот самый епископ».

Ладно, раз уж заказ взят, то надо его исполнять. Хочешь, не хочешь – надо поднимать ребят, тем более они и впрямь застоялись.

Трудно сказать, что там есть и сколько, и не надул ли его преосвященный для какой-то своей надобности, но уж раз взялся, то слово надо держать, иначе какой же он пират?

Поднявшись на второй этаж «Зеленой Бороды» и найдя третью дверь, он осторожно открыл ее и заглянул вовнутрь.

Там, наконец, увидел Геордана. Его боцман крепко спал и из его полуоткрытого рта раздавался могучий храп.

Эохайд стоял очень тихо, любуясь открывшейся перед ним картиной: Геордан лежал, обнимая своими громадными ручищами двух юных и прелестных девушек.

Капитан усмехнулся в усы, прошел через комнату и оказался рядом со спящим трио.

– Полундр-ра! – гаркнул, что есть мочи.

Девушки с криком вскочили на ноги и, увидев чужака, поспешили прикрыться простыней. Видать, работали недавно, и не прониклись тем равнодушным бесстыдством, что отличает опытных постельных тружениц.

– Вставай, дружище, – усмехнулся Эохайд. – Время вышло.

Бернардо очумело выпучил глаза.

– Опохмелись-ка! – протянул ему Счастливчик кружку. – Где остальная команда?

Помощник схватил сосуд и с жадностью осушил. На его лице появилось более-менее осмысленное выражение.

– В заведении Лерны, где ж ещё?..

Его парни сидели вокруг ложа и играли в карты – старые пергаментные квадратики затерлись почти до полной неузнаваемости. Все бы ничего, но играли они на спине у полуголой темнокожей девки, растянувшейся с закрытыми глазами на оном ложе. Моряки азартно шлепали картами по узкой блестящей спине, как по самому обычному столу.

В уголке сидела, потягивая арбоннское белое вино по десять серебряных за бутылку, Маго Языкастая. Шлюха уже не юная, но отличавшаяся умом и умевшая поддержать разговор в хорошей компании, за что и ценилась. Ведь вранье, что мужику нужно от бабы только одно. Бывает нужно и ещё многое другое...

Он посмотрел на нее – и Маго, как дама неглупая, тут же удалилась, прихватив как бы невзначай и вино.

Моряки пару раз пнули девку, на спине которой так и остались раскинутые карты, но та даже не замычала, лишь глубокодохнув, наполнила комнату духом перегара.

– Ладно, пусть ее, – сообщил Эохайд, – Заканчиваем, ребята, чалиться, – не терпящим возражения тоном молвил он. – Нашел я для нас работенку. Мы идем к Коралловому Заливу.

– В Ницьи Земли? – переспросил боцман. – А что там делать? Жемчуголовов трясти? Или лесорубов – ради чёрного дерева? А потом самим бревна грузить?

– Нет, – просто ответил капитан. – Искать сокровища ата-аланцев...

Лица морских волков отразили глубокое разочарование. И неудивительно – про затерянные города ата-аланцев в землях Иннис-Тора говорят чуть ли не со времен Бранна и Вальяно.

– Успокойтесь, парни, дело верное. Я заключил консорт с господином Северином из Ордена Меча Истины, а у того железные доказательства.

Эомар не счел нужным называть полное имя заказчика.

– Ещё и поп... – пробормотал кто-то.

– Наша доля – треть того, что мы там найдем.

– Ага, – Геордан был явно зол на приятеля за то, что тот испортил ему удовольствие, – лазать по болотам и бултыхаться в мангровых зарослях?! Да пусть твой монах забирает и остальные две трети, и роется в этом дерьме сам! Эохайд, дружище, ты никак поглупел!

– А что ты скажешь насчет тысячи полновесных риэлей, старый перец? – улыбнулся в ответ капитан. – Из них пять сотен уже завтра?

Лица как по волшебству изменили выражение.

– Тысячу? – переспросил кто-то. – Недурно. А далеко то место?

– Не очень, – пожал плечами Счастливчик.

– Четыре-пять дней туда, дней пять-семь там, ну и обратная дорога – дней пять, – начал загибать пальцы Фрейсон, который хоть не умел ни читать, ни писать, но в подсчетах, касающихся добычи, мог дать фору любому эгерийскому казначейскому нотариусу. – Двадцать дней самое большое... По шесть золотых на долю – и сотня сверх! Ну, капитан, за такие деньги можно искать хоть самого Хамира!на!

Моряки кинулись вон из борделя – собираться. А темнокожая шлюха-«стол» даже не пошевелилась. Похоже, она и в самом деле спала.

Эохайд шел по улице, слушая болтовню своих топающих позади ребят, уже предвкушающих «отвальную» пьянку, и думал.

Воспоминания опять нахлынули давящей тяжестью. Пусть все перегорело, пусть месть исчахла... Но все же никогда не думал, что придется работать на церковь, мать нашу!

...Это было давно и далеко отсюда. Там, где море не зелёное, и даже не синее, а серое и холодное...

В тот день – серый, декабрьский – в тот день шел снег. Летела по ветру крупная, как горох, снежная крупа, набивалась в стыки между булыжниками городской площади; пахло первым снегом, навозом и дымом; переступали, фыркая паром, лошади. Тонкие оголенные ветви царапали небо, и побуревшие палые листья заledenели в грязи, втопанные конскими копытами.

И помост казался мальчишке огромным, до неба, – желтые свежеструганные столбы, и где-то высоко-высоко, под самыми сеющими темные точки хмурыми тучами, столб с привязанной к нему фигуркой. Возле столба выложены вязанки сухого хвороста.

Народу собралось немало – почитай, половина городка.

Еще бы – давненько, уж лет с пятьдесят, не веселил Священный Трибунал обывателей Глейвина аутодафе.

Эохайд не выдержал, отвернулся. И стоявший рядом с ним стражник – немолодой пузатый дядька, грубовато, хотя и без излишней жестокости – что поделать, приказ – повернул его голову. Вновь его взор обратился туда, где ожидала смерти в огне его мать.

Он вновь отвернул голову. И вновь стражник оборвал эти попытки.

Пристав с эшафота охрипшим басом зачитывал приговор.

До слуха Эохайда доносились лишь отдельные слова.

Отравительство... наведение порчи... лишение мужской силы... убийство детей во чреве матери... служение Рогатому...

Толпа встречала речь судейского злобным гудением, хотя обреченная бездушным законом на смерть Сихен Мей не сделала никому из них ничего дурного. Сколько их детей, что тоже собрались тут и развлекаются, кидая комья грязи в эшафот, появились на свет с ее помощью! Сколько женщин, одобрительно выкрикивающих: «Сжечь ведьму!!» спасено от родильной горячки!

Мама Эохайда молчит, лишь вздрагивая, когда очередной комок грязи попадает в нее.

Эохайд молча смотрел на маму, зная что видит её последний раз. пытки и истязания превратили цветущую молодую женщину в полуседую старуху. Она молчала, лишь плечи вздрагивали в рыданиях, и слезы текли по красному от ветра лицу с незаживающим ожогом от калёного железа на щеке...

И нет у нее уже сил кричать, что все это ложь, что нет за ней никакой вины, кроме того, что отказалась удовлетворить похоть верховного инквизитора графства.

Вот он – сгорбленный козлобородый монах в ярко-белой рясе, злорадно ухмыляющийся. Ещё бы, теперь ни одна вдовушка, ни одна девушка округи не откажет ему, помня, что случается с гордячками! Приговор судей окончательный и обжалованию не подлежит, ибо по делам Священного Трибунала миловать может лишь архиепископ – а какое дело столь высокой особе до какой-то простолюдинки?!

Тут же и судьи светского суда. Двое разражено взирают на толпу и эшафот, явно думая лишь об одном – чтобы неприятная процедура закончилась, и они отправились бы по домам. Третий, немолодой здоровяк отводит глаза, угрюмо подергивая себя за бороду.

Много позже Эохайд узнает, что лорд Редди единственный из трех не подписал приговор, заявив в лицо преподобному Акури, что серьезных доказательств нет, а под пыткой даже сам инквизитор сознается в чем угодно, хоть в сожительстве с Хамираном.

Но двое других не были столь разборчивы, а может просто не хотели ссориться с церковью, и судьба целительницы Сихэн Мей была решена.

Вот оглашение приговора закончилось, и палач поднес к хворосту пылающий факел. Пламя жадно набросилось на поживу... И вырвавшись из рук стражника Эохайд ринулся по неровному булыжнику улицы куда глаза глядят – лишь бы подальше от воя пламени и воя толпы...

Последнее что сохранил его взгляд – серую сутану преподобного Акури, на которую бросает рыжие отблески разгорающееся пламя. Рука его лежит на эфсе церемониального клеймора – знака посвящённого ордена Меча Истины...

...Это случилось в Хойделле. Там, где море мутное, серо-зеленое и холодное, где зимой идут дожди со снежной кашей...

* * *

Гавань была полна народа.

Игерна с трудом пробиралась через толпу торговцев. Кругом были натянуты тенты, и стояли открытые палатки, наполненные всевозможной одеждой, обувью, кружевами, скобяными изделиями, вином, маслом, инструментами, галантереей, благовониями.

Она потратили около получаса, прежде чем выбрались из толпы, но теперь мимо нее постоянно сновали носильщики, переносившие тюки с хлопком, табаком, индиго, какао, ванилью, сундуки с жемчугом, золотом, серебром, кораллами и изумрудами.

Где же эта купальня, о которой говорили подружки?

Кармиса сказала, что это где-то поблизости от таверны «Луна и устрица», куда направлялась капитанша.

Так, «Черный Кот», «Синий Якорь», «Зеленый Дракон», «Рука Короля», «Корабль», «Сахарный Хлеб», «Серебряная Корона», «Три Моряка», «Водяная мельница»... Сколько же их тут понатыкано?!

Ага, вроде оно.

Приличное на вид здание с двумя куполами, отделанное мрамором. На вывеске изображен темнокожий мускулистый красавец, лукаво подмигивающий прохожим: мол, не зайдете ль?

Зашла.

Точно такой же красавец, но уже живой, почтительно встретил ее и проводил в предбанник. Здесь де Альери разделась и, завернувшись в простыню, прошла в наполненный паром зал. Отчего-то он пустовал. Лишь все тот же красавчик-атлет с темной кожей приветливо улыбался дорогой клиентке.

– Массаж, абуна?

Так это и есть евнух-массажист?! Надо же, как обманчива наружность! А она думала...

– Меня зовут Ондонго.

– Ну, давай, – позволила.

Он уложил ее на горячую мраморную плиту. Лицом вниз.

Содрогнулась, ощутив, как на кожу пролилась холодная струйка ароматического масла. Но неприятное ощущение тут же и прошло.

Умелые руки забегали по ее спине, рукам, ногам, разминая каждую косточку. Девушка замурлыкала от удовольствия. Похоже, парень и впрямь был мастером своего дела.

Что интересно он чувствует, прикасаясь к недоступному для него женскому телу?

Хотя... Слышала она что если евнуха оскотили не в детстве, и так сказать не полностью, то он вполне может быть для женщины полезным...

Игерна осознала, что происходит, лишь секунды через три после того, как сверху на нее навалилась необорная тяжесть чужого тела.

Она дернулась, пытаясь вскочить, но крепкие руки притиснули ее к мрамору.

А потом горячая сладость наполнила ее, расслабив вмиг налившиеся сталью мышцы, и она ощутила мужскую плоть – отменно твердую и тугую, там, где этой самой плоти не было уже весьма давно.

Промелькнуло в голове: хороша она будет, если сейчас начнет орать, кричать, отбиваться, поднимая на ноги все заведение. Но потом стало не до мыслей.

Первый раз она издала негромкий стон наслаждения. Второй – буквально завывала от блаженства. Третий – вновь застонала, но стон этот длился, казалось, вечность. На четвертый раз ее сил хватило лишь испустить долгий тихий вздох.

Тяжесть исчезла.

Морячка перевернулась на спину.

Ондонго стоял перед ней – высокий, мускулистый, слегка грузный, но совсем не похожий на обычного евнуха – жирного и женоподобного. Зато подобный статуе бога Йолла, которого местные темнокожие упорно именуют святым.

– А если б я выпустила тебе кишки? – осведомилась Игерна, расправляя мышцы. – Не боялся?

– Нет, абуна, – он скрестил руки на груди. – Не боялся. Ондонго знает, что нужно женщинам. Ваше тело тосковало по мужчине, и я дал вам то, чего вы хотели. Я знаю, что нужно женщинам, и делаю это хорошо... Меня обучали этому в школе Айф-Дагана...

Игерна что-то слышала об этом танисском городе, знаменитом своими рабскими рынками.

– Вам нечего бояться, – произнес массажист. – Ондонго умеет хранить чужие тайны. Многие женщины этого города были тут, и ни про одну не было плохих разговоров.

Встав, Альери-Отважная сполоснулась с ног до головы, зачерпнув ковшом теплой воды из лохани, потом вошла в бассейн, где минут пять плескалась в прохладной горной воде.

Выбравшись, ещё раз оглядела интерьер купальни. Белый мрамор пола. Дерево потолка. Медь лохани.

Темно-коричневая бронза тела массажиста...

Улыбнулась и вышла в предбанник, где – о чудо! – ее ждала чисто выстиранная и быстро высушенная одежда.

Ондонго молча стоял в дверях, глядя, как она одевается.

– Чего тебе ещё? А, ну спасибо, красавчик, – бросила Игерна. – Ты был великолепен, братец!

– Я не брат вам, – возразил со всей возможной серьезностью банщик. – чёрные и белые люди были созданы разными богами.

– Слышал бы это твой духовник! – рассмеялась капитанша.

– Это так, – бросил он с чувством то ли гордости, то ли презрения (к кому?).

Девушка оделась и уловила вопросительный взгляд Ондонго.

– А теперь чего?

– Полкроны, – скромно сообщил он.

Игерна улыбнулась. Вообще-то в обычном борделе за полкроны работали только самые свеженькие девушки.

– А не жирно будет – пять скеатов? Ну ладно... – развязала кошель.

Поморщилась – полукрон у нее не имелось. Мельче кроны она с собой не носила.

– Лови, – в ловко подставленную ладонь упала серебряная монета с профилем Руперта II.

...Отойдя за две улицы от «Танисских бань Эзейры Лура», Игерна разыскала трактир «Луна и устрица», где столы были выставлены на улицу, под навес из плюща, и, усевшись за столик, саркастически рассмеялась.

Вот как дела обернулись! Ее, одну из трех женщин-капитанов когда-либо плававших в водах Изумрудного моря, эгерийскую дворянку не самых, причем, худших кровей, попросту отымели, как зазевавшуюся шлюху в темном переулке.

«Ну, сестричка Кармиса, ну удружила!! Ну, ничего – вернусь на корабль и разберусь с тобой!»

Стоп, а кто сказал, что магичка тут вообще причем? Может, ее массажист и не драл: уж вряд ли девчонка долго обходится без мужчин! Не то, что она сама.

Вернее, ей приходится. Потому что женщина может стать капитаном в мире сем, но лишь если не будет проявлять женских слабостей. Бессонные ночи, когда сквозь стенки каюты доносятся стоны и ржание матросов, приведших веселых девчонок на корабль, закушенная подушка, редкие, урывками встречи с приглянувшимися мужчинами в номерах трактиров, торопливые соития в дни безумного карнавального веселья, когда под маской не видно – кто ты. Но такова плата судьбе за право быть тем, кто ты есть.

Да ещё вот так – поневоле пожалеешь что тут не Сеговеза с её дюжиной борделей для дам! И уж не так всё плохо и вышло с этим... евнухом! Правда вряд ли она сможет бывать в этих банях слишком часто – а то ведь пойдут разговоры...

Игерна навсегда запомнила то, что сказала ей во время их второй и последней пока встрече Миледи Ку. Тогда они собрались в одном из ее убежищ в глубине Архипелага, где на берегу незаметной почти с моря бухты стоял особняк из кедра, какие во множестве любили строить в колониях...

Было их тогда с десяток капитанов, прибывших, чтобы договориться о разделе «охотничьих угодий» – хозяйка обожала улаживать подобные дела.

После переговоров был пир для гостей. Во главе стола восседала сама Миледи, по правую руку от коей сидел нахохлившийся плешивый арбонн, ее муж: настоящий граф из пленных. А по левую – ее камеристка, юная креолка, на которую повелительница пиратов бросала уж слишком откровенно нежные взгляды.

Пир прошел под аккомпанемент оркестра пленных музыкантов, еда была подана приготовленная бывшим адмиральским поваром – из пленных, перемены блюд и напитков объявлял мажордом – тоже из невыкупленных пленников.

Миледи все время мило шутила, играя радушную госпожу богатого поместья, называла присутствующих своими «возлюбленными братьями и сестрами»...

И вот следующим утром Игерна выглянула в окно, разбуженная шумом и смехом.

И увидела как ее новая приятельница – хозяйка «Русалки» Дарьена Бешеная в чем мать родила плескалась в прибое, весело уворачиваясь от двух матросов своего фрегата, таких же голых и, хм, весьма возбужденных.

Позади Игерны раздался тихий смешок.

Обернувшись, эгерийка увидела бесшумно вошедшую Миледи, облаченную в пышный халат пурпурного сянского шелка, затканного золотыми фениксами.

– Ты ей завидуешь, девочка? – сдвинув тонкие выщипанные брови, прямо справилась госпожа Ку, решив пренебречь приветствиями.

Игерна лишь передернула плечами, не без некоторого злорадства отметив морщинки на лице хозяйки и уже начавшую увядать кожу шеи и рук.

– Знаешь милочка, – сообщила королева пиратов, небрежным жестом приглашая Игерну присесть за столик, на который вышколенные лакеи уже расставляли серебряные чашечки с дымящимся шоссом¹ – и сервиз, и шосс и лакеи были само собой, тоже корсарскими трофеями, – не завидуй глупышке. Поверь мне, старой акуле: в нашем дерьмовом мире, что правда, то правда, и баба иногда может быть капитаном, да только вот этот капитан уже никогда не сможет быть бабой. Дарьена, даром, что не сильно старше тебя, понимает в морском деле больше иного придурка, двадцать лет проторчавшего на мостике. Она обращается со всякими железяками не хуже матерого эспадачина, она даже курс может прокладывать, что не всякий офицерик в эполетах сумеет. Она, наконец, удачлива как сто морских чертей, но... Но всё это ей не поможет. Потому что она путает свою команду со своим гаремом. Так что поверь, недолго уже нашей сестре Бешеной удивлять этот дерьмовый мир. А ты запомни вот что – ты можешь завести роман с губернатором, с епископом, с капитаном любого из вольных мореходов, с адмиралом Оскаром, с протектором Супремы или с любым грузчиком. Можешь даже купить смазливого раба и поселить его в отдельном домике. Это всё тебе простят, как прощают мне моих девочек... – Миледи Ку многозначительно усмехнулась. – Но упаси Элл тебя лечь в койку с кем-то из своих матросов или офицеров, потому что ты перестанешь для них быть капитаном, и станешь обычной бабой, к которой тут же выстроится очередь, как к портовой шлюхе. Поняла?

А ведь хитрая лисица оказалась права! Недолго Дарьена продолжала свою веселую жизнь, купаясь при сотне мужиков в чем мать родила, прыгая в море с борта, недолго водила своих головорезов на абордаж, в ярости срывая рубаху, недолго развлекалась, выстраивая команду на шканцах да выбирая себе мужика на ночь. Хоть команда «Русалки» вроде и обожала свою доступную капитаншу, с которой каждый матрос хоть раз да переспал, хоть и считали, что приносит она им удачу, а все ж и впрямь бабе капитаном не быть. У берегов острова Шалиско села «Русалка» на мель, и как не старались снять ее не смогли. Тут же вспыхнул бунт. Ещё вчера беспрекословно повиновавшиеся ей флибустьеры во всем обвинили капитана, надо же было за компасом следить, а не в койке прыгать... Дарьена попыталась было схватиться за оружие – ее сбили с ног, после чего принялись насиловать всей толпой, а когда опомнились и увидели, что она давно мертва, выкинули уже бездыханное тело на корм акулам. Да вот не помогло им это – подошел эгерийский галеас, навел пушки, да и отправились лихие ребята в кандалах на рудники.

– Вы разрешите? – раздался над ухом вежливый голос.

Подняла глаза. Рядом с ее столом переминался с ноги на ногу немолодой уже человек в чёрной с золотой вышивкой одежде клирика. На поясе висел короткий церемониальный клеймор.

Что ему нужно? Отпугивает потенциальных нанимателей, ворона Эллова. Однако вслух вежливо произнесла:

¹ Шосс в этом мире называют кофе – точнее напиток похожий на кофе, позаимствованный у танисцев.

– Да, садитесь, святой отец.

Сел, вальяжно облокотившись о спинку стула. Девушке он отчего-то не понравился. Может, своей излишней самоуверенностью? Подобные мужчины всегда вызывали у нее настороженность и легкое раздражение.

– Позвольте представиться, – слегка склонил голову. – Северин ок Серчер, смиренный клирик ордена Длани Эллы.

– Очень приятно, – вежливо улыбнулась. – А я...

Священник поднял руку.

– Я знаю, с кем имею дело, донна Ингерна де Альери. Вы... капитан конвойного корабля, так? И у меня к вам есть деловое предложение.

О, это уже интересно.

– Вас не смущает то, что я... не мужчина?

– Можете не волноваться, меня ничего не смущает. Я всякое повидал. Впрочем, признаю, женщин-капитанов в своей жизни ещё не встречал.

– Вы часом не родня бывшему статс-секретарю нашего короля?

– Не родня, я он самый и есть, – театрально развел руками. – Удивлены, донна? Или сеньора? Как вас лучше называть?

– Да называйте хоть «ваша светлость», – усмехнулась Игерна. – Не обижусь! Не удивлена, представьте.

Это было если не ложью, то сильным преувеличением. Но в торге главное не проявлять эмоций. Иначе продешевишь.

– Тут все же Дальние Земли... Но что же вас сюда привело, святой отец? В наш самый греховный, распущенный и злобный город на земле, как выразился светлой памяти епископ Томас. Или... Неужели хотите попытать удачу в нашем ремесле вольных мореходов?

– Нет, – покачал головой собеседник, – каждый должен заниматься своим делом.

Игерна отметила – при ее вопросе что-то шевельнулось в глубине глаз церковника. Старые дела не иначе. Говорят, Орден Меча ничем в своем рвении не брезговал, особенно в те времена, когда имел свой флот и воинство...

– Хочу нанять вас.

На миг морячка поколебалась.

Наверняка этот человек не для развлечения собирается куда-то плыть, и не пикаронам проповедовать. А как могут быть опасны игры сильных мира сего для маленьких людей, она знала очень неплохо. Но, в конце концов, вечная жизнь никому не грозит.

Девушка одарила собеседника самой простодушной улыбкой из своего арсенала.

– Право же не знаю. Ваш орден борется со злом и происками врагов церкви и темных сил, не так ли? Я, поверьте, не понимаю, чем могу помочь...

Сейчас ей очень хотелось, чтоб этот человек хоть немного приподнял забрало своего невозмутимого высокомерия.

Он немного призадумался. Ладно, если эта девочка действительно так умна, она поймет его слова, как надо.

– Хм, – в задумчивости потерела Игерна кончик носа, когда Северин ввел ее в курс дела. – На авантюру толкаете, отче. Нутром чую, что данное... предприятие окажется не из тех, что именуют увеселительной прогулкой.

– Определенный риск, конечно, есть, – вынужден был признать ок Серчер. – Но за это я и плачу вам деньги. Согласитесь, немалые.

Кивнула. Только задатка предложенного святошей, ей бы хватило, чтобы полностью переоснастить фрегат.

– Тогда по рукам?

Капитанша помедлила.

– Простите, но дела так не делаются, господин Серчер. И для начала я бы хотела кое-что получить сверх означенного. Скажем так, некие гарантии.

– Я готов... – начал было генерал-камерлинг. – Если моего слова вам будет достаточно...

– Увы, – покачала головой Игерна. – Этого мало! Как вы думаете, святой отец, почему мои ребята до сих пор не изнасиловали меня всей командой «многократно и разнообразно», как пишут в этих новомодных романчиках?

– Ну... полагаю, они вас любят... э-э-э... уважают, – улыбнулся епископ. – Кроме того, насколько я знаю людей, всякий из них мечтает оказаться с вами в одной постели, и поэтому будет в случае чего защищать вас от других...

– Верно, – кивнула девушка. «Я не повторила ошибок Дарьены» – мысленно добавила она. Но есть ещё одна причина... В консьерте, имеющем силу на моем корабле, указано, что часть добычи удерживается из общей доли, чтобы я вложила ее наилучшим образом, и уходящий из команды мог бы получить ее приумноженной. Так вот часть эта весьма приличная, и записана в книги десятка торговых домов. И в случае моей смерти команда получит ее, если только сумеет доказать, что они не имеют к моей смерти никакого отношения.

– К чему вы это? – осведомился епископ.

– К тому, – усмехнулась Игерна, закидывая ногу за ногу. – Золото я хотела бы получить сейчас. И не половину, а все. Не думаете же вы, что я сбегу с ним? И второе – я хочу стать фамильяром вашего ордена. Только не говорите, что не имеете на это права!

Вот тут святой отец откровенно растерялся. Похоже, он ожидал всего чего угодно, но не этого.

– Э, даже и не знаю что сказать, – вымолвил он. – Я, конечно, могу принять вас, тем более кавалерственных дам у нас немало... Но зачем вам это?

– Кто знает, как все обернется в этой жизни, – уклонилась от прямого ответа Игерна. – А в Хойделле жить одинокому чужаку сомнительного происхождения, а тем более чужачке, не легче, чем... Чем в любом другом месте.

– Вы думаете уйти на покой?

– Там видно будет, – уклончиво молвила капитанша. – Не сейчас, конечно. Однако потом...

– Хорошо, – вдруг мягко улыбнулся Северин. – Золото вы получите завтра в полдень, грамоту по возвращении...

– Перед отплытием, – отрезала Игенра.

Епископ только вздел руки, видимо в знак полной капитуляции.

Девушка поднялась из-за стола, собираясь уходить.

– Последний вопрос. А правда, что второе ваше прозвище вы получили...

– Правда, – она, как ни странно, совсем не обиделась. – Все, что ни говорят обо мне, все правда!

* * *

Историю Игерны Отважной, Игерны Бесстыжей, Игерны де Альери, в общем, знали все – и друзья, и враги.

Она сама ее рассказывала и в трактирах при народе, и в негромких беседах с теми, кого считала друзьями.

С детства, как сообщала девушка, характер ее был не сахар. И это ещё мягко сказано.

Упрямее, строптивее и непреклонней ее только морская волна, да и та разбивается о берег. Игерна же не встречала достойного препятствия для своих желаний. Не то, чтобы ее баловали и купали в роскоши – их дом вряд ли отличался от жилищ большинства соседей: такие же беленые стены, черепичная крыша, цветник, пара виноградных лоз во дворе.

Отец Игерны, мелкий морской офицер в отставке, в бытность службы в эгерийском флоте имел неплохой приработок на контрабанде. Но хотя он умел зарабатывать и не пропивал полученного, распорядиться добром с толком не умел.

Поэтому, когда пожилого младшего лейтенанта списали с корабля, помимо домика в пригороде да крошечной пенсии у него ничего и не было. Кроме дочери.

Жена его сбежала с проезжим купчиком, когда он был в плавании, оставив малышку на руках ещё живой матери дона Альери, и тот, вернувшись, с проклятиями пообещал больше не жениться, дабы не связываться со столь лукавыми и лживыми существами как женщины.

Пенсия и доходы от имения (почти что хутора), позволяли не думать о том, что будешь есть завтра, и жить без особой нужды.

Даже хватало на служанку – старую чёрную рабыню, купленную за бесценок на распродаже имущества какого-то промотавшегося маркиза.

Но без дела он сидеть не привык, и от скуки, принялся обучать Игерну всяким неженским занятиям – стрельбе из аркебузы и пистолета, фехтованию на палаше и рапире, и даже морскому делу.

Временами папаша входил в настоящий раж, гоняя дочку по заднему двору, словно новобранца в армии.

Через полтора года старый Альери поостыл. Кроме того, одиночество ему изрядно прискучило, и он решил жениться на аппетитной соседке-лавочнице, уже давно его привечавшей. А как известно, две бабы под одной крышей редко уживаются, да и ещё нестарый идалго возмечтал о сыне, а лавочница по своему практическому уму сообразила, что приданое может семью разорить...

Так или иначе, но лейтенант призвал дочку к себе и без обиняков заявил, что нечего ей заниматься всякой дурью. На службу его величеству баб, слава Эллу, не берут, потому до замужества положено ей, кобыле здоровой, делом заняться. Хотя бы вот пойти в лавку донны Уйры пряностями да материей торговать. Потому как кормить ее ему надоело.

Игерна не заплакала и не стала просить не посылать ее на работу.

Она пошла работать. Да только не в лавку. Она присоединилась к женской рыбачьей артели, промышлявшей в бухте Гиво тунца да анчоусов.

Согласилась без жалования, за долю в улове.

Когда по окончании сезона вернулась в дом и, отодвинув пытавшуюся ей помешать мачеху, положила перед отцом кошель со своим паем – а было там ровно два риэля семь эресо медной и серебряной мелочью, он, отодвинув почти пустой кувшин, посмотрел на ее обветренное лицо и изрезанные снастями пальцы, и бросил:

– Ну и кто тебя такую нынче замуж возьмет? Теперь в монастырь тебе надо, разве что... Лучше бы ты в веселый дом работать пошла, честное слово! Полезному чему бы научилась!

После этого Игерна поступила совсем не так, как положено благовоспитанной дочери эгерийского дворянина.

А именно –хватила кувшином об пол и, не стесняясь в выражениях, высказала батюшке все, что она думает о нем и его словах. И добавила, что лучше пойдет замуж за рыбака или даже разбойника, но не в монастырь.

Старый Альери, сам прошедший на палубах тридцать пять лет, только что не с открытым ртом слушал ее руладу.

– Эх, девка... Думала удивить меня? – только и пробормотал он, когда дочка выдохлась. – Да наш боцман Бьянко в Большом капитанском загибе семь колен выдавал, а ты и четырех не осилила... Ну ладно, живи, как знаешь, бесстыжая...

Так ее в первый раз назвали Бесстыжей. Задолго до того, как она стала ещё и Отважной.

А потом отец ее однажды ночью умер, и мачеха, ставшая опекуней не достигшей полного совершеннолетия девицы, дабы не делить наследство предложила выбор девице между

монастырем и опять же борделем, в обоих случаях обещая содействовать – лишь бы та убралась с глаз долой.

Вот на этом месте обычно ее рассказ обрывался, и всякие попытки разговорить пиратку заканчивались ничем.

Но известно было лишь, что появилась она тут, чем уже больше трех лет, как раз во время очередной свары между Фальби и Арбонной – придя в Стормтон сразу на двух кораблях – трофейном фрегате «Акула», и шлюпе «Отважный», ныне ходящем под флагом Эохайда Счастливого – ее приятеля и воздыхателя.

Как эгерийка стала врагом своего короля, и как завладела аж двумя кораблями – тут разговоры ходили самые разные.

Была и попытка отбить у нее корабль затеянная Робертом Приксом, хозяином «Фалмора», закончившаяся для одного Прикса досрочным путешествием к Барону Сабади, и поручительство Эохайда, кстати, спасенного Игерной из плена, перед сообществом капитанов вольных добытчиков, и покровительство Миледи, а ещё больше было слухов. Но вот правды не знал никто, кроме самой Отважной.

Глава 5

Пока изящная коляска с гербами дома ок Л'лири катилась по единственной мощеной улице Стормтона к рабскому рынку, Домналл, под суровым взглядом дуэньи, слушал веселый щебет Бригитт. Ему честно сказать было все равно, о чем она говорила, достаточно было того, что она говорит с ним. А говорила дочь адмирала о столице королевства Хойделл – славном граде Фальби, откуда когда-то отплыл Руперт Яростный, чтобы основать поселение, где они ныне обитают.

Она просто не находила слов от восторга, хотя покинула стольный град метрополии уже скоро как четыре года. По ее словам лучше места в мире было и не найти. Этот чудо-город-сад на каналах, в представлении Бригитт ок Л'лири, был средоточием всего самого лучшего на Земле.

В столице Четырех Островов собрались предприимчивые и способные люди со всего света – от эгерийских ортодоксов до таниссцев. Они без помех открывали тут магазины восточных товаров, ювелирные мастерские, книжные издательства. В гавани бросали якоря корабли, доставлявшие в Хойделл заморские фрукты, пряности, шосс, слоновую кость, драгоценную древесину.

Городские власти собирали огромные пошлины и обустроивали город. Здесь выходили газеты на шести языках, и печаталась четверть книг всего материка. Улицы и набережные были добротно вымощены и украшены вечнозелеными растениями. В городе были публичные библиотеки и ботанический сад.

Здесь жили лучшие умы – астроном Ян Свармер, обнаруживший что за Хахти есть ещё одна планета, держащая путь вокруг светила – так пока и не договорились как её назвать, профессор физики и магии Фредерик Торс, открывший и изучивший силу молний, изобретатель Анто Ург создавший прибор для увеличения мельчайших частиц и обнаруживший что в каждой капле воды обитает крошечная живность невидимая глазу. И другие светила, чьи имена мало что говорили Домналлу. Тут работала лучшая в мире, по мнению Бригитт, школа магии.

А великолепный королевский дворец, первые камни которого заложены ещё ата-аланцами? А рынки где можно купить товары со всего света? А чистенькие кабачки с чудесной кухней? А великолепные дамские салоны, где слабый пол может выкупать легкого вина с мороженым – лучшим мороженым в мире, из фруктов, молока и ванили ибо алхимики, поднаторели в искусстве замораживания, добавляя в лед разные снадобья.

Командор поддакивал восторженной деве, время от времени восторженно взмахивавшей руками, и лишь грустно ухмылялся про себя.

Как же по-разному им знакома столица!

Он вспомнил годы, проведенные там, не где-нибудь, а в рыцарской академии. Годы несытой юности сироты, обучавшегося за присылаемые опекуном деньги, с постоянными жалобами в письмах на скудость урожая и леность арендаторов. Годы, когда приходилось снимать углы в сущих трущобах, когда от старости и ветхости рухнул жилой корпус, и ему поневоле открывался ему мир изнанки столичной жизни. За каждым углом здесь мог подстеречь преступник. Одним из наиболее популярных приемов ограбления было сбросить из окна камень на голову своей жертвы и затем обыскать её, валяющуюся с разбитым черепом. А одним из любимых праздничных развлечений – сжечь живьем десяток-другой кошек во славу древних божков.

Люди в открытую говорили что видать монарх не знает, что творится на улицах столицы его королевства, где среди белого дня человека могут обокрасть на глазах прохожих и его не защитит ни один представитель закона. И ещё шутили что в Фальби ночью людей режут, а днем грабят – вот и вся разница между днём и ночью!

Что до дамских салонов, то на собственном опыте Домналл узнал, что частенько дамы просто встречаются там со своими любовниками. А отличное мороженное оплачивается изъеденными в кровавые язвы солью и поташом из ледяной смеси руками кондитеров, и их ранней чачоткой, которым они награждают иногда охочих до этого лакомства...

Вечерами улицы заполняются пьяной толпой – ибо пьянство столичных жителей выделялось даже на фоне признанного в Старых Землях пьянства прочих хойделльцев. И трудно сказать, кто был большим пьяницей – светский джентльмен или сельский батрак, который отличались друг от друга лишь видами предпочитаемых ими напитков. Не зря давно было установлено что суд, выносивший смертные приговоры имел право заседать только до обеда, ибо после обеда трезвыми хойделльские судьи не бывают.

О том, насколько страшен и жуток ночной город, и говорить не хочется. Копится в переулках соленая влажная мгла, гнилой запах сочится из щелей в заборах, лавочники запирают засовы – берегись! Цокают по опустевшим мостовым каблуки красных сутенерских башмаков, из-под полей мятых шляп взблескивают недобрые глаза...

Ночами город вымирал. Нищие в замусоренных подворотнях грелись у костров – грязные лохмотья, рваные в сотне мест и латанные ветром, и такой злой взгляд, что можно поверить в страшные сказки про то как бродяги воруют и едят детей, предпочитая упитанных господских карапузов.

А в колодцах подворотен и арок, под заплесневелыми сводами, нередко мелькнет чёрный человек в низко надвинутой шляпе, с виду обычный прохожий, только неспроста одна его рука лелеет что-то за спиной, подрагивает в локте – явно «кинжалыщик», верный добытчик тугих кошельков.

И несмотря на то, что стража перегораживает на ночь улицы и мосты рогатками, а в самых богатых кварталах у них дежурят наемные воины готовые без раздумий пустить в дело арбалет и алебарду, все равно почти каждый день какой-нибудь богатый дом грабят подчистую, нередко перерезав глотки его несчастным обитателям.

Он был рад радешенек, когда в пятнадцать лет окончив курс кое-как, отправился в море... Да – откуда знать балованному дитя адмирала и лорда, как трудно приходится рыцарю Хойделла в его столице, если он живет только на свое жалованье, которое чуть больше того, что платят простому матросу, и куда меньше стоимости подарка, какой получает какая-нибудь юная фрейлина после ночи любви с камер-юнкером или гвардейским лейтенантом! А уж что говорить о простых людях.

Нет, их морская вольница в этом смысле лучше – тут, по крайней мере, все на виду, и все честнее. И если что – никакие мудрилы-адвокаты в засаленных париках не спасут нарушителя законов и обычаев от петли или фута доброй стали в кишки!

Домналл вздохнул.

Уловив его вздох, Бригитт улыбнулась. Надо же, как страдает бедненький влюбленный. Пожалеть его, что ли? Она бы и пожалела, да батюшка не велит. Подыскал, видите ли, для нее более выгодную партию.

Их путь пролегал через широкую торговую площадь, где около открытого павильона собралась толпа зевак.

Треугольное здание, у дверей коего роилась незначительная толпа.

Люди обступили большую чёрную доску – глыбу полированного камня, на которой молодой темнокожий человек с тщанием писал мелом на дрянном лингва моррис. По окончании трудов, стоимвших парню семи потов, на доске значилось следующее:

«Сиводня на радость Леди и Лордам, купившем больше десяти галов, скитка».

Сновавшие по торжищу люди, даже самые озабоченные, напускали на себя степенность, подобающую зажиточным торговцам. Ведь здесь не обыкновенный базар. Резные и покры-

тые росписью колонны окружали перистиль, куда выходили двери внутренних залов, где шли торги.

На невольничий рынок ходили не только, чтобы приобрести или продать рабов. Это было место встреч купцов, где они обсуждали дела, тут промышляли воришки, слонялись бездельники, обсуждались городские сплетни.

Невольничий рынок представлял собой таким образом нечто среднее между местом прогулок и благородным собранием. Люди деловито бродили вдоль шеренг чёрных и белых невольников. Торговцы лично встречали наиболее влиятельных и состоятельных посетителей этого торжища, предупредительно раскланиваясь, и рекомендуя именно свой товар с самой лучшей стороны.

Праздные гуляки собирались в отдельные группы, увлеченно следя за перипетиями торгов, подбадривая соперников выкриками, восхваляя или порицая достоинства и недостатки рабов одинаково похабными шуточками.

Бригитт остановилась, с удивлением разглядывая чёрных девушек-рабынь, чьи обнаженные тела были похожи на эбеновое дерево. И в этом она была не одинока: целая толпа мужчин собралась вокруг соблазнительного товара, возбужденно обсуждая их достоинства.

– Предлагаю прекрасную чёрнокожую рабыню! – выкрикивал продавец. – Молода и горяча, красива, как королева, воспитана, хотя и слегка своенравна. Дев-ствен-ница!! – было подчеркнуто особо. – Всего за две сотни золотых она усладит ваш взор и порадует ваше тело!

– Не задерживайтесь здесь, – безапелляционно изрекла старшая домоправительница, взятая губернаторской дочерью в качестве спутницы-дуэньи. – Пойдем дальше.

– Но... я же хотела выбрать служанку... – попыталась возразить юная ок Л'лири.

– Это совершеннейшие дикарки, – пояснила ключница. – А нам, моя госпожа, требуется кто-то из родившихся уже здесь, или хотя бы обученных в Танисе. Не так ли, капитан? – обратилась она к Домналлу.

Тот поспешил согласиться, хотя и сам был бы не прочь задержаться у помоста с темнокожими красавицами ещё на пару минут.

Но путь их лежал в ту часть рынка, где продавали более ценный, штучный товар.

Вскоре их взорам открылся перегородженный на три части портик с навесом. Тут покупателей были поменьше чем невольников.

Сидевшие на плетенных стульях под вывесками с названиями торговых домов зазывали особо не усердствовали – за них говорили доски с надписями.

Тут продавали рабов выделявшихся силой, красотой или какими-то ценными умениями: искусных поваров, парикмахеров, музыкантов, кузнецов, танцовщиц... Сам Домналл был тут три года назад, ещё командуя фрегатом – тогда удалось сторговать для флота у танисцев оружейного мастера – амальфиота.

Сейчас подиуме стояли два рослых молодых негра могучего телосложения. Стройные и мускулистые, они с полным безразличием взирали на происходящее, безропотно принимая свою судьбу.

Они сразу привлекли внимание аукциониста, ведущего торги. Обычно покупатель первым указывал на невольника, которого собирался приобрести, но сейчас, желая положить достойное начало торгам, аукционист сам указал на могучую пару. По его знаку тех подвели ближе.

Вдруг лицо торговца исказилось легкой гримасой недовольства – и Домналл понял, почему.

В переднем ряду стоял квартирмейстер «Сорокопута» – сторожевого галеаса флота Его Благоверного Величества, Тонн Эгг, которого, видимо, капитан О'Раги прислал присмотреть крепких парней для своего судна.

– Такие парни мне нужны на весла, – напустив на себя важный вид, громко объявил он. – Я их забираю в счет податей. Расписку получишь завтра.

– Они прямо созданы для доблестного труда на веслах, мой лорд, – ответил аукционист со всей возможной торжественностью.

Губернатор давно отучил торгашей возражать представителям власти. Опять же – небезвыгодно. В подобных случаях ведь рабы идут в зачет налогов.

– Теперь эти, – новая пара невольников была вытолкнута на помост.

– Две сотни риэлей за пару. Двести риэлей за пару самых сильных невольников, какие милостью Элла когда-либо попадали на этот базар. Кто прибавит ещё десяток-другой риэлей?

Дородный купец, над которым чёрнокожий слуга держал зонт, поднялся со своего места.

– Двести двадцать риэлей за пару, – сказал он, и аукционист со своим товаром пошел дальше, громко выкрикивая новую цену.

– Эй, стой! – завопил ему в спину толстяк. – Беру обоих за двести сорок. Но мне нужно ещё несколько невольников. Прежде всего, вон тот молодец!

Бригитт увидела на возвышении юношу айланца, на котором не было ничего, кроме набедренной повязки. Он стоял неподвижно, пока аукционист с тучным купцом обходили его кругом, щупая бицепсы и похлопывая рукой по мускулистым бедрам и ягодицам.

– Что смотришь, Гельяо? Не собираешься ли ты отправить его рыть удом канавы? – крикнул известный торговец и зубоскал Саминтос, рассмешив толпу. – Или задницей маис убирать?

– А что ещё с ним делать? – притворно удивился толстяк.

– Да по всякому может быть... Он молод и смазлив...

Вновь толпа захихикала.

– Сколько ты предложишь за него? – справился аукционист.

– Триста двадцать риэлей.

Цена была высокой, чтобы сразу отбить охочих торговаться. Тем не менее, чисто из вредности, Саминтос стал набавлять по пять риэлей. Бельяно, словно бык на красную тряпку, ринулся в бой.

Юный раб был продан после недолгих торгов, и его провели к столу, где совершались сделки.

Затем настал черед женщин. И среди выставленных на торг рабынь – мулаток и квартеронков – «домашнего воспитания и отменной услужливости» взгляд Домналла выделил испуганно сжавшуюся девушку лет двадцати. «Судя по виду – арбоннка» – подумал он.

Матовая кожа её лица светилась теплым блеском слоновой кости, густые волосы напоминали темное благородное дерево, тонко очерченные брови взлетали над лучистыми синими глазами.

Она была одета как темнокожая обитательница Бронзового берега, и складки красно-желтого платка, накинутого на плечи, оставляли открытой её прекрасную шею. Бледность лица и дикий испуг в глазах нисколько не умаляли красоты девушки. Домналл нахмурился – перед ним наверняка была жертва пиратов, или мерзавцев-людокрадов, работавших на танисских корсаров.

Но ничего не поделаешь – тут не принято спрашивать происхождение товара: были бы бумаги в порядке. А по бумагам она наверняка урожденная рабыня откуда-нибудь из Фарраккеша или даже арбоннских владений в Дальних Землях. Что говорить – если даже хойделльцев перестали продавать с молотка лишь десять лет назад, когда король Руперт ограничил долговую кабалу семью годами.

– Вон за ту симпатичную девчонку я дам девяносто риэлей, – заявил один из покупателей.

– Такой букет прелестей нельзя купить и за вдвое большую сумму, – возразил аукционист. – Вот сидит мэтр Ноллу, который заплатит за нее, по крайней мере, двести.

И он выжидательно остановился перед богато разодетым эгерийцем с явной примесью танисской крови.

– Как раз для тебя, дон Сериххо, – подмигнул ему торгаш. – Ты богат и давно вдовеешь. За удовольствие укротить эту дикую кошку пара сотен – это не такая большая цена!

Но тот лишь грустно покачал головой:

– У меня дома и так обитают три красотки, которых мне через день приходится разнимать! Они уже к вечеру выцарапают ей глаза и вырвут волосы – только зря потеряю золото.

Аукционист отошел от купца. Девушку потащили за ним.

Он сказал пару слов топтавшейся тут же надсмотрщице – здоровенной полуседой негритянке, и та сдернула с рабыни покрывало, обнажив её грудь. Бригитт зажмурилась, увидев нежное тело, более светлое, чем загорелое лицо несчастной. Огромные синие глаза рабыни страдальчески уставились в небо, моля Элла, чтоб это все поскорее закончилось.

Проходя мимо Бригитт, узница с такой мольбой глянула в глаза девушки, что той стало не по себе.

– Мы ее купим! – крикнула ок Л'лири.

Торгаш остановился и с сомнением поглядел на потенциальную покупательницу. Узнав же в ней адмиральскую дочь, сразу преисполнился самого нижайшего почтения. Однако в глазах его Домналл увидел страх. А вдруг и она, подобно Тонну Эггу решит безвозмездно забрать живой и дорогостоящий товар «в счет» каких-нибудь там податей? Конечно, он не особенно обеднеет. И все же...

– Мадемуазель, прошу вас, – прошептала, всхлипнув, рабыня на неплохом хойделльском. Я буду вам верно служить... я камеристка графини де Фейрак, нас с госпожой захватили неверные корсары... Я благородная дворянка хотя и бедная...

– Не обращайтесь внимания, госпожа, – торопливо бросил купец, – если послушать этих негодных лживых рабов – так каждый из них свободный человек, проданный незаконно. В купчей сказано что она дочь рабыни из Эль-Акаба...

(«Надо же – почти угадал» – невесело усмехнулся капитан-командор про себя).

– Отсчитай ему двести десять ризелей! – велела домоправительница.

– Но, госпожа! – возмутилась ключница. Эта девка может ещё и лжива – как говорит почтенный господин...

– Я так велю! – топнула ножкой упрямица. С кем споришь? Забыла что саму ещё и пяти лет нет как на волю отпустили?

– Дайте хотя бы осмотреть товар, – заканючила тетка. – Вдруг у нее какие изъяны или болячки. Меня ж хозяин со свету сживет за пустую трату денег...

– Ой, да чего там смотреть, – гаденько хихикая, изрек смазливый молодой хлыщ в лейтенантском мундире, нарисовавшийся рядом с Бригитт. – Целую ручки, сударыня.

Церемонно приподнял шляпу, приветствуя даму и старшего по званию.

Домналл нахмурился. Это был Эннио ок Стамп – сын гражданского губернатора, известный вертопрах и бездельник. Между его отцом и адмиралом давно пробежала чёрная кошка что не мешало ему при удобном случае оказывать Бригитт знаки внимания.

– И так видно, что девчонка просто прелесть, – сложив пальцы щепотью, чмокнул их красавчик. – Знаете, она бы подошла для выезда?

– Для чего? – лицо Бригитт вытянулось.

– О, в последнее время в арбоннских колониях возникла новая мода – запрягать в экипажи девушек-рабынь.

Улыбка на лице лейтенанта стала донельзя скабрезной.

– Это потрясающее зрелище! Отборные юные девицы, тщательно подобранные по телосложению и темпераменту. В воскресный день они целыми рядами стоят у коновязей возле церкви, а в базарные дни разъезжают по городу. У леди Эрнани, например, жены лейте-

нант-губернатора Кадэны, парадный выезд состоит из двух дюжин! Впрочем, если эта милая мода дойдет до нас, то моя... «конюшня» будет поскромнее. У меня их будет от силы пять-семь...

– Какие гадости вы говорите! – вспыхнула Бригитт. – Никогда у нас дома не позволят так обращаться с рабами!

– Да, я знаю – притворно вздохнул Гедао. – Ведь ваш отец по себе ведает, как тяжела участь бедолаг.

– Зато вы, лейтенант, похоже, не знаете, что такое вежливость и как надо говорить с достойной леди, – бросил Домналл. – Странно для сына герцога! Впрочем, есть способы напомнить об этом даже сыну герцога!

Он как бы невзначай провел ладонью по эфесу рапиры.

Забормотав извинения, офицерик отодвинулся в толпу.

А Бригитт, ключница и Домналл прошли вместе с подручным торговца в канцелярию рынка, где оформлялись сделки, и где покупатели, могли, не торопясь, внимательно осмотреть приглянувшегося им человека, побеседовать с ним, выяснить, что он умеет.

Схолия вторая

О СТРАНЕ АТА-АЛАН

Память людских племен мало сохранила известий о той поре. Лишь позже мудрецы исчислили по знакам на уцелевших руинах да по смутным упоминаниям о положении звезд, когда это было.

Но это *было*.

О том есть свидетельства надежнее смутных преданий и записей в древних хрониках.

Ибо и поныне во многих уголках Старых Земель – от прокаленных солнцем песков Шаргиба до холодных скал Северного Норгрейна стоят сооружения из исполинских каменных глыб, подогнанных так, что в стык нельзя загнать даже лезвие танисского кинжала. Стоят руины храмов неведомых богов, и дворцов неведомых владык, стоят крепости, иные из которых даже в век бомбард и пороха могут послужить защитой. И глыбы из которых они сложены и по сию пору будет мудрено даже сдвинуть с места самому искусному строителю и каменщику...

Но больше почти ничего и не ведомо.

На камнях выбиты знаки, и даже известно, как они звучат, а кое-где ими пишут по сию пору. Но складываются они в бессмысленные слова, ибо забыт тот язык тысячи лет назад.

Остались лишь легенды у многих народов – смутные и зловещие, как восходящая над мертвыми руинами Луна.

И гласят они, что был себе на земле (вернее, в океане) Остров, на котором жил некий народ, раньше других начавший возделывать пашню и плавить металл. А заодно – раньше других додумавшийся до того, чтобы взять в руки палку и принудить другого работать на себя. И звался тот остров Ата-Алан, а люди, населявшие его, соответственно, ата-аланцами.

Ведомо, что их корабли, выдолбленные из стволов исполинских деревьев, ныне уцелевших лишь в нескольких долинах Сатталских гор в Южной Эгерии, бороздили моря, доходя и до Уаджета и до Счастливых островов и до Бронзового берега и до сегодняшней Эгерии и Хойделла...

И везли они туда воинов в медных доспехах, и переселенцев, дабы основывать на пустынных, заселенных лишь дикарями землях города и селения. А оттуда – золото и медь, кожи и чудодейственные снадобья, самоцветы, драгоценное дерево и слоновую кость.

Но пуше всего – рабов. И не только чтобы те трудились, не покладая рук, на господ, но и для того, чтобы те умирали на алтарях богов, даже имена которых ныне стерлись.

Но сохранила зато память человеков, какую страшную участь приняли предки живущих ныне народов, отправленные на алтари чудовищным богам-демонам Ата-Алана. Передают легенды, что не просто смерть была уготована им. Ибо боги ата-аланцев питались не кровью жертв, но их муками и душами.

А богов ата-аланцы весьма почитали. Ибо верили, что и сила их, и умения, вроде земледелия или кузнечного дела, дарованы именно этими богами – в обмен на кровь и мучения жертв.

И наивысшим богом их была Всемогущая Смерть, беспощадная и неумолимая, откупить свою жизнь у которой можно было лишь чужими жизнями.

И как говорили легенды, наступило время, когда прежних приношений богам стало не хватать, и потребовали они ещё больше, а потом ещё...

И все больше рабов и пленников везли корабли под пурпурными парусами – из земель темнокожих, из внутренних морей, где вырос Уаджет, колония и вассал Ата-Алана, из северных бухт и с берегов Серого и Янтарного морей.

Но и их переставало хватать.

Говорили и иначе, что, мол, неведомые демонобоги Ата-Алана не просто требовали больше пищи, но хотели от своих проданных чего-то уж совсем ужасного и жуткого.

А иные предания глухо и зловеще упоминают, что в попытках справиться с прогневавшимися на них небожителями, жрецы и колдуны ата-аланцев призвали *Других*.

Не богов и даже не демонов – но кое кого похуже.

И *Другие* откликнулись на зов, и вступили в битву с прежними владыками живота и смерти островитян. И в битве этой погибло *всё*...

Правда ли, ложь ли, но достоверно известно одно – Ата-Алан, Земля Благословенная, сгинула, будто и не было ее вовсе.

Вещали, что погрузилась она на дно в одну ночь, только длилась эта ночь как сто обычных ночей, ибо от пепла извержений и дыма пожаров небо было темным, как в новолуние.

Исполинские волны смыли многие береговые города, селения и целые народы, а солнце было закрыто тучами и пеплом ещё многие месяцы и в очень далеких землях.

И что лишь горстка живших на той земле спаслась – те, кто не принял веры в Смерть и отверг старых богов. Они да ещё жители нескольких крепостей и городов Уаджет, до которых не докатились разрушения и беды.

И наверное от них пошла молва, впечатанная в древние легенды – что боги умершего народа не ушли, а лишь спят в надмирных безднах и в безднах водных, среди руин храмов и дворцов, ожидая дня, когда вновь восстанут в мощи своей.

Глава 6

Год 3333 от Возведения Первого Храма. 7 число месяца Мойн.

За восемь лет до описываемых событий.

Изумрудное Море. Между Кадистой и Штормовым мысом.

Вонь. Жуткая вонь испражнений, блевотины и пота ударила по обонянию так, что мгновенно привела в сознание.

– Ты что делаешь, гнида?! Захлопни пасть и держи в себе! А не можешь, так на себя, урод!

Свет просачивается через потолочное окно, забранное деревянной решеткой из достаточно толстых брусьев. Продолговатое, невысокое помещение, целиком из дерева. Нет ни окон, кроме одного в потолке, ни дверей.

Как-то отстраненно отмечается, что на нем какие-то грязные, грубые, штаны и рубаха. Ноги босы. Куда делась его одежда? И вообще где он? Что происходит?

«Где я? Что я здесь делаю?» – эти вопросы пронесли в голове Корр о-Данна.

Молодой человек находился в некоем подвале среди таких же несчастных, как и он.

Вывод о своем несчастье он сделал сразу, как только почувствовал «аромат», царивший в этом помещении.

«Итак, начнем с начала. Я – штурман Арбоннской королевской компании Островов Изумрудного Моря, мне двадцать пять лет... Как я мог попасть в трюм к работоторговцу? Пираты?»

Убей Элл, Данн не мог припомнить подробностей нападения.

Может война, и он попал в плен? Но никаких воспоминаний ни о какой войне тоже, как ни старался, не мог выудить из своей гудящей головы.

Возможно, он угодил на каторгу за что-то?

И тут ужас пронзил его до глубины души.

Он вспомнил все...

...Кабак, сидевшую на коленях Милен, которую вдруг грубо сдергивает кто-то, налитое кровью лицо старшего лейтенанта королевского флота, хлещущего очаровательную гризетку по щекам наотмашь, брань, которой тот облил возмущенного Корра – грубую, грязную, какую редко услышишь.

Затем белые от ужаса лица Милен и других кабацких девиц и не уступающие им в белизне лица морских волков, вскакивающих из-за стола.

И разрубленного от ключицы до печени офицера, заваливающегося на пол... Рука его сжимает так и не вытасценную абордажную саблю...

Еле слышно штурман завыл от отчаянья – законы Арбонны были довольно снисходительны к дуэлянтам, но, как и всюду, убийство безоружного или не успевшего обнажить сталь человека каралось виселицей.

Да, теперь он все вспомнил.

Судьи в лиловых мантиях, доходящий как из глубокого подземелья приговор: «По милосердию и благорассуждению... заменить по указу благочестивого государя Лионеля V от три тысячи... года... бессрочной каторгой...»

И как он потом отчаянно рванулся прочь, прямо на алебарды конвоя, рассчитывая разбить кандалами хоть чью-то голову.

Сознание он, видимо, потерял сразу, хотя били его долго и старательно, судя по боли во всем теле.

С трудом повернув адски болевшую голову к лежащему рядом с ним и так же закованному в цепи жалкому существу, Корр о-Данн безучастно спросил:

– Где мы? Куда идем?

– Мы в море, нас везут, чтобы продать на шахты в Керу, – последовал такой же безразличный ответ.

Молодой человек в отчаянии застонал. Шахты в Керу! Уж там-то его ждет неминуемая смерть.

Впереди не было никакой надежды. Ничего! Только конец!

– А ну успокойтесь, твари! Живо!

Резкий неприятный окрик бьет по ушам.

– Сидеть смирно, скоты поганые, твари помойные! Поняли?

Хозяина голоса определить легко – невысокий мужчина в меховой безрукавке и кожаных штанах, чёрные волосы коротко острижены, длинные усы заплетены в косицы и свисают на грудь. На его поясе висит короткий тесак, в руках длинный кнут.

– Лежите тихо, гнилье подзаборное! Серите, серите тут под себя – потом вы же трюм мне будете отмывать! Ясно вам, уроды?

Два дня он провел в невыразимых мучениях, лежа в темноте в собственных испражнениях, задыхаясь от зловония, исходящего от таких же несчастных, как и он сам. Но на рассвете третьего дня вдруг почувствовал, как изменился ход корабля, усилилось движение на верхней палубе, а когда уловил звук выкатываемых на оружейную палубу пушек, то понял, что на судне готовятся к бою.

Грохот пушечных выстрелов зародил в нем надежду. Может быть, все-таки его минует судьба безымянного раба, умершего от непосильного труда?

Внизу звуки боя были хорошо слышны – вот упала мачта, другая, вот рушится обшивка корабля от прямых попаданий ядер.

Вдруг весь корабль содрогнулся – это неприятельское судно столкнулось борт о борт.

По раздававшимся крикам раненых и умирающих, по звону стали Корр о-Данн понял, что на верхней палубе, прямо над ним, начался рукопашный бой.

Потом внезапно наступила тишина.

Раздался громкий топот ног – кто-то сходил в трюм. Яркий свет фонаря прорезал темноту.

Только спустя какое-то время, с большим трудом выбравшись на нетвердых ногах на палубу и привыкнув к яркому солнечному свету, узники получили возможность как следует рассмотреть своих освободителей.

Это было сборище отчаянных головорезов со всех берегов всех морей мира: чёрноволося с раскосыми глазами крепыши, обитающие за Бескрайним океаном и непонятно как оказавшиеся здесь, светловолосые северяне, темнокожие мускулистые выходцы с берегов Айлана, рыжие хойделлыцы, тонколицые амальфиоты...

Пестрая, чаще всего с чужого плеча одежда, косматые гривы, все вооружены до зубов – сабли, ножи, пистолеты, топоры и пики...

Но внимание Корра привлек стоявший на шканцах предводитель этой шайки.

Он был высок, его крепкая фигура источала жизненную силу.

Облаченный в чёрный шелк, с крючковатым шаргибским носом и горящими тьмой глазами, очень смуглый, он мог сойти за эгерийца или даже танисца. Его иссиня-черные волосы вились кольцами и ниспадали на плечи; длинный, резко очерченный нос и тонкая жесткая линия рта, в одном ухе у него поблескивала золотая серьга. Ему было не меньше тридцати лет. Рука его лежала на эфесе усыпанного самоцветами ятагана, заткнутого за кушак, но угрозы в этом жесте не было. Подбоченившись, он подошел к невольникам, среди которых был и Корр-о-Данн. Взгляд его внимательно заскользил по лицам стоявших перед ним людей.

– Кто вы? – через силу выговорил Корр.

Ответом ему был громовой хохот толпившихся вокруг атамана.

– Кто я? – чёрные глаза иронически блеснули. – Меня можно звать Рагир. Вы про меня не слышали, но я собираюсь стать самым знаменитым «пенителем моря» в этих водах. У меня есть нужда в храбрых и умелых людях, знакомых с морем. Кто-нибудь хочет попытать счастья? – осведомился он мягко и доброжелательно.

* * *

Глядя на волочащегося в кильватере «работоторговца», на палубе которого вповалку валялись изможденные люди, Рагир вспомнил, что скоро исполнится два года, с той поры, как «Ибн-Химмар», или по здешнему «Сын Смерти» бороздил эти воды.

Способности мага и удача позволили кораблю благополучно ускользнуть от столкновения с патрульными фрегатами и галеасами.

И даже те, кто втайне роптал что капитан ушел в Шан-Гиз – так танисцы именуют Дальние Земли, ныне были довольны, распробовав, какова на вкус легкая пожива в этих краях.

И не вспоминают уже о днях, когда грабили айланские берега. Что и говорить – земля чёрных изобилует золотом, слоновой костью, алмазами и рабами.

Но слишком уж много собралось там ловцов удачи, так что уже не раз и не два вспыхивала резня между не поделившими добычу лихими мореходами. К тому же чертовы северные язычники начали посылать корабли для охраны своих работоторговцев. Да и купцы завели моду, когда на них налетает отважный корсар, не драться честно клинок на клинок, а закинуть на палубу удалыца здоровенный бочонок с горящей нефтью. В довершение всего и подданные местных чёрных царьков научились отливать пушки – как до того отличали бронзовые идола своих многоруких богов, да делать порох. Получить в борт дюжину полновесных каменных ядер радости немного...

Так что никто из них не раскаивался, что решил попытать удачу в других краях.

Также как сам Ар-Рагир не раскаивается в том, что сменил участь мага на долю пирата. Он конечно не оставил своих занятий, хоть и приобрели они иное течение.

Память вдруг услужливо вернула Ар-Рагира в ещё недалекое прошлое...

...Отплевавшись от попавшей в рот соленой воды и чуток отдышавшись, чародей огляделся.

Признаков жизни на борту замечено не было, зато ощущался запах тления – и маг даже догадывался, что он означает.

Преодолевая накатывавшие на него волны дурноты, затравленно осматривался по сторонам.

То, что он видел, отнюдь не поднимало ему настроения.

На палубе то тут, то там в разных позах валялись изрядно разложившиеся трупы.

Причем, судя по одежде, далеко не все они были моряками. Наверняка, прежняя команда.

Никаких видимых повреждений на телах видно не было – ни рубленых ран, ни огнестрельных. Казалось, люди умерли в одно мгновение, пораженные чёрной магией или ядом.

Впрочем, маг быстро пришел в себя – он повидал вещи и пострашнее, чем полдюжины подгнивших покойников. Тем более не тому, кто ощущал прикосновение демона, и чудесным образом спасся с проклятого острова, бояться каких-то там мертвецов. А вот если на корабле каким-то чудом окажется некто живой – вот это может оказаться опаснее.

Но как обшаривать корабль в темноте?

В этот момент внезапный порыв ветра расправил обвисшие паруса, наполняя их. Хлопнул кливер, заскрипели доски и сочленения «морского коня»...

Ар-Рагиру показалось, что с острова донесся чей-то крик, потом ещё один – возможно пробудились другие приговоренные.

С трудом поднявшись на ноги, он и глянул на чёрную Скалу.

Люди поднимались, как-то вяло, расслаблено... Кто-то неуверенно поднимал, сжимая двумя руками, булыжник, кто-то вооружился старой костью...

Фаргид отвернулся.

Но усиливающийся с каждым мгновением ветер все дальше относил корабль от чёрной Скалы. Днище скребнуло по рифам, заставив его сердце сжаться, но корабль благополучно миновал пояс подводных камней, и вот уже остров уходит за корму, сливаясь с ночным мраком. Лишь под Луной сверкал закипающий прибой на клыках рифов – сезон ветров вступал в свои права.

И тогда Ар-Рагир вдруг понял по-настоящему, что спасен. *Спасен!!!*

Он направился на корму, зажав пальцами нос, чтоб не стошнило от трупного смрада, и, добравшись до надстройки, толкнул дверь. Пройдя темным коридорчиком, обнаружил каюту, судя по размеру и широким иллюминаторам, принадлежавшую капитану. Слава Всевышнему, прежнего жильца здесь не было – ни живого, ни мертвого.

И ощущая необыкновенное спокойствие и умиротворение, Фаргид устроился на капитанском ложе, пахнувшем каморой и мускусом, и уснул – оставив все на потом. Тем более сил уже ни на что не было, даже на то, чтобы утолить голод.

...Корабль уносил его прочь от Одинокой Скалы, и он был единственным живым на судне.

Ар-Рагир привык к одиночеству – в конце концов, таков удел каждого истинного мага. Но лишь на этом мертвом корабле, полном мертвых тел, плывущем в неизведанную даль по воле равнодушных волн, он понял, насколько оно может быть ужасно.

Сидеть сейчас, сложа руки, было, по меньшей мере, неуместно. Надлежало для начала избавиться от умерших – мерзкая, но необходимая работа.

При помощи багра десяток разлагающихся трупов были отправлены за борт. При этом с некоторым облегчением он обнаружил, что, по крайней мере, двое отправились в мир иной от самой обычной доброй стали – в груди одного торчала сломанная стрела, другой умер, зажимая ладонью чёрную рану в боку. Дальше Фаргид, выкинув следом за мертвецами и багор, вооружился ведром и смыл с палубы кровь. Насколько мог, предоставив остальное морю и дождям.

Покончив с уборкой, Ар-Рагир ощутил зверский голод.

Отправившись на корму, он спустился в трюм, рассчитывая найти камбуз и чем-нибудь подкрепиться – даже столь гнусная работа не смогла надолго отбить аппетит.

Но, спустившись в полумрак твиндека, он замер от ужаса, и даже едва не заорал.

У борта стоял иссохший труп нагой женщины, чьи чёрные волосы, спускавшиеся на сморщенную грудь, болтались в такт качке.

И лишь разглядев, что несчастная просто пришпилена к доскам глубоко ушедшим в дерево дротиком-джеридом, маг слегка успокоился.

У ног покойницы лежало аккуратно сложенное роскошное платье серебристого шелка и пояс с изукрашенным самоцветами изящным кинжалом.

Возле самой двери камбуза Ар-Рагир поднял тяжелую серебряную брошь – солнце с изломанными лучами числом одиннадцать.

Он был неприятно удивлен – это был знак гильдии магов Джебель-Тарика, за которыми тянулся шлейф весьма дурной славы.

Интересно, принадлежал ли знак убитой – хотя в гильдии женщин было весьма мало (но были); или кому-то из нападавших? Но если он был потерян в горячке боя, то почему его не

подобрали? С другой стороны, не менее интересно, почему убийцы не сняли с жертвы дорогие браслеты тонкой работой с опалами и ониксами?

Что вообще произошло на борту этого корабля?

Камбуз порадовал его изысканным ароматом протухшего супа из котла.

Надо сказать, он первый раз был на корабельной кухне, и некоторое время соображал, что делать.

Тесное и низкое зловонное помещение, посредине которого стояла кирпичная плита, обложенный черепицей пол, а вокруг теснились грубо сколоченные кухонные столы, колоды для разделки солонины, какие-то бочки и баки, котлы, полки с горшками, поленницы дров, корзины со щепками для растопки, мешки...

Тем не менее, кое-как пробираясь в этом аду, он обнаружил початый мешок риса и короб с мелким изюмом, а также полупустой бочонок с водой, видимо предназначенной для вымачивания солонины. По крайней мере, смерть от голода ему в ближайшее время не грозила.

Следующие полчаса Ар-Рагир потратил на слегка подзабытую кухонную работу.

Вдоволь напившись, он сперва вычерпал вонючее варево ковшом, который опорожнял в иллюминатор, далее, бочком продвигаясь мимо мумии, кряхтя, выволок смердящий котел и отправил за борт.

Затем, растопил плиту заготовленными ещё прежним хозяином корабля дровами и сварил кашу в самом чистом из обнаруженных тут медных горшков, ухитрившись не обжечься. Ел осторожно, как и полагалось после даже не очень долгого поста.

Все это время корабль то поворачивало поперек волны, то шатало из стороны в сторону – так что, покончив с едой, Ар-Рагир выбрался на палубу.

На то, чтобы закрепить реи и поднять ветрило, у него ушло больше часа.

Следом он закрепил руль на блоках и вбил фиксирующие шкворни в гнезда – именно так, насколько он помнил, делали моряки во время трех его путешествий по водной стихии.

После нескольких часов сражения с кораблем Фаргид обессилено повалился в пустующей капитанской каюте. Утомленное тело требовало отдыха. Маг почти моментально провалился в глубокий сон.

Проспав часа четыре, чародей проснулся и решил для начала как следует осмотреть корабль. Начал он с капитанской каюты.

Сперва он изучил книги, почему-то разбросанные по каюте.

Книги эти являли собой странную смесь всего и вся. «О человеческих жертвоприношениях в сагунской державе», «Аль-Аргоналиское торговое законоуложение 803 года Истинного Пророка» на танисском; «Обычаи портов и гаваней Срединного моря и шаргибских земель», и «Золотые деяния славных государей» древнего амальфийского сочинителя Кариска Пирсия, издания далекой Арбонны. Причем, слово «государей» оказалось жирно перечеркнуто свиновым морским карандашом, и сверху четким безупречным почерком было написано – «козлов».

Надо сказать, эту книгу Ар-Рагир когда-то читал, само собой, в переводе на танисский, и почему-то столь непочтительное высказывание по адресу древних императоров его зацепило. Не оттого ль, что ругательство написано было на амальфийском, что, впрочем, не значило ничего – амальфийцы хотя и редко, но плавали в эти воды, да и вероотступников хватало во все времена. Как он помнил, один из мертвецов был одет именно как амальфиец – чулки и короткие штаны с буфами, на взгляд чародея приличествующие мужеложцу, складчатая короткая туника и маленькая круглая шапочка, вышитая бисером.

Правда, нашлась ещё пара книг – причем не печатных, а манускриптов, на непонятном ему языке, хотя и написанных эолийскими буквами. Единственное, что он понял по гравю-

рам, изображавшим расчлененные трупы, призраки, и схемы многолучевых сложных звезд, что сочинения имели отношение к магии, причем к той ее части, что ференджийские еретики именуют чёрной.

Одежда в капитанском рундуке была вполне обычной для этих мест – и, кстати, в пору Ар-Рагиру.

Ещё в рундуке имелся отменный ятаган белого струйчатого булата, с украшенной алмадинами серебряной рукоятью – оружие скорее церемониальное а не боевое. Его Ар-Рагир сунул за кушак – не столько для защиты от реальной опасности, сколько просто для уверенности в себе, какую оружие придает любому мужчине.

При этом сундук был не заперт и, судя по беспорядку, в нем явно кто-то рылся. Также Фаргид обнаружил, что изящное бюро эгерийской работы, стоявшее в каюте, было грубо и безжалостно взломано. Но несколько серебряных чарок, письменные принадлежности, стопа дорогой шелковой бумаги остались нетронутыми.

Решив на время оставить каюту, чародей выбрался наружу.

Заглянув в трюмы, он обнаружил, что дармун шел пустой, без груза, но с двойным балластом из свинцовых отливок.

Так обычно делали, когда шли в дальнейшее плавание, чтобы, угодив в шторм, пустое судно не перевернулось. Непонимание мага усилилось: что же это за корабль? Послы? Пираты?

Но при чем тут магия? Он даже попытался проверить судно по-своему, но ничего не почувствовал – на море обычному чародею трудно что-то сделать, тут нужен особый водный маг.

Зато нашел кое-что, подтвердившее, что корабль этот побывал в бою. В мачте торчал тяжелый болт, выпущенный явно из станкового арбалета, а полубак был иссечен оспинами – туда угодил картечный залп. Обе абордажные модфы на носу изнутри были покрыты нагаром, а у шпигатов обнаружилась обугленная тряпка – остаток пыжа.

Ар-Рагир прошел на корму, где обнаружил нечто его поразившее – плавучий якорь из крепких досок, обшитый двойной парусиной, закрепленный на бухте превосходного каната.

Это было как раз то, что нужно в его положении – он тут же сбросил его в воду, и суденышко ровно стало на курс.

Магнитный компас на мостике оказался вдребезги разбит – все тем же арбалетным болтом.

Горестно цокнув языком, маг пустился на поиски провизионной кладовой.

Нашел он ее быстро – по запаху. Бочки с солониной издавали натуральный трупный смрад, а некоторые уже вздулись, испуская зеленоватую пену – видать, корабль был в плавании довольно долго, прежде чем лишился команды.

Но тут уж ничего поделать было нельзя – выволочь в одиночку двухсотфунтовые бочонки из трюма было бы под силу разве что древнему эолийскому герою Хилкару, разрывавшему голыми руками пасть драконам и базилисам.

Правда, в целости были глиняные кувшины с крепким финиковым вином и амфоры с сухарями, а также высокие бочата из полых стволов гигантского бамбука без малого в локоть толщиной – какие делают в чёрных королевствах Конгбо для воды. Был и целый штабель мешков с зерном. Вот этим и придется питаться.

В матросских кубриках его встретил дух застарелой кислятины и вдевшаяся в доски вонь немытого тела. На полу был разбросан нехитрый скарб команды – опять, будто кто-то что-то искал, причем иногда одежда была распорота по швам.

Тут же, среди барахла в беспорядке валялись абордажные сабли, несколько арбалетов и пара короткоствольных пищалей-серпент.

Но в оружейной, из замка на двери которой нагло торчал ключ, не нашлось почему-то ни пороха, ни болтов – зато было несколько охапок стрел для луков, каковых Фаргид не обнаружил как ни старался. Ещё была картечь и пули.

Закончив с трюмами, он вновь решил проверить каюты «кормовых гостей». И тут увиденное тоже поставило его в тупик. Одна каюта была вообще заколочена досками, а когда он сорвал их абордажным топориком, то не обнаружил в пыльном деревянном ящике с мутным грязным иллюминатором ровно ничего. Ничего, кроме аккуратно уложенного в выдолбленный из чёрного дерева гроб человеческого скелета. Скелет был уже старый и пожелтевший, а на лбу черепа были вырезаны иероглифы древнего Уаджета— их, говорят, умеют читать лишь в нескольких тайных сектах, что ещё поклоняются истинным древним богам этой страны, уже скоро десять веков как находящейся под властью правой веры.

Ар-Рагир нахмурился – этот корабль был буквально пропитан жуткими тайнами и смертью. Неудивительно, что именно его использовал для спасения своего слуги тот... Тот, чье имя он не посмеет осквернить своими устами.

Первой мыслью чародея было выкинуть жуткого пассажира за борт, вслед за другими мертвецами, но потом он передумал, как бы хуже не было. Хамиран знает, что за чары творились над старым костяком, и какая кара обрушится на потревожившего останки.

Поэтому он закрыл дверь и обушком топора приколотил доски на место.

А напоследок подумал, что в прежние времена не отказался бы потолковать с капитаном корабля. Похоже, у них бы нашлось о чем побеседовать.

Другая каюта видимо была жилищем усохшей ведьмы (или кто она такая) и может быть ещё кого-то.

Во всяком случае, если в предыдущей каюте давно ничего не было, то из этой, похоже, все было аккуратно вынесено. Лишь валялась на полу тонкая женская сорочка, разорванная почти пополам.

В третьей каюте обитал штурман, о чем свидетельствовала затейливо вырезанная на двери астрология с изречением из Книги Провозвестника. Сура девятьсот семьдесят девятая, аят восемнадцатый.

Ар-Рагир, усмехнувшись, прочел ее вслух: «Море подобно исполинскому чудищу, что несет на спине своей скорлупки, наполненные копошащимися мошками».

Пожалуй, к судьбе тех, кто плыл на этом корабле, она подходит как нельзя лучше.

«Кисмет...» – изрек колдун и открыл дверь.

Ни лоций, ни карт в обиталище штурмана он не обнаружил. Не было ни судовых книг, ни записей, ни даже той самой астрологии. Увидев ящичек, с инкрустацией в виде зубчатых колес и кругов, Ар-Рагир удивился – в таких хранили механические армилляры – изделия редкие и дорогие, позволявшие вычислять курс по звездам без проблем. Увы, шкатулка оказалась пуста. Ладно, все едино он и не умел с ним обращаться.

Обнаружились правда "звездные часы" – хитрая штука из нескольких вставленных друг в друга бронзовых колец с делениями и названиями светил. С ними Ар-Рагиру довелось работать – когда он учился астрологии. С их помощью, совмещая названия звезд с их положением на небосклоне можно было определить истинное время – а моряки каким-то образом высчитывали долготу. Но и этого Ар-Рагир не умел. Еще нашелся небесный компас – деревянный круг с вращающейся стрелкой на одном конце которого было чёрное стеклышко, а на другом и «солнечным камнем» – кристаллом желтого цвета, позволявшим определять направление на светило в любой туман – на другом.

Вот им и придётся похоже воспользоваться.

Следующие часы Ар-Рагир занимался навигацией. С трудом, но маг сумел по памяти кое-как начертить карту Золотого залива. Кое как приладил на мостике прибор и определил стороны света по солнцу. Даже ухитрился, кидая в воду щепки и ветошь, примерно рассчитать скорость. И, прикинув направление движения корабля и соотнеся его с розой ветров, предположительным местоположением и курсом, Ар-Рагир определил, что если не переменится

ветер, не собьет с курса шторм, или не налетит его суденышко на неведомый риф... Одним словом, если судьба будет к нему милостива, приблизительно через две недели он должен пристать к берегу в землях империи Ифо, где купцов и мореходов принято как будто уважать. Но это если все заладится. Один против стихии – плохой расклад. Тем более – он не моряк.

Вот разве что снова поможет Судьба... Судьба... Ар-Рагир, конечно, догадывался, КТО ему помог. Но вымолвить это вслух не решался. И только мысленно обращался к тому, кому молился тогда, на чёрной Скале, с просьбой не оставить его без опеки.

Маг бросил взгляд в морскую синеву. Прямо по курсу то появлялся то исчезал плавник акулы, словно манящей корабль за собой.

«Плыви за акулой – доплывешь к людям» – вспомнил он старую поговорку мореходов его народа.

Тут Рагир вспомнил кое о чем, и вновь спустился в трюм. Подозрения его не обманули – вода, просочившаяся сквозь днище и борта, уже выступала над трюмным настилом, и следующие несколько часов он провел, качая помпу. Затем настало время подправить курс – румпель вырвался из рук, так что чародей растянулся на палубе.

Одним словом, к вечеру его хватило лишь на то, чтобы спуститься в камбуз, и даже не обращая внимания на пришипленную к борту ведьму доест вареный рис, закусив его твердым, как камень, сухарем, лежавшим на полке – его пришлось разбить рукоятью сабли, прежде чем сунуть размачивать в кружку.

Потянулись мучительно долгие дни.

Снасти, в которых он безнадежно путался, помпа, чечевица или рис, сдабриваемые иногда глотком-другим пальмовой водки...

Ветер то стихал, то вновь поднимался, играя с кораблем, как ребенок со щепкой, брошенной в ручеек.

Пару раз налетали легкие шторма, когда Ар-Рагира хватало лишь на то, чтобы задрать все люки, и валяться, блуя в капитанской каюте.

Однажды оборвался плавучий якорь, и тогда чародей, швыряемый туда-сюда, как мышь в тыкве, то принимался возносить Всевышнему последние молитвы, то молил *Владыку* не погубить спасенного им ничтожного червя!

А на третью неделю плавания на него надвинулся какой-то особенно жестокий шторм. Небо рассекали зловещие молнии алого цвета, непрерывно грохотал гром, а большущие волны захлестывали судно. Вот тогда Ар-Рагир совсем уже приготовился к посмертному суду, но слава Творцу, ураган лишь краем зацепил беспомощное суденышко.

В радости маг опорожнил последний кувшин финикового пойла, и забылся сном.

Пробудился как будто от толчка, с непонятным, но, тем не менее, явственным ощущением, что сейчас произойдет нечто важное.

Помянув вполголоса тридцать три рога Илбиса, он допил остающееся на донышке вино, и выбрался на палубу, вдыхая прохладный утренний воздух.

Да так и обмер.

Прямо по курсу на мертвой зыби колыхался корабль. Раз в три больше его собственного, с тремя мачтами, ныне торчащими жалкими обломками, накренившийся на левый борт.

Даже без дальнотрубной трубы бросалось в глаза плачевное состояние судна, с которым стихия обошлась весьма немилосердно.

Не нужно было быть опытным моряком, чтобы понять, что судну этому осталось жить очень недолго.

Легкий ветер гнал посудину мага в сторону корабля, и Фаргид пережил несколько неприятных минут, когда ему казалось, что его суденышко неизбежно протаранит мертвую громаду.

В другое время Ар-Рагир попытался бы пристать к чужому судну, на предмет – пошарить в трюмах. Но теперь, даже если там сокровища индаграского халифа, то пусть добро и корабль отходят с миром, раз так записал в Книге Судеб Всемогуший.

И тут чародей заметил на палубе какое-то шевеление. Сердце замерло – вспомнились на миг старые сказки о кораблях-призраках и капитанах, проигравших в кости свои судна и команды Илбису.

Вот над искромсанным бортом чужака встала худая и длинная фигура.

Призывный взмах руки, который и взмахом-то нельзя назвать. Скорее конвулсия.

– По-мо-ги-те! – долетел слабый вскрик-всхлип.

Кричали по-танисски...

Рядом с первой тенью встала ещё одна, точь-в-точь оживший мертвец. Потом ещё, и ещё.

Чародей направил на них зрительную трубу.

Нет, не ожившие покойники, и не призраки. Просто измученные до крайности люди. И, судя по ярким одеяниям и саблям с арбалетами в руках, даже сейчас, у последней крайности, принадлежавшие к профессии, не пользовавшейся благосклонностью властей любой из стран. Вольные труженики моря. Стригущие, точно овец, тучные торговые суда.

Как же это их так угораздило? Корабль-то намного больше, чем его собственный. И поновей будет.

Что делать?

Самое разумное – оставить их на произвол судьбы и продолжить свое странствие.

Но продолжать плавание в одиночку?.. До первого шторма или даже хорошего шквала?

«Прими...» – как будто прошелестело в снастях над головой. Или это проскрипели доски палубы?

И маг принял решение.

Сняв руль с кофель-нагеля, он всей силой навалился на румпель, пытаясь развернуть дармун.

Сейчас он, описав круг, подойдет к беспомощному кораблю с другого борта... Не тут-то было! Румпель сдвинулся лишь чуть-чуть, палуба под ногами качнулась, и Ар-Рагир приземлился на твердые доски пятой точкой.

Ветер продолжал уносить дармун от пирата, на котором обреченные пытались спустить шлюпку.

Фаргид решился. Подскочив к мачте, он выхватил двумя руками ятаган, и что есть сил принялся рубить снасти. Несколько мгновений – и парус с грохотом рухнул вниз, а чародей едва увернулся от падающего рея.

Судно развернуло лагом к волне, но расстояние до пирата прекратило увеличиваться – напротив, удары волн даже начали относить дармун назад.

Но все равно – пиратская лодчонка, доверху набитая людьми, добиралась до его кораблика долго. Было видно, как медленно поднимаются весла, с каким усилием гребут моряки. Семнадцать человек измученного вида, хотя и при оружии.

Как ни покажется странным, Ар-Рагир совсем не думал о том, что даже эти полумертвецы в случае чего справятся с ним почти без труда – и будь даже он в полной магической силе, все равно ему бы с ними не сладить.

Вот лодка медленно подползла к борту, вот первая дрожащая рука ухватилась за доски палубы...

И вот они все поднялись на борт дармуна. Двадцать без трех ходячих теней. Жалкие подобия людей, усохшие от голода и жажды – вон как ввалились глаза и распухли растрескавшиеся, как такыр, губы... Сгрудились в кучку, втянули головы в плечи и затравленно глядели на своего спасителя.

А тот, приняв самый грозный вид, впери в них прожигающий до сердца взгляд.

И молчал.

Потому как ведал – нельзя в таких случаях говорить первому. Кто начнет, тот и слабее.

Из рядов спасенных вышел худой и длинный, уже не первой молодости шаргибец, с сильной примесью айланской крови. Он тяжело опирался на саблю.

– Я Йунус, господин, назир-реис «Клинка ярости», – махнул в сторону заметно погрузившейся в воду лохани. – А это ее команда – все, кто остались.

Маг кивнул. Но продолжал держать уста сомкнутыми.

– Прими нас под свою руку, господин. Мы хотим принести тебе клятву верности.

И бросил ему под ноги клинок.

Вот оно! Сердце чародея затрепетало.

И снова молчание.

Йунус первым, а следом за ним и прочие, каждый в отдельности, опустились на колени перед своим спасителем.

Лишь после этого капитан Фаргид молвил, оскалившись:

– Назиру Йунусу – распределить вахты. Поднять паруса, двое самых крепких – на помпу.

Пить осторожно, есть понемногу... И... – Фаргид запнулся – сегодня, по праву реиса, и в знак вашего... *нашего* спасения, я нарекаю *наш* корабль «Ибн-Химмар» – сын смерти. Ибо лишь пройдя через смерть мы становимся ее сынами, коих она щадит! – закончил он фразой из какой-то старинной поэмы.

Лязг клинков ударенных друг о друга, знак высшего восхищения у носящих оружие, был ему ответом.

– Куда мы направляемся, реис? – спросил его Йунус завтрашним утром, когда более-менее пришедшие в себя корсары ползали по кораблю, приводя в порядок снасти.

Ар-Рагир думал с полминуты. А в самом деле, чего хочет от него Тот, кто спас его, и куда ему следовать во исполнение этой воли? Или как в давнем предании один из богов сказал спасенному им никчемному северянину-каторжнику: «Иди и придешь»? Но может в этом и есть мудрость Неба?

– Сперва на Бронзовый Берег, починимся, пополним запасы, наберем команду и ... почистим корабль кое-от чего. Потом... – Ар-Рагир сдвинул брови, в раздумье и вдруг выложил.

– А что ты скажешь, друг Йунус, насчет Изумрудного Моря?

– А что? – хмыкнул помощник, как будто даже и не удивившись. – Изумруд – камень хороший...

Рагир вернулся из воспоминаний из-за какого-то легкого внутреннего толчка. Вокруг никого не было – люди привыкли, что нарушать такое вот одиночество вожака без крайней нужды не следует. В поисках источника беспокойства он быстро окинул взором темнеющее небо, силуэт островка с перистыми пальмами вдаль. И вдруг замер, ощутил явственно то, о чем лишь смутно догадывался... Его Господин был тут, рядом, недалеко!!

Бог сказал ничтожному человечешке: «Иди и придешь»? А тот языческий бог был явно не глуп!

Схолия третья

О ТОМ, КАК ЛЮДИ ПРИШЛИ В ДАЛЬНИЕ ЗЕМЛИ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО.

Сказать что открытие за океаном нового мира, получившего тут же неизвестно от кого имя Дальние Земли, потрясло жителей Святых Земель, значит сказать и правду и неправду.

С одной стороны они были удивлены и изумлены – как так, а где ж Бездна Края Мира? Мир круглый? Стало быть, правы эти давно истлевшие урмоссские мудрецы, а не епископ Козимо?

Выходит, в имперских гимнасионах не только мужеложству и пустой болтовне учили? И танисцы с их богохульным Провозвестником тоже выходит умнее нас? А нет ли тут ереси? А, украли мудрость у уаджитов? Но те вообще были язычники... Как это наша вера оттуда? Действительно... Ну, тем более.

Но вообще то это были времена слишком простые а люди еще слишком грубые, чтобы долго заморачиваться богословскими спорами.

Ну круглый и круглый – не падаем с него и ладно. Эллу виднее, каким мир делать.

А вот острова за морем – с золотом, плодородными землями, лесами и даже с людьми (хм, почему там рабы у танисцев?) – это вещь понятная и полезная. Далеко? Не без этого. Ну да пророк Таскар дальше ходил.

Прошло лишь несколько лет, и за океан потянулись не десятки – сотни судов.

Эгерийцам, пережившим крах надежд на то, что вся их древняя земля станет вновь свободной от язычников, показалось, что Творец решил вознаградить их за неудачу. Не вышло создать новую Эгерию за горами – значит, создадим ее за морями.

Благо было кому – многие тысячи бравых вояк оказались совершенно не у дел – кормить воинов армии, не оправдавшей надежд ни кто даром не хотел, но эти суровые парни, увешанные оружием уже ни за что не хотела возвращаться к прежним занятиям – если у кого они и были. Как – то так оказалось что у королей Эгерии много беспоместных дворян, рассчитывавших разжиться земелькой у язычников за горами, а хлебнувшие вольной солдатской жизни мужики и горожане не горели желанием браться за плуг и мотыгу, или лепить горшки и тачать сапоги.

И нашлись умные люди, что, почесав головы под разноцветными беретами придворных, смекнули, что коли весь буйный да воинственный народ, привыкший махать мечом, а монарха слушать особо не приученный, сплавить в эти Дальние Земли, то от этого будет двойная польза...

А как это бы лучше сделать? А что ежели поговорить со святыми отцами? Они ведь умные люди, чего придумают – небось, не зря короли столько лет одаривали их привилегиями да почетом.

И вскоре побрели по дорогам Эгерии монахи нового Ордена – Пилигримов.

«Продай землю, продай замок, продай коня – купи корабль, ибо там, в диких краях ты нужен Эллу!» – проповедовали они по рыцарским замкам и сельским базарам.

И продавали. И покупали. И плыли, взяв с собой своих крестьян, иногда охотой, иногда неволей. Или просто сбившись в шайку-артель – вместе авось и заморем не пропадешь. А мужчине известное дело немисливо без женщины – и плыли вместе с ними их жены, или случайные подружки иногда встреченные прямо на причале и тут же обвенчанные всё теми же монахами-пилигримами.

Сколько старых кораблей пошло ко дну или стало добычей неверных пиратов – неведомо. Но приплывшие начали с того что идалго принимались строить замки а крестьяне – строить вокруг них хижины и пахать плодородную красную землю.

Но толку не было в замках – ибо не жили на островах Изумрудного моря и на просторах Иннис-Тора (так называли открытый Вальяно континент на юге в честь земли из старой легенды) людей.

Жили там огромные ящеры и черепахи, водились крокодилы размером с небольшой корабль.

Обитали хищные кошки – пумы ягуары и оцелоты, гигантские муравьеды и совсем уж странные существа, несущие яйца и выкармливающие детенышей молоком, или покрытые чешуей летающие змеи.

А вот людей не было.

Правда люди жили на северном материке, но тамошний народ не очень гостеприимно встретил пришельцев, и после пары неудачных попыток, на него махнули рукой: и без того земли много а народу мало.

И чтобы народ проникся важностью дела, переселенцам взяли да и запретили возвращаться обратно.

Дело пошло – вот уже начали разводить столь любимые в Старых Землях пряности; кстати пришлось открытие того что одна из местных пальм даёт отменно сладкий сок, превращающийся в отличный сахар – а при перегонке еще и в крепкий и ароматный напиток. В лесах росла ценная древесина – красное и чёрное дерево, камедь, кедр...

Тут само собой на запах звонкой монеты стали слетаться купцы и ростовщики, росли города. Тут и церковь подросла – а как же без нас?

А в благодарность за помощь и в знак милосердия, попросили святые отцы о маленькой привилегии: пусть всякие тайные язычники, еретики и богохульники не отправляются на костер и в тюрьму, а искупают свою вину трудом на благо духовного сословия в их поместьях...

Но вот тут выяснилось что новые края не так уж благостны и удобны для жилья как показалось вначале. Да земля давала по два – три урожая в год. Да – море изобиловало рыбой, а фрукты, какие в Старых Землях ели лишь дворяне да короли тут росли сами по себе – протянул руку и сорвал.

Но ко всему этому прилагался целый букет болезней, которые было непонятно как лечить. Вечная жара, так радовавшая поначалу новых жителей – тут не разу не выпадал снег! – быстро стала невыносим проклятием. Люди болели от незнакомой пищи, гибли от укусов ядовитых пауков и многоножек, в море их подстерегали гигантские ядовитые медузы, спруты-скорпионы и акулы. Появились и вообще жуткие неведомые раньше болезни. Лекаря лишь разводили руками давая им название – желтая, гнойная, серая лихорадка – в зависимости от того как выглядели умершие от очередной заразы покойники. Как то в одном гарнизоне после мучительной смерти половины солдат лекарь выпросил у коменданта и капеллана разрешения – вскрыть труп нового умершего – в те времена церковь это не слишком одобряла.

Когда мертвое тело бедолаги было взрезано, медикус – между прочим пять лет проведший на войнах, рухнул в обморок – требуха и мозг покойника были буквально изъедены какими-то гнусными червями синего цвета... Еще полтора века "синий червь" был самым жутким бичом Дальних Земель, пока какой-то ссыльный алхимик не сумев сварить нужный декокт – помогавший правда лишь в самом начале болезни.

Корону было впрочем это волновало лишь по одной причине – золотые и серебряные рудники, изумрудные копи и плантации требовали рабочих рук. А пленники и каторжники быстро кончились: в новых владениях они стали уж слишком быстро умирать. Вновь поплыли за океан тюремные корабли – но на этот раз уже повезли не разбойников и убийц а сперва воров, проституток, мошенников, затем неоплатных должников и конокрадов наконец – что было вообще неслыханно для Эгерии – мелких воришек и даже похитителей овец, на которых вообще в этом королевстве смотрели привычно снисходительно. Позже, когда и этой публики не стало хватать на каторгу начали посылать даже простых бродяг – ну а имея ввиду что за каждого пойманного бродягу Канцелярия Дальних Земель выплачивала стражникам премию, в бродяги стало очень просто угодить.

Тут уж встрепнулись остающиеся в метрополии дворяне и купцы – этак ведь весь народ можно вывезти да уморить. Верно, решили в Эскориало, лучше прикупим-ка мы рабов у

соседей – ну, скажем, у арбоннов? И вскоре следом за переселенцами двинулись через океан невольничьи корабли.

Вначале рабов приобретали у амальфицев – тамошние торговцы отлично освоили это ремесло еще во времена империи. Но патриции тамошних городов-государств слишком уж задрали цены, думая что никто кроме них не сможет продать нужный товар. Ан смогли.

Послы эгерийцев при разных предложили тамошним королям выгодную сделку – они из человеколюбия готовы избавить Святые Земли от воров и разбойников – и не то что даром, но даже приплатив.

Так за море вновь поплыли преступники – но уже из других стран – от Хойделла до Хелмии, которых заморское золото спасало от топора и петли. У лихих людей Старый Земель этот вид наказания получил ехидное название – "сухая плаха".

Дальше больше – в колонии стали отправлять сирот, или детей бедняков, купленных у родителей в самых разных странах – редко кто из жил дольше года, умирая от непосильного труда. Зато вышло изрядное облегчение военачальникам. Прежде те прямо-таки не знали, что делать с пленными? Отпустить? Но ведь они, скорее всего, вернутся к врагу! Запереть в тюрьме и кормить до конца войны? Тут не всегда и для своих хватает еды, да и до крепости их еще надо довести. Вот и приходилось даже и убивать бедолаг, вопреки заповедям Элла и Маггит – иногда целыми тысячами.

А теперь все стало проще некуда – за каждым войском шли обозы торговцев рабами, везя телеги колодок и цепей. И пред Создателем чист, и деньга опять же в кармане звенит.

Прибрежные пираты тоже весьма обрадовались – так что даже выходящих на промысле рыбаков кое-где начали сопровождать военные галеры.

Но спрос на живой товар не падал. Рыцари Ордена Золотого Щита, обосновавшиеся за Сурьянским морем, в землях диких западных леттонов, из нужды в деньгах продали работоторговцам за какой-то десяток чуть ли не всех своих крепостных. А когда выяснилось что гнуть на них спину почитай некому, двинулись в поход на Сурию, думая захватить её земли и обратить в холопов живущих на них пахарей – заодно продав излишки на сторону. Но сурийские князья не только разбили наглецов, но и с большим войском явились в орденскую область, взяв их города и комтурии.

Тут как раз прибыли работоторговцы, с которых кстати незадачливые рыцари – щитоносцы взяли приличный аванс под поставки сурьянской «двуногой скотины».

Не долго думая, те предложили сурьянцам продать им благородных рыцарей и кнехтов – не терпеть же убытку честным амальфиотам? И воеводы великого князя Лотара Жестокého, почесав затылок, согласились – варвары, что с них взять?

Все новые и новые рабы плыли за Океан, чтобы лечь в плодородную красную землю – кто-то через три года, кто-то через три месяца. Потом некто подсчитал – самое меньшее десять миллионов человек за два с половиной века поглотили лишь земли Юга. А ненасытное чудовище требовало: «Больше! Больше!» Но их все равно не хватало.

Бывали годы, когда каждый день в порт Геоанадакано приходило по одному работоторговому кораблю лишь из цивилизованных стран. А ведь рабов везли ещё в трюмах обычных судов, в канатных ящиках, в клетках на палубах...

«Мой лорд, быстрее приставайте и разгружайтесь, а то весь товар уже продан!» – такими словами обычно встречали работоторговцев.

Мерли, впрочем, не только рабы. Свободных коса косила с не меньшей силой.

Да что говорить, в среднем из каждых сотни солдат колониальной армии до конца первого года доживала лишь половина. Были крепости вроде Эрохара и Гудаваны, отправляться куда отказывались даже приговоренные к смерти, предпочитая честную сталь в руках палача смерти от «синего червя», или «серой лихорадки».

За сто двадцать лет треть эгерийских знатных родов исчезла, ибо офицеры и чиновники умирали так же, как и простые землепашцы, забранные в войско и флот. Монастыри оказались переполнены оставшимися без женихов девицами благородных кровей (как, кстати говоря, и бордели), а в иных селах две трети детей были незаконнорожденными.

Новые земли сполна заставляли расплачиваться земли старые за то золото и пряности, что бледнолицые гости выкачивали из своей заморской собственности.

Но количество тех, кого можно было отправить за море, было не бесконечным.

Пытались вербовать вольных рабочих, но не было уже веры словам нанимателей.

И вставали рудники, потому что некому было добывать серебро и выкапывать изумруды. И гнили на берегу лодки – некому было нырять за жемчугом. И застывал драгоценный сок на стволах пальм...

К тому же потребовались не только руки, но и головы. Однако мало кто из владеющих нужными умениями захотел попытать счастья в гиблых местах, о которых уже было известно – как быстро они убивают северян. Не помогали ни обещание огромных денег, ни льготы от королей.

Выход все же был найден.

Нужны были рудознатцы и горные мастера для шахт и копей Медных гор и Аюрадды – и ночами разбойники нападали на мелкие шахтерские поселки Шлезгии и Коамии, вытаскивали из постелей под плач жен и детей ничего не понимающих умельцев, перекидывали их через седла и увозили в ночь.

Требовались корабельщики – и пираты пробирались в Утрехтс и Гордонну, врываются в кабаки, где отдыхали после тяжелого дня ремесленники с верфей, и увлакивали усталых плотников чуть ли не под носом у стражи.

Появилась нужда в лекарях – и прямо из коллегiums знаменитой Мосской академии неизвестные злодеи похитили три десятка окончивших курс лиценциатов медицины, мирно отсыпавшихся после торжественной выпускной пирушки.

Говорят, один разбогатевший владелец сахарных плантаций непременно пожелал, чтобы его дочерей обучал манерам настоящий придворный. И по его заказу за пять тысяч золотых «охотники за головами» выкрали обер-церемониймейстера из какого-то северного княжества.

И все равно людей не хватало.

Но тут пришли на помощь старые враги – танисцы.

В пышных дворцах владык и нарочито скромных конторах торговых домов замелькали облаченные в чёрное и белое сухощавые фигуры бородачей с ночью в глазах.

Почтеннейшие и благородные не знают что делать? Ничтожнейшие торгаши помогут им – дешево, совсем даром! Всего лишь привилегия на торговлю на пятьдесят лет, нижайшему слуге вашему – и тысячи сильных и покорных невольников будут к вашим услугам! Дешево, совсем даром!

И вместе с неуклюжими нефами и галионами через Океан потянулись быстрые танисские дхау и гурабы, несущие в трюмах оливково-смуглых айланцев, коричневых таригов и нумидов, и чёрных, как ночь, жителей земель крайнего юга, что за великой рекой Зангой.

От Бронзового Берега до Дилмана потянулись к торговым факториям и приморским городам невольничьи караваны. В ужасе провожали их глазами жители, ибо пошел слух, что несчастные отправляются на съедение жестоким белым королям.

Не прошло и оговоренных пятидесяти лет, как вслед за танисцами тропку проторили и правоверные торговцы – сперва, как водится, арбонны, за ними – эгерийцы с амальфийцами, там и фризы подоспели...

Всем хотелось покупать невольников.

За старые ружья и порох, за доспехи и механические игрушки, зеркала и бусы из граненого стекла, за ром, изготовленный руками тех же самых рабов, за белых женщин из расчета – одна за десяток самых крепких мужчин или два десятка женщин...

Теперь и огромная чёрная земля начала приносить свою дань ненасытному молоху.

Обайгоно и Гангалу, Ширинда и Ма'Бри, Дангеза и Тогво... Все страны и племена отдали свою долю ему, как отдавали в дикой древности сыновей и дочерей на алтари Ата-Алана.

Суда, возившие живой товар, именовали «кораблями из преисподней» – ведь частенько до места довозили лишь половину из невольников. А ещё – «золотыми» кораблями – ведь каждый рейс давал по три золотых на каждый вложенный.

Тем более что, как оказалось, темнокожие рабы годятся не только для работы на плантациях и приисках. Не все были вчерашними земледельцами и охотниками. Находились и искусные ремесленники – резчики по дереву, чьи изделия издавна возили в северные королевства танисские купцы, ткачи, кузнецы и золотых дел мастера. А мастеров в новых землях не хватало всегда (а кого, скажите на милость, там хватало?)

Некоторые специально скупали таких искусников и открывали свои мастерские или просто сдавали их в аренду – на неделю, месяц, год.

А те, кто поумнее, отдавали своим умелым рабам в обучение других рабов.

Домашние слуги, бочары, портные, пекари, дубильщики, столяры, сапожники, каменщики...

Другие работали в доках и на верфях: конопатили днища, шили паруса, грузили корабли.

Потом нужда, а не желание, заставила сделать из рабов матросов. Далее – надсмотрщиками за другими рабами. Затем – стражниками. Оставаясь невольниками, они получили оружие и право рубить в капусту свободных, буде те начнут бунтовать или грабить. Наконец, пришел день, когда какой-то из королевских капитанов, столкнувшись с нехваткой солдат, плюнув на все, с проклятиями Эллу и Дочери его, конфисковал у подвернувшегося торговца несколько дюжин крепких темнокожих мужчин, плюясь, прочел им «Корона обещает...» и сунул в руки аркебузы – отрабатывайте свободу кровью...

Еще не умерли последние старики, привезенные сюда первыми с южного материка, а вот уже появились и свободные. Кто-то выкупался – ведь даже рабу нужно дать какую-то надежду, чтобы он не наложил на себя руки, или того хуже, не наложил их на горло хозяина. Кто-то освобождался из хозяйской милости: ведь даже с самыми жестокими хоть раз да приключаются вспышки милосердия. Кто-то дарил рабов церкви, а тут Первосвященник возьми да и постанови, что через десять лет рабу храма положено дать свободу.

Эронга Сао стал лучшим серебряных дел мастером и гравером в заморских владениях, а кузнец Бунго научил эгерийцев выплавлять чёрную бронзу, из которой получались превосходные пушки и даже аркебузы. Сиринагия Мудрая открыла сотню с лишним лекарственных трав. А ее дочь догадалась приручить дикий маис, вспомнив, что похожий злак выращивали у нее на родине. Уже через два десятка лет его начали разводить в Эгерии, откуда он расползся по свету до самого Дангао и Сянь. Именно от рабов пошел обычай разводить больших черепах в особых загонах до тысячи голов, что заменяло сотню быков.

Знаменитый вождь шойосов Эндагобо стал первым чёрнокожим капитаном в войске эгерийского короля.

Были и другие.

В одной только Кадисте проживали десятки мулатов, владевших в общей сложности десятками тысячами рабов. И случалось бывший дворянин, а ныне кабальный раб, прислуживал бывшему рабу, пока тот завтракал, после того, как провел ночь с дочерью одного дворянина. Бывало и такое.

Потом, может быть, скажут: «Так рождался новый мир и новый народ».

Но мудрый просто пожмет плечами: «Таково течение жизни».

Так или иначе, а к 3342 году от Воздвижения Первого Храма, от Изумрудного моря до южных льдов раскинулись громадные владения эгерийской короны, чьи многочисленные губернаторы, чиновники, солдаты и морская стража зорко следили за тем, чтобы иностранные суда не вздумали вести торговлю. И это было главным.

А люди – что ж – люди умирали как и было установлено Творцом – Эллом.

Сколько их умерло на заготовках ценной древесины, на рудниках, на плантациях пряностей, на добыче сахара из растущей тут сахарной пальмы – не счесть.

От неведомых болезней, лишений, поножовщины и тоски по утраченной родине умерло не меньше. Свободные и рабы, нищие и идальго, айланцы, танисцы, каильянцы, арбонны, хелмийцы, мисрийцы...

Всем им эпитафией могут послужить слова из поминальника начертанные рукой безымянного монаха в часовне на старом кладбище Гоанадакано. «А имена их Элл ведает...»

Глава 7

*3342 год от Возведения Первого Храма, 12 число месяца Аркат.
Стормтон, Ледесма.*

...— Зря ты, парень, от угощения отказываешься, — с укором глянула на него красавица-смуглянка, когда он, заплатив два медяка за завтрак, выходил из заведения. — Я бы тебя так попотчевала — все плавание бы потом меня вспоминал.

И столько всего, обещающего блаженство, было в ее взгляде, да и во всей ладной фигурке, что пикарон чуть было не поддался искушению.

Не вовремя появившаяся рядом с девицей драная чёрная кошка разом испортила все настроение. Кошек он не переносил. — Как-нибудь в другой раз, — улыбнулся вежливо, но достаточно прохладно, чтоб отшить прилипалу.

— Ну, как знаешь, — надулась молодка. — Надумаешь, знаешь, где меня найти.

— Непременно, — пообещал темнокожий.

Портовая дорога, по которой шел Х'Ант, прилегала к причалу, где и днем, и ночью было полным-полно моряков, а сама улица пестрела вывесками таверн, зазывающих посетителей на стаканчик рома. Шумное оживление день и ночь царило на Морской — главной улице Стормтона.

Вернувшиеся флибустьеры бродили от таверны к таверне. Их кошельки были набиты золотом, но бархат, шелка и кружева плохо сочетались с грубыми манерами и изукрашенными шрамами физиономиями. Компании таких молодцов неделями пировали с куртизанками со всех уголков мира.

Нередко на компанию покупалась бочка вина, выбивалась затычка, и пираты, по очереди подставляя рты под струю, цедили вино, пока бочка не была осушена.

Деньги спускались до последнего гроша, и иные умудрялись за ночь прокутить две-три тысячи риэлей. Это притом, что сильный раб стоил сотню, а бутылка самого лучшего вина — пять. Некоторые входили в кабак в шелках и золоте, а к утру у них не оставалось даже рубашки на теле.

...День тянулся ужасно долго. Он провел его, бесцельно шатаясь по рынкам. Но что поделаешь. Такова его миссия — разведать как можно больше.

За час до захода солнца он находился неподалеку от Восточных ворот.

Делая вид, что рассматривает дверь лавчонки татуировщика, с образцами рисунков — хэй-янских, сянских, амальфийских, он при этом не спускал глаз с часового, который, скользнув по нему взглядом, лениво прохаживался у караульной будки. Похоже, пройти через ворота особого труда не составит. Вот если бы он знал, куда ему идти дальше.

Его должны были встретить, и взять чертов пакет, буквально обжигавший его тело...

Перед тем как несколько часов назад его лодчонку спустили со шхуны под фрисландским флагом — под ним тут плавают все кому не лень, и парус повлек его к недалёкому берегу, тот странный тип был уж слишком словоохотлив. Всё говорил как это важно, твердил что друг свободных пикаронов уж слишком о себе возомнил и ему надо напомнить о взятых на себя обязательствах — но глаза его прямо таки излучали ложь как два фальшивых скеата, слепленных из оловянных пуговиц.

Вся эта история не слишком то нравилась одному из лучших прознатчиков Дарина — конечно он повинуется воле вождей, но вот кто о себе много возомнил — так это Рагир, что как уже поговаривали в тайных лесных и горных посёлках, всё больше ведёт себя как претендент на пикаронский трон.

Х'Ант осматривался, глянул зачем-то в сторону форта, чья зубчатая громада рисовалась на фоне синего неба, а батарейная башня торчала как Хамиранова мужская гордость.

Ладно – он идет с важным поручением, и не должен его провалить.

В нескольких ярдах от него стоял какой-то рослый мужик и, как показалось Х'Анту, внимательно следил за ним. Пикарон, нарочито громко насвистывая начальные такты "Канонира и Смерти" неожиданно пересохшими губами, быстро свернул в заросшую, темную улочку. Он шел очень быстро и, когда обернулся, то ничего, кроме колеблющихся теней, не увидел.

В "Старом Компасе", мимо которого, томимый голодом и жаждой, проходил Х'Ант, кто-то орал развеселые песни пьяным голосом, из двери доносились грохот ломающейся мебели и звон разбивающейся о стены и людские головы посуды; похоже, внутри веселье шло полным ходом.

Запах перегара ударил в нос Х'Анту, когда пьяный здоровяк навалился на него и, дружески хлопнув по плечу, предложил выпить за его счет. Видимо, для моряка подобное панибратство было обычным делом, и каждого прохожего он считал как минимум своим другом до гробовой доски.

– Я угощаю, приятель! Подними стакан за мое здоровье, уважь старого боцмана Ланго! Такая удача привалила! Золото рекой льется! Давай-давай!

Не дожидаясь ответа, он затащил мулата в таверну и толкнул его за ближайший свободный столик.

– Трактирщик, рому мне и моему новому лучшему другу!

Через несколько минут принесенная толстым трактирщиком бутылка была пуста, в основном благодаря стараниям боцмана Анго.

И видать от избытка чувств, тот затянул песню, изобличавшую его прежнее, а может и нынешнее ремесло:

– От пролива к проливу мы вели корабли,
Когда я моря бороздил.
От пролива к проливу мы вели корабли,
Когда я моря бороздил.
От пролива к проливу мы вели корабли,
Как-то раз эгерийца узрели вдали.
И, связавши живых, мы ограбили их,
Когда я моря бороздил.
К Далабару направить корабль довелось,
Когда я моря бороздил,
К Далабару направить корабль довелось,
Там незванный надолго запомнится гость.
Брали мы все подряд, чем неверный богат,
Когда я моря бороздил.
Торгаша-амальфийца с его кораблем,
Когда я моря бороздил,
Торгаша-амальфийца с его кораблем
Понесла нелегкая нашим путем.
Перед нами он плыл, я его захватил,
Когда я моря бороздил.
Я запомнил ещё из Каиды купца,
Когда я моря бороздил,
Я запомнил ещё из Каиды купца,
Тысяч десять я вытряс из молодца.

Когда я моря бороздил.
Я взял четырнадцать добрых судов,
Когда я моря бороздил.
Я взял четырнадцать добрых судов,
Четырнадцать разом, купцы – на подбор,
Мы их обобрали – и весь разговор.
Когда я моря бороздил...

И, оборвав куплет, запил песню добрым стаканом рома.

– Забористое пойло! – крикнул он и вдруг с подозрением уставился на пикарона.

– Что-то ты не пьешь, а? Или тебе не нравится ром? Или моя рожа?!

Перебравший моряк навис над мулатом, пытаясь сфокусировать взгляд на его лице.

Судя по всему, Анго постигла неудача в этом нелегком деле.

– Отличный ром, – приветливо отозвался Х'Ант. – Спасибо за угощение, боцман.

Просто жарковато сейчас...

– Жарковато, да? – наливался гневом толстяк. – Щас тебе ещё не так жарко станет! Я ещё на этого дурня добро перевожу!

Он обернулся к посетителям, призывая их в свидетели оскорбления. Кабак сочувственно загудел: почти все посетители успели уже угоститься за счет боцмана и были целиком на его стороне.

– И то верно, – все так же мирно поддакнул молодой мулат. – К чему на всяких дурней добро переводить? Я пойду, пожалуй...

Х'Ант терпеть не мог драться из-за пустяков.

По кабаку вновь прокатилась волна негодующих воплей.

Анго, свирепо ухмыльнувшись, сгреб свою жертву за рубаху на груди – так, что затрещала ветхая ткань.

– Ногами вперед в окно ты пойдешь, макака чёрномазая!

Выродок от случки на навозной куче козы с дюжиной каторжников и двумя меринами!

Он не договорил: левый кулак Х'Анта врезался ему в пах. Коротко хакнув от боли, боцман выпустил рубаху – и тут же получил в переносицу, уже с правой! Да, Х'Ант терпеть не мог драться. И если мордобой все-таки начинался, старался, чтобы это безобразие закончилось как можно скорее... Замычав от лютой боли, боцман осел к ногам мулата. Пьяницы опешили от такого оборота событий.

Пикарон, обведя собутыльников боцмана не сулящим добра взглядом (ну, кто ещё хочет?), подался к выходу.

– А за ром кто платить будет, рожа айланская?! – возмутился кабатчик.

– Ром? Ах да! – спохватился Х'Ант. И тяжелая бутылка из толстого стекла обрушилась на башку хозяина заведения.

Весь кабак был уже на ногах. Такого нарушения правил каким-то чёрномазым спускать было нельзя.

– Хватай его, парни, якорь ему в печенку! Дверь держи, дверь, чтоб не ушел, гад!..

Х'Ант толкнул скамью под ноги ближайшим атакующим, ураганом пронесся по длинному столу и покинул "Старый Компас" именно так, как предсказывал боцман: через окно, высадив ногой раму.

Взревев, словно упустивший добычу хищник, толпа ломанулась в дверь, чтобы догнать мерзавца и переломать ему все бимсы и шпангоуты! Но улица была пуста...

Нет, по ней по-прежнему струился поток прохожих: моряки, торговцы фруктами и свежей водой, портовые грузчики, уличные девицы...

Но беглеца простыл и след.

Кое-кто пустился бегом по улице, надеясь догнать добычу, но большинство пьяниц разочарованно поплелись обратно в таверну, кляня шустрого мулата в бога, в душу, в костяк и в корень...

Эти свирепые рулады виновник торжества слушал сверху.

Он и не думал убегать. Всего-то подтянулся на руках, ловко вскарабкался на крышу и теперь выжидал, когда уляжется кутерьма.

Наконец, спрыгнул наземь. С той стороны таверны, где была глухая, без единого окна бревенчатая стена. Остановился среди высокого бурьяна.

Руки-ноги целы, физиономия не разбита. Вот рубаху пьянчуга порвал – это скверно! В здешних широтах моряки не обременяли себя лишним гардеробом.

Большинство слонялось полуголыми не только по корабельной палубе, но и по улицам города. Но Х'Ант нигде и никогда не появлялся без рубахи. Пусть ткань была такой ветхой, что сквозила на свету, зато она скрывала шрамы от кнута на спине. И клеймо на левом предплечье...

Пытаясь определить – нет ли за ним "хвоста" он зашел в собор поразивший его полами и облицовкой цветного мрамора, сиянием драгоценной смальты мозаиках, освещенных разноцветием витражей, фресок, цветные эмали, резьбы по камню.

Постоял разглядывая панно на западной стене напротив алтаря изображавшую гибель короля Иверо и трех тысяч мучеников под Алькантарой.

Хоть Эгерия и Хойделл и находились в старой вражде – но вера-то одна!

Впрочем, возможно просто фальбийские мастера расписывавшие собор не случайно выбрали именно этот эпизод из священной истории – уж больно жалкими выглядели корчащиеся в огне рыцари и уж слишком гротескным смотрелся охваченный пламенем король на охваченном пламенем коне продолжающий скакать к воротам крепости...

Про ту битву Хант знал конечно – это лесные пикароны думают что край света недалеко от околицы их киломбо или что вообще Айлан откуда их привезли находится в Верхнем Мире а белые черти живут Нижнем. Но его прознатчика кое-чему учили – не где-то, в самой столице, лесном Дарине.

Тогда пять с лишним веков назад войско Эгерии усиленное рыцарями Святого Похода из других земель почти взяло неприступную цитадель на перевале Алькантара, перекрывающую единственных путь из Северной Эгерии в Южную.

Первый пояс стен они проломили тараном, второй – магией (последний раз когда магия применялась в битве) третий – просто взяли с налёту на плечах ошеломлённых танисцев.

Осталось взять лишь алькасар – главную башню цитадели – и путь за хребет был открыт.

Но у танисцев было припасено кое-что на крайний случай. Когда торжествующее войско заполнило двор крепости, вдруг открылись потайные сифоны и из них хлынул клокочущий жаром танисский огонь. Три тысячи человек поджарилось не хуже чем грешники на кемадеро а чуть ли не столько же погибло когда бежали сломя голову, потоптав друг друга или сорвавшись в пропасть.

Полюбовался портретом святого Джио которому и был посвящен собор – выложенный мелкой смальтой лик на стене.

Х'Ант таких тонкостей понимать не мог, но художник создавший мозаику явно находился под впечатлением не канонических древних икон, а саг о Народе Холмов – ибо святой, принявший муки за веру на пятьдесят восьмом году жизни, был изображен хрупким юным красавцем со слишком уж заостренными ушами и волосами цвета чистого золота – еще бы кошачьи вертикальные зрачки добавили.

...Пока гость Стормтона изучал роспись в храме божьем, по главной улице города, разрезая толпу, как корабль разрезает морские волны, шла группа людей, состоящая из пяти чело-

век. Поначалу их можно было принять просто за компашку друзей, идущих куда-то, но по манере поведения не сложно было сообразить – это либо солдаты, либо стражники.

Прохожие большей частью их сторонились, да и было отчего. Эти люди явно кого-то напряженно искали, и никому не хотелось обнаружить в себе объект их поиска. Останавливая прохожих, они о чем-то их расспрашивали, время от времени заходили в ту или иную пивную и допытывали народ и там. Вскоре добрались и до той таверны, где недавно происходила драка.

Внимание их сразу привлек пожилой боцман, который в окружении толпы пил ром и жаловался на какого-то "черномазого ублюдка". Быстро допросив старого пропойцу, странная пятерка столь же быстро удалилась. По непроницаемым их лицам прочесть ничего было нельзя... Но в душе они ликовали – похоже, странное письмо, приколотое старым матросским ножом к двери канцелярии губернатора Ледесмы не лгало в своих нарочито корявых и неграмотных строках – и человек с теми самыми бумагами действительно посетил Стормтон.

На ловца и зверь бежит – спустя час они столкнулись с Х'Антом на одной из улочек.

– Морячок, тебе придется пойти с нами, – заявил один, достав из-за пояса пистолет и нацелив его на парня.

– Милорд, вы меня ни с кем не спутали?.. – недоуменно начал было Х'Ант, но замолчал: такая холодная уверенность была в голосе главного из странной пятерки.

Пожав плечами, пикарон подчинился. Пистолет он всегда считал весомым аргументом, да и драться с пятерыми – только зря трепыхаться.

На ходу он прикидывал: лично к нему у местных властей особых претензий быть не должно. (А эти пятеро весьма и весьма походили на представителей закона).

Недавняя драка в кабаке... Нет, это даже не смешно! Если хватать за шиворот и куда-то волоочь каждого, кто грешит трактирными драками, ни в какой тюрьме места не хватит!

Если только они... если они не пронюхали что он – не кто-то, а посланник Дарина, идущий с особой миссией. Безобразие! За что, спрашивается, пикароны регулярно платят взятки местным чиновникам, чтобы те не трогали их людей?! Нет, совсем не осталось чести у этих крыс!

И что же впереди? Петля или каторга на плантациях? Ни то, ни другое Х'Анта отнюдь не устраивало...

Улица, по которой шел мулат в окружении своих конвоиров, стала уже, в просветы меж небольшими углыми домишками поблескивало в лунных лучах море.

Х'Ант резко остановился. Ствол пистолета уперся ему в спину.

– Давай, шевели ногами, – равнодушно-строго прикрикнул старший.

Пленник обернул к нему искаженное ужасом лицо.

– Т-там... – он резко махнул рукой вправо.

Примитивная уловка сработала: конвоиры уставились туда, куда указал молодой мулат.

В то же мгновение задержанный резко рванул влево и перемахнул хлипкий заборчик.

Пробежав около двадцати футов, он налетел на бочонок с мусором, который с грохотом покатился прочь. Сразу же послышался топот бегущих ног. Х'Ант инстинктивно юркнул в сторону и затаился. Мимо тяжело протопал кто-то в плаще, споткнулся обо что-то и рухнул. Раздался звук упавшего металлического предмета и сдавленные проклятия.

Да, дело, похоже, принимает серьезный оборот. Х'Ант быстро промчался по чьим-то посадкам батата и очутился на отвесной круче.

Не раздумывая, пикарон прыгнул с обрыва в ленивые гладкие волны...

...Уставший, но довольный собой Х'Ант сидел на камнях. Рядом сушились башмаки, из которых владелец только что вылил воду.

Теперь надо прикинуть, где залечь в дрейф. Как там звали ту девчушку из таверны "Загляни – не пожалеешь", приглашавшую его приятно провести время?

Джемма? Или Оллия? Нет, кажись Гизи!

Не согласится ли она на время предоставить кров своему новому другу?..
– Хорошо бегаешь, хомбре! – раздался позади беззлобный знакомый голос.
Х'Ант медленно обернулся – и замер.
На него смотрело сразу три пистолетных дула.

Глава 8

Год 3335 от Возведения Первого Храма. За восемь лет до основного действия. Дальние Земли.

По всему Изумрудному морю – от тайных убежищ пикаронов на мысе Дигнидад до причалов Геоанадакано, и от скалистых обрывов чёрного берега до коралловых пляжей Альмадено только и разговоров было о капитане Ар-Рагире, впрочем, нет – уже о Рагире Морриганхе – этом новом владыке здешних вод, которого таковым признавали не только люди, но уже казались и клыкачи с муренами. В кабаках и салонах рассказывали о его яростных атаках и холодной жестокости и о том что почти никому не удавалось ускользнуть от его кораблей, если марсовые корсаров замечали его паруса.

– Рагир – арбоннский купец, сосланный на каторгу за похищение королевского золота.

– Нет, Рагир – сын халифа Северного Таниса, замешанный в заговоре против отца.

– Нет, не халифа, а всего лишь тингисского эмира, и не заговорщик он, а всего лишь совратил любимую отцовскую наложницу...

– Да хватит чушь пороть – он хойделлец с Борребби, пиратствовал дома помаленьку, пока король флибустьеров тамошних не прижал.

– Да нет же, говорю вам – он эгерийский еретик, сбежавший прямо с костра! И морда у него самая что ни на есть эгерийская!

– Я точно знаю – он знаменитый амальфийский корсар Бальтассар ди Росса! И послали его сюда дожи генуситийские, чтоб им ни дна, ни крыши! Чтоб торговлю нашу значить подрывать!

– Верно, чтобы торговлю подрывать, только не амальфиот он никакой – фриз, и борода у него рыжая как у фриза – просто он ее красит, чтобы никто не догадался – но нас не обманешь!

– Танисец он, точно говорю: вынюхивает тут, куда ловчее ударить, а потом халиф-то флот свой и двинет!

– Он чернокнижник!

– Ясное дело – чернокнижник. И продал душу Хамирану, закопав в землю Святое Писание.

– Какой еще чернокнижник? Эгериец он! Из бывших попов!

– Арбонн!

– Ютт!

– Суриец из флота тамошнего царя!

– Эгериец!

– Сын айланского царька и танисской принцессы...

А люди Сына Смерти знай себе посмеивались, когда до них доходили эти слухи. Ну, кому какое дело? Рагир – это Рагир, их капитан, что ещё надо?

И почти никто не обращал внимания, как изредка наливаются его глаза бездонным мраком – мраком нездешним и зловещим.

* * *

Рагир Морриганх, стоял на палубе и перебирал пальцами концы золотистого шарфа, завязанного вокруг талии.

Преследуемый эгерийский торговый галеон вот-вот должен был оказаться на дистанции огня его пушек.

Впрочем, может и обойдется без стрельбы, ибо сейчас, на второй год его пребывания в водах Изумрудного моря, его имя уже внушало должную меру страха.

Да, вот уже почти два года он тут. И кто бы ему не попался: фризы с их грузами сала, рома и рабов, эгерийцы с золотом и чёрным деревом, амальфиоты со всякой всячиной, хойделлыцы с шоссом и сахаром, танисцы с рабами и оружием – ни от чего не отказывался непривередливый корсар.

Добравшись до Изумрудного моря, он поступил не так как обычно поступали ищущие тут неверной пиратской удачи люди Востока, и не вступил в здешний таиф. А каким-то способом вышел на Миледи Ку, и стал работать на нее – но при этом не принося клятвы и не войдя в число ее «пасынков», а всего лишь отдавая пятую часть добычи за право пользоваться ее стоянками и сбывать добычу через прикормленных купчишек. За такую умеренную плату им были предложены несколько укромных бухт, где они без помех могли провести кренгование и ремонт корабля, да ещё и возможность команде отдыхать и развлекаться в тайных убежищах среди островов.

Люди местного таиф-реиса Акдала Хитрого пытались его прошупать через Йунуса: тот, как оказалось, когда-то знал этого человека. Но хоть тот и обещали брать лишь седьмую часть, Рагир отказался, мол, привык работать один. На самом деле причина была другой: как он понимал, ни в стае Миледи, ни в среде чужаков-танисцев ему не пробиться наверх. А для того, для чего предназначил его Господин, ему потребуется не только золото и авторитет, и право самому определять, куда направить нос своего корабля. Ему нужно будет стать здесь *своим*. Ведь только свой сможет повести людей за собой, когда... Впрочем, не будем загадывать, нужно ещё дожить. Но пока все идет хорошо – его теперь зовут не Ар-Рагир аб Фаргид а Рагир Морриганх – Сын Смерти, в честь его корабля. Вначале вообще-то прозвище звучало прямо как у знатного человека – ок Морриган, в честь забытой уже богини, выпавшей из пантеона эллианцев давным-давно. Но почти сразу сократилось до простонародного Морриганха. Впрочем, как ему подсказали, при желании можно было его понять и как презрительную кличку – что-то вроде «Смертёныш». Но Рагир не обижался – где неверным понять, что к их забытым ложным богам гордое «Сын Смерти» отношения не имеет?

Что для понимающего нет более почетного титула, ибо носят его солдаты, избегшие гибели и победившие в неравном, последнем бою: что-то похожее есть у эгерийцев с их крестом Алькантары, который чаще всего надевают на грудь умирающему от тяжелых ран. И Рагир был свято убежден, что имеет право на это звание. А дураки ещё пожалеют, что пренебрегли чужеземцем.

Уже не так много осталось из людей, пришедших с ним сюда назад – кто погиб, кто ушел на другие корабли, кто предпочел вернуться обратно, со своей долей добычи.

Рагир, Йунус, да ещё несколько матросов – вот и все.

Но команда у него была отборная, и, пожалуй, одна из лучших в Изумрудном Море, если вообще не лучшая.

Абордажников возглавлял арбоннский дворянин Арно дю Шавресс, происходивший из младшей ветви герцогов сего имени. Станным было присутствие этого кавалера среди пиратского сброда – но чего только не бывает? Парни называли его Щеголем.

Его одеяние даже перед самым кровавым боем составлял синий, расшитый серебром камзол с позолоченными пуговицами, кружева на рукавах, белоснежные кружева и роскошная шляпа украшенная золотой кокардой с родовым гербом. Одеядния неизменно поддерживались им в безупречном порядке. Да и за своей внешностью Шаврез тоже следил. Длинные каштановые волосы, белоснежные зубы, нос с горбинкой, усики. Щеголь был единственным на борту «Сына Смерти», кто брился каждый день.

В сражении арбонн был страшен. Таких виртуозов клинка Ар-Рагиру больше не приходилось видеть. Он обучал команду фехтованию в крепкий ветер и качку, и довел действия

морских волков до такого совершенства, что никто не мог противостоять им в бою на качающейся палубе.

А когда со своим отборным отрядом, который именовал по старому рыцарскому обычаю – «копьем», состоявшим из десятка самых неистовых ребят, он врывался на борт неприятеля, случалось, что, увидев стремительный вихрь, стали в руках головорезов, бросали оружие даже солдаты воинских команд компанейских кораблей.

В бою Щеголя прикрывали двое бойцов.

С правой стороны эгериец Маноло – невысокий, почти квадратный похожий на валун человек, казалось весь состоявший из толстых как канаты мышц, прекрасно владевший своим страшным и необычным орудием: трехзвенным боевым цепом, прозванным «кропилом» – потому как после удара даже по доспеху брызги крови разлетались не хуже, чем от кропила святого отца, благословлявшего добрых прихожан.

С левой стороны от арбонна обычно шел здоровенный танисец Абдал – из числа спасенных Рагиром, вооруженный двумя кривыми ятаганами.

Артиллерией у Рагира а заведовал другой арбонн – Габриэль Эрро, которого иначе, как Старым Сидром, никто не называл. Ибо не было большей радости для этого молчаливого мрачного пьяницы, как откупорить бутылочку привезенного с родины сидра.

Этот бывший гран-бомбардье королевского флота, угодивший за убийство совратителя сестры на каторжные рудники Кадэны, был переманен Рагир у Дарьен Бешеной за двойную плату и условие в консорте – отдавать ему одному весь любимый напиток, найденный на борту призового корабля.

И Сидр этого стоил – потому что если удавалось привести вражеский корабль к залпу на двух кабельтовых, вот, точь-в-точь как сейчас, то противнику с расстрелянными снастями и сбитым румпелем не уйти от абордажа.

Все время, когда не пил, Старый Сидр дрессировал канониров или возился с пушками.

А вот, к примеру, взять корабельного плотника: старика-эгерийца Арнольдо Иньиго – он был просто выкинут со службы, когда стал слишком дряхл чтобы стоять вахту на парусах.

Известное дело у матроса какая судьба: стал стар – отправляйся гнить в канаву.

Рагир углядел его на площади перед кабаком, выпрашивающим медяки не на ром – на хлеб, и рассказывающего о своих плаваниях, подобрал, назначил старшим констапелем – и не прогадал. Старый хрыч знал о своем ремесле буквально все, а хороший корабельный плотник, это очень часто жизнь и корабля и команды. Все что находится в ведении плотника – от запасных стеньг до брашпиля было в идеальном порядке. А то, что на мачту уже не влезет – так молодых мартышек для этого хватит.

Службой, надо сказать, у старого врага-танисца Иньиго не тяготился, к грабежам соплеменников относился философски – в Эгерии в каждом уважающем себя селении есть свой разбойник или конокрад.

Ну, про штурмана или там марсовых и говорить не о чем. Так что не удивительно, что добыча от него не уйдет. Тем более – такая.

Нагоняя тяжело переваливающегося по волнам купца, Рагир воочию видел и скверно зашитые паруса, и ветхие много раз сплѣснутые в местах разрывов шкоты и тросы, и сместившийся балласт. Нет, не уйти ему.

Но эгерийцы, уверенные в своем перевесе надеялись на число своих орудий и мощь огня, намного превосходивших возможности тех двоих; но не приняли в расчет их мастерства в управлении кораблями в бою.

И вот в тот момент, когда галеон выполнил поворот и двойные ряды орудийных жерл усталились на пирата, Йунус резко развернул штурвал, проскочив под самой кормой эгерийца. Почти тут же загрели его пушки.

Орудия на нижней палубе прыгнули назад, рванув стропы, лафеты подскочили и вернулись на место, туча чёрного дыма взмыла вверх. Одно из ядер перебило рею фок мачты. Главный парус рухнул на палубу, накрыв суесящихся на полубаке врагов, в то время как нацеленный в борт «Сына Смерти» залп прошел мимо цели.

Тем временем, корсары готовились к abordажу: десятки моряков с длинными крюками в руках толпились у борта, а Щеголь во главе своих головорезов уже смахивал с обшлага безупречного камзола несуществующие пылинки, держа наготове тяжелую боевую рапиру.

– Приготовиться к развороту! – крикнул капитан.

Йунус помчался на нос, боцманы отпустили брасы, матросы ухватились за снасти – и «Сын Смерти» резко развернулся направо, входя под ветер, пересек свой собственный пенный след, вновь набрал ход и пошел на сближение с галеоном.

Когда эгерийский парусник приблизился, Рагир прочитал его название, выложенное золочеными буквами на корме: «Навис Диос». До торговца было уже около сотни саженей, и расстояние это стремительно сокращалось.

Рядом с бортом негоцианта расцвело множество белых фонтанчиков – суда сблизились на расстояние выстрела. С торгового корабля слышались громкие проклятия и крики боли. Стрелы и пули начали находить цели. Жертва ещё пыталась маневрировать, но парус безвольно повис, потеряв ветер.

Приближалась неотвратимая развязка.

Ах, все демоны моря!

На палубе торговца сверкали алебарды и доспехи стражи. Но отворачивать было поздно.

Глухой деревянный стук и протяжный скрип возвестили о том, что суда, наконец, сошлись.

Оба штурмовых мостика почти одновременно упали на палубу торговца, и пираты во главе с Йунусом ринулись в бой.

Десятки одержимых неукротимой жадной наживы морских чертей ринулись на палубу купца. Несколько пиратов упали, сраженные выстрелами, но это были последние выстрелы.

Прежде чем торговцы опомнились, стая дико визжащих корсаров с топорами, ножами и пистолетами в руках уже вторглась на их палубу, сея опустошение среди столпившихся солдат охраны, которые теперь не могли ни стрелять, ни толком применить свои пики и алебарды с длинными древками.

Шеренги солдат хотя и не подавались под этими безумными наскоками, но с боков напирали другие пираты, беспорядочная свалка вскоре сменилась организованным наступлением. Пираты постепенно теснили матросов и солдат. Некоторые, видя всю бесполезность сопротивления, бросили палаши, показывая, что желают сдаться – иногда это спасало от смерти. Ничего не поделаешь – таков закон abordаж: драка идет *до последнего* сдавшегося...

Яростные атаки шаг за шагом теснили матросов, все чаще морским разбойникам приходилось переступать через очередного упавшего моряка, сраженного их клинками.

Дымящаяся кровь залила палубу, сапоги скользили, заставляя предательски открываться ударам вражеских сабель.

Йунус выдернул клинок из тела очередного противника, подготовившись к новому поединку, однако его никто не атаковал. Быстро оглядевшись по сторонам, он увидел, что бой практически закончен. От команды захваченного судна оставалось меньше половины. Его парни прижали побежденных к борту.

Спрыгнув с носовой надстройки на палубу, Морриганх заревел во всю глотку:

– Эй, вы, стоять! Мы победили!

Голос Рагир подействовал на всех отрезвляюще.

– Бросьте оружие, – обратился Ар-Рагир к эгерийским матросам.

Звякнули упавшие клинки.

– Вы хорошо сражались, а я уважаю храбрость. Поэтому останетесь живы.

Оружие аркебузы, пистолеты, сабли, алебарды и топоры, ножи и стилеты лежали грудой посреди палубы, а команда отдельно офицеры, отдельно – матросы, отдельно – пассажиры, была построена в три шеренги, как полагалось по неписанному кодексу Изумрудного моря.

Капитан, низенький смуглый толстяк с седеющей бородой, опираясь на свою шпагу, взирал исподлобья на Рагира, бессознательно копируя выражения лица мученика в руках язычников.

И когда Рагир, остановившись перед ним, с усмешкой протянул руку, тот, выругавшись, вырвал шпагу из ножен и, ухватив клинок обеими руками, плашмя ударил им об колено, чтоб не досталась врагу. Однако не вышло клинок даже не согнулся.

Рагир громко рассмеялся.

– Это не так делается, – заметил он. – Дай сюда, идальго!

Эгериец, сгорая от стыда и гнева, отпустил клинок, дрожащими руками отцепил серебряные, украшенные гравировкой ножны и бросил их перед собой. Рагир их на лету подхватил, вставил шпагу до половины и без видимого усилия согнул ее кольцом перед лицом капитана. Треск лопающейся стали – и сломанная шпага блеснула в лучах заходящего солнца, покотившись по палубе.

– Вот так и надо, – улыбнулся пират.

– Спасибо, сеньор... – растерянно пробормотал эгериец.

* * *

Старший офицер «Сына Смерти» и правая рука знаменитого Рагира Морриганха, шел по улицам Давенхафена – столицы одной из двух колоний Фрисландской Ганзы в Изумрудном Море, уже полгода бывшей портом, где Рагир сбывал добычу, и где отдыхали его люди после рейдов.

С ним вежливо раскланивались солидные трактирщики в колпаках и жилетах, стоявшие на порогах чистеньких белых заведений под черепицей, а вежливые аккуратные девицы вежливо обращались к нему – не желает ли «баас Юстус» отдохнуть в их обществе – все чинно, как и в любом городишке самой Ганзы.

Но сейчас танисец шел не веселиться, а по некоему важному делу, суть которого была в холщевом свертке у него под мышкой.

Выйдя на окраину Давенхафена, Йунус приблизился к обширной усадьбе, откуда доносился грохот молота и несло дымом.

Подойдя, ударил висевшим кованым билом в хитро изогнутую бронзовую пластину у ворот, и она зазвенела, запела долгим звоном.

– Друг Йус, давно не видел! – громадный мужчина, в котором белые волосы изобличали потомка нордландцев, большой горбатый нос – арбонна, а покрытые старыми ожогами руки – кузнеца, заключил пирата в объятия. – По делам пришел или как? Лилиана, тащи выпивку, свинину...

Молодая мулатка, согнав с колен белоголового мальчишку лет трех, унеслась выполнять мужнину волю.

– Благодарю, – осушил поднесенный стакан вина пират. – Но я ведь по делу. Взгляни-ка, мастер, – он развернул холст и протянул Ларсу обломок капитанской шпаги. – Что ты насчет этого скажешь?

– Ну, что сказать, – повертев сломанное оружие, сообщил кузнец, пожимая плечами. – Клинок толеттскойковки, клеймо, правда, не припомню, но с тремя крестами, значит, вроде как лучший мастер, королевскими интендантами аттестованный. Закалка отличная, воздушная – не конная, пожалуй, а в ветровом колодце... Ты разницу-то разумеешь, моряк?

Йунус кивнул. Он хорошо помнил, как в детстве, отец совал только что откованный ярко полыхающий клинок в стальную «лапу» с рукоятью, обмазанной обожженной глиной, и десятилетний Йунус, одевая толстую кожаную рукавицу хватал саблю или ятаган, вскакивал на коня и мчался что есть сил, высоко поднимая над головой пышущее жаром оружие, дабы придать ему наилучшую для булата закалку.

– Так что оружие доброе... было. А вот дураку досталось – это ж как надо было ухитриться, чтобы его сломать-то? Не иначе в мачту или в фальшборт вогнать, да ещё сверху алебардой или секирой рубануть. Вот тоже ещё: нет, чтобы по дурной голове врезать – добрую шпагу испортили.

Кузнец сокрушенно покачал головой.

– Ну чего ещё – эфес само собой снять не штука, а вот перековывать пользы нет, потому как твердости уже не будет, отпустит закалку-то. Но могу выточить острие на камне точильном – будет тебе добрый кортик или ландскнетточка. Пару золотых всего возьму, а за готовый-то куда больше сдерут. Ну так как? Если эфес мне отдашь, даром сделаю!

«Вот старый перец! – усмехнулся про себя танисец, – в эфесе серебра на пять, на шесть золотых и будет».

– А скажи, мастер, руками такой клинок можно сломать? – как бы между прочим спросил он.

– Шутишь? – хохотнул Ларссон, и наморщил лоб, так что выжженное на нем каторжное клеймо сложилось в некое подобие улыбающейся рожицы. – Нет, ну ежели у кого матушка с троллем или там лесным великаном согрешила, то тогда можно конечно – хотя и то не побожусь... А что?

– Да просто... друг, который мне ее отдал, говорит, что как раз руками сломали, чтобы нам не досталась.

– Врет как сивый мерин! – припечатал оружейник. – Я тридцать лет с железом работаю – ты уж мне поверь.

– Ну а может просто – тот... идалго сильный очень? – с удивлением ощутив в своем голосе неуверенность, переспросил Йунус.

– Ох, ну что с тобой делать, брат Йус? – пожал плечами Ларс. – Слышал я про людей, что зубами стволы аркебузные на потеху народу в балаганах перекусывали да цепи рвали, какие и слону не одолеть. Только вот скажу про то, что сам видел.

Когда я ещё кузнецом в Аронже был, поймали у нас одного шевалье, который девушек молоденьких насиловал и убивал. А по таким злодействам полагалось не только смерть позорная, но и лишение дворянства.

Ну само собой помост, лошадки там, палач, чтобы жилы надрезать, да рвать побыстрее. Полагалось ещё в костер его герб и все грамоты дворянские швырнуть, и клинок его сломать над головой перед казнью, а железка была почти такая же – даже и похуже: тут видишь, излом мелкозернистый, а там покрупнее – известное дело, рейбахское оружие толеттскому не чета.

Так вот, шпагу ломать само собой палачу полагалось, а вот подпиливать меня назначили. Я, конечно, не будь дураком, подпилил не на две трети, как обычно положено по артикулу, а на три четверти. Так и то мэтр Годо, палач наш присяжный, на семь потов изошел, а не одолел. Ну судья меня и погнал – так и то с трудом сладил. Вот...

Может с того дела у меня все наперекосяк и пошло, – Ларс вздохнув, потер изуродованный лоб, – потому как ещё с древности идет, чтобы кузнецу да пахарю, да прочим честным работникам дела палаческого не касаться... Мне бы дураку упереться да вот... Ну так чего, будешь кортик делать? Сделаю честь по чести – сам понимаешь, тут с этим строго: «Святой Джио не мошенничает»!

– Знаешь, дружище, оставь себе – вместе с эфесом, – вдруг буркнул Йунус.

Сидя в кабачке «Свинья и апельсин» – не самом худшем заведении Давенхафена, и поглаживая сидевшую на коленях прелестницу Хану (а может – Хэлен) чинно хваставшуюся, что она не простая потаскуха, а дочь самого настоящего дворянина, и что свои марки она отрабатывает честно, Йунус размышлял об услышанном.

Нет, он не усомнился в своем реисе. Наоборот, он думал, что, идя с этим человеком, может быть удастся достигнуть тех высот, о которых даже и помыслить сейчас страшно.

* * *

...На него смотрело сразу три пистолетных дула.

– Ну, чего вылутился? – недовольным тоном спросил стражник.

По раскрасневшемуся лицу его было видно, что он долго бежал и запыхался. Тут же неподалеку находились и четверо его товарищей:

– Мы уж устали тебя ловить. Вставай и пошли. И чтоб больше без шуточек, а то... – говоривший многозначительно кивнул на пистолет.

Х'Анта подняли и потащили в сторону городка. Теперь уже пятеро конвоиров держали его на прицеле, не давая ни малейшего шанса улизнуть.

Вскоре он оказался в подвале гарнизонной кордегардии, причем не в камере, а сразу в пыточной. Пыточная тут была весьма убогой, даже дыбы не имелось, так что его просто прикрутили к кольцам, вмурованным в стену.

Еще через четверть часа к Х'Анту спустился высокий грузный человек в мундире флота Хойделла.

Еще до того как при свете факела разглядел широкий золотой галун на вороте, Х'Ант догадался, кто это.

Лицо адмирала было спокойным, однако то и дело подергивающееся веко выдавало крайнюю степень взволнованности.

– Ты, кто? – не очень-то дружелюбно обратился он узнику: – Тебя зовут Х'Ант? С какого ты корабля? Как мне связаться с твоим капитаном, чтобы он мог за тебя поручиться? – ухмылка стала совсем издевательской.

Молодой человек исподлобья глянул на Оскара ок Л'лири и молча сплюнул себе под ноги. Конечно, он был неприятно удивлен тем обстоятельством, что хозяину Стормтона откуда-то известно его имя. Но внешне мулат остался невозмутим.

– Я хочу знать только одно, – сообщил адмирал. – Кто надоумил ваших черножопых вождей подставить меня? Кто вам дал эти бумаги?

Перед носом избиваемого возник распечатанный конверт и лист бумаги с печатью из зеленого сургуча.

– Кто поручил меня скомпрометировать и зачем?! Впрочем, зачем – понятно! Место мое понадобилось. Кому?! Ок Гедао? Арбонну? Кому нужно, чтобы меня убрали отсюда? Кто так глуп, воображая, что его величество король Руперт поверит грязным бумажонкам, а не своему старому другу? Может, ты не знаешь? Так я тебе и поверил! Отвечай, ты, пикаронская ищейка, кто тебя послал?! – ревел, выходя из себя, адмирал. – И побыстрее, потому что иначе тебя будут бить, пока ты не сдохнешь!

Мулат молчал. Он знал из поучений старших, что под пытками лучше молчать, ибо стоит начать говорить – уже не остановишься, да и палачей раззадоришь.

– Ничего, ничего, ты у меня живо заговоришь!

Оскар был взбешен молчанием Х'Анта.

– Зовите профоса, под кнутом молчать не станет!

Приказав подручным бить чёрномазого, пока тот не побелеет и не признается, губернатор удалился почивать.

...Удар следовал за ударом.

В краткие мгновения передышек он твердил одно и то же: он простой рыбак, и он, Х'Ант, сроду не дотронулся ни до одной белой барышни.

– Какие барышни, идиот?! – возмущался офицер. – Тебя спрашивают, кто дал тебе эти бумаги?

– Подобрал, абуна, – отбрехивался мулат. – Не помню, где. Хотел использовать по нужде. Что в тех бумагах – мне неизвестно, потому как читать не обучен.

И снова свист кнута и обжигающая плечи и ребра боль.

Такого отчаяния, такой безнадежности Х'Ант не испытывал со дня своего освобождения с эгерийского рудника. И дело было не в побоях. Пришло понимание того, что никто его не выручит. А эти усердствующие дурни тем временем забывают Х'Анта насмерть...

Но до чего же больно, мочи нет.

Надо что-то делать. А что?

Ладно, сволочи... все сделаю... уже на все согласен... Только скажите толком, что от меня нужно...

– Будешь говорить? – обрадовался тот стражник, который изловил его.

Мулат кивнул, показывая, что ворочать языком он уже не в состоянии.

– Да, – покачал головой офицер, оглядев жертву, – похоже, перестарались мы чуток. Какой от тебя прок нынче?

Он погрозил кулаком кнutoбойцам. Те виновато развели руками.

– Ладно. Отправим тебя до утра в камеру. Там отдохнешь, придешь в себя. Тюрьма у нас хорошая...

Подручные дружно заржали.

Сейчас или никогда!

Если дать этим негодяям отвести себя в форт – это конец! Можно сплести сколько угодно небылиц, можно тянуть время, выкладывая все новые и новые вымышленные подробности...

Но долго ли можно вести игру, заранее обреченную на поражение?

Нет, побег – единственный выход. И именно сейчас, по дороге. Из форта не убежишь...

Х'Ант ссутулился, его походка стала тяжелой, неровной. Со стороны взглянуть – каждый шаг давался ему с трудом.

– Ты чего это за танцы тут устроил? – строго спросил один из двух приставленных к нему конвоиров.

– Т-танцы? – тяжело выдохнул Х'Ант. – Тебя бы так избили... посмотрел бы я на твои танцы...

Не договорив, он вдруг пошатнулся и рухнул на пыльную дорогу.

– Змей-Шаггор! – с досадой глянул конвоир на своего товарища. – Нам его что, на себе дальше тащить?

– погоди, – озабоченно ответил тот, сейчас я ему рому принесу...

И нырнул в дверь ближайшего кабака. Второй конвоир нагнулся над лежащим пленником, тряхнул его за плечо:

– Эй, парень, ты смотри, не сдохни! Сейчас Генри тебе рому...

Этой фразе не суждено было закончиться.

Согнув ноги, Х'Ант изо всей силы ударил конвоира в живот. И тут же, пружиной взлетев на ноги, перемахнул через рухнувшего солдата и кинулся наутек. Откуда и силы взялись.

Заборы, крыши, опять заборы, крики, выстрелы позади...

И задний двор трактира «Загляни – не пожалеешь».

– Зизи, это я... За мной погоня... спрячь, солнышко...

Беглеца искали основательно.

Прочесали практически весь остров, обшарили от чердака до погреба «Рыжую плясунью», в которой, если верить страже, Х'Анта видели дольше всего.

Но айланец как в пучину канул...

Глава 9

*3342 год от Возведения Первого Храма, 12 число месяца Аркат.
Стормтон, Ледесма.*

Вечером двери особняка Оскара ок Л'лири вновь распахнулись перед капитаном.

К восьми часам перед домом выстроилась целая очередь экипажей прибывших гостей. Домналл прошел к столу, где уже стояла огромная хрустальная чаша с глентвейном. Зачерпнув литым серебряным ковшом с гербом Эгерии, наверняка каким-то пиратским трофеем, он наполнил бокал синеватого генустийского стекла и сделал неторопливый глоток.

Горячий глентвейн, терпкий и пряный, напомнил командору детство, зимние праздники – Самхайн, или новолетье, когда они с отцом торопились по заснеженным улицам родного городка домой, где у украшенного ветвями ели очага их ждало приготовленное мамой и бабушкой горячее вино, для которого не жалели дорогих пряностей.

Эти воспоминания были особо приятны, и особенно горчили – ибо напоминали о самом невозвратном. Поэтому Домналл прогнал их и заставил себя сосредоточиться на происходящем.

Наместник прислал ливрейного лакея, сказав, что примет офицера позже, или пригласит на званый вечер, но пока пусть командор обождет.

В ожидании он устроился на уголке дивана.

Бригитт появилась в сопровождении новой горничной, шурша юбками. На ней было яблочно-зеленое чесучовое платье с драконами и удивительными рыбами – хэйянский шелк.

– Бригитт, – капитан, наконец, повернулся, осторожно взял ее за локоть, мягко потянул за собой, – позвольте мне сказать вам несколько слов наедине.

Он подвел ее к кожаному диванчику в углу, отметив, как ярко блеснули золоченые гвоздики на тисненой коже крокодила, но она не дала себя усадить – высвободила руку.

Молодой человек решился.

– Бригитт!

Она обернулась и остановилась, недоумевающе глядя на командора.

– Я хотел обсудить с вами нечто очень важное...

– Я слушаю вас, милорд.

– Как бы вы отнеслись к тому, если бы я пригласил вас на завтра к себе на обед?

Девушка пожала плечами:

– Пригласите, но ведь есть ещё и мой отец. Я бы не хотела огорчать вас, потому что он может не позволить мне пойти в гости к стороннему мужчине, не являющемуся моим помолвленным женихом...

– А разве вам уже не семнадцать?

Бригитт посмотрела в его блестящие от волнения глаза.

– Что с вами, милорд Домналл?! Вы... в своем уме??

– Что со мной?! – командор нервно усмехнулся. В своем ли я уме? Если чувства испытываемые мной...

– Милорд, – оборвала его Бригитт, – я вижу, что вас мучают какие то непонятные мысли. Причем тут мой возраст?

– Да, верно, все верно... Простите, леди...

Откланявшись, он ушел прочь, унося в груди горечь и волнение.

На душе у Бригитт тоже было беспокойно. Ей и в самом деле было уже семнадцать, точнее, уже девятнадцать (целых девятнадцать!)

И она понимала, прекрасно понимала, что происходит с Домналлом, но от сознания того, что в нее страстно влюблен этот блестящий офицер, можно сказать, без пяти минут адмирал, и даже того, что и она к нему равнодушна, на нее нападала легкая растерянность. Юная ок Л'лири догадывалась, что если между нею и Домналлом что-то произойдет, то это очень удивит и огорчит отца. А она слишком любила его, чтобы думать о чем-то подобном спокойно. Ей не хотелось быть неблагодарной дочерью, а именно так оценивала она свою влюбленность – пусть и самую невинную – в милорда ок Ринна. Да как вообще можно благовоспитанной и благородной девице помыслить о том, чтобы нарушить волю отца?!

Много, много лет назад, когда она была маленькой девочкой, старая няня рассказывала ей истории о прекрасных принцессах, запертых в башнях своими злобными мачехами. В каждой из тех историй появлялся юный благородный герой, храбростью и отвагой проникавший в башню и спасавший принцессу. Видимо поэтому принцессы никогда не теряли присутствия духа, зная, что рано или поздно придет верный рыцарь, и тогда все будет хорошо.

Конечно, она не была принцессой, ничего подобного... ее отец всего лишь барон.

Обуреваемая всеми этими мыслями, Бригитт вошла в парк.

Домналла вывел из раздумий голос мажордома – тот появился в дверях и, повысив голос, торжественно объявил:

– Уважаемые леди и лорды, прошу в столовую, обед будет сию минуту подан.

Гости начали допивать вино и продвигаться к дверям, ведущим в столовую. Последовал за ними и командор, даже слегка толкнув управляющего канцелярией – пожилого толстяка, разодетого в красный бархат с кружевными оборками.

Обед был подан на славу – устрицы с лимоном, суп из омаров с пряностями, молодой нежный тунец и креветки, телятина в вине и каплун с трюфелями. Холодные закуски представляли паштет из перепелов, спаржу и недавнее арбоннское нововведение – «золотое яблоко» в сметане – этот занятный овощ, прежде выращивавшийся аборигенами северного материка, красный и кисловатый, пришелся по вкусу сеговезским придворным гурманам.

Домналла впрочем, адмиральская кухня занимала мало. Он попытался подсесть ближе к Бригитт и дамам, но это не удалось – и соседями его оказались двое мужчин – один уже в годах, весь в чёрном, с кружевным воротником вокруг короткой толстой шеи, и с золотой цепью, свисавшей на большой живот; второй – молодой, с одутловатым бледным лицом и срезанным подбородком.

Кажется, оба были из Хойделльской компании заморской торговли.

Во время бесконечной перемены блюд в зале появились девушки – гибкие и грациозные, как газели. Оркестр, состоящий из маленьких барабанов и цитр, на которых играли чёрнокожие музыканты в туниках алого хлопка, играл все громче, выбивая на барабанах зажигательный ритм. Девы быстро задвигались по кругу. Плавные движения и нежные всплески рук были совсем не похожи на западные танцы.

– Как вам представление, командор? – осведомился сосед слева. – Не ожидали?

Признаться, Домналл и в самом деле был удивлен – вроде за Оскаром таких склонностей, как содержание дома танцовщиц, не водилось.

– За возможность лицезреть этих чудесных созданий, нам нужно благодарить Маджио Ардживетти! – пояснил сосед, опорожняя чарку с вином. – Он демонстрирует свой новый товар – только на прошлой неделе этих танцовщиц привезли из Тингиса: на корабле почтенного Урдагана. Узнав о праздновании у губернатора, он вызвался помочь развлечь гостей.

После того как трапеза закончилась, гостей провели в главный зал, предоставив развлекаться в меру их разумения. Вокруг мэтра Ардживетти тут же возникла стайка юнцов и седовласых щеголей вперемишку – видать, договариваться о покупке показанного «товара».

Другие бродили по залу, сбиваясь в группки по двое, по трое, обсуждая прошедший пир, или предстоящие дела.

В углу кто-то уже раскинул карты. Лакеи не успевали расставлять на столиках бокалы с вином и легкую закуску – блюдечки с чищеными орешками.

Дамы изящно флиртовали с кавалерами, и кое-кто из них уже проскакивал мимо бродящего в одиночестве Домналла, бросая на него многозначительные взгляды.

Но мысли его были заняты совершенно другим.

В конце концов, командор решил действовать напролом.

Поймав за рукав выглянувшего в зал мажордома, он сурово осведомился, где можно увидеть хозяина.

Тот, как всякий вышколенный опытный лакей, поняв, что дело тут серьезное, жестом пригласил следовать за собой. Пройдя анфиладой комнат, они оказались в другом крыле дома, в Малой гостиной. Тут мажордом поклонился и оставил Домналла наедине с хозяином.

Тот неподвижно стоял у стены, изучая старинные часы, стоявшие на полу. Как помнил командор из рассказа Бригитт, эти часы были единственным, что он повелел привезти из родового поместья.

Бесшумно ступая по начищенному восковому полу, вошла мулатка в синей юбке и белом тюрбане на голове. В руках у нее был серебряный поднос, на нем – большой серебряный же кофейник и три микроскопические чашечки.

Поставив кофе на стол, она удалилась.

– Зачем вы искали встречи со мной, командор? – без обиняков спросил адмирал. – Вы ведь пришли не для того, чтобы поесть за мой счет и поглазеть на полуголых девок, которых привез этот торговец человеческим мясом?

Командор подумал, что хуже уже не будет, а рано или поздно этот момент должен был все равно настать.

– Я хочу попросить у вас руки вашей дочери, милорд вице-адмирал.

– Что?! – уставился на него Оскар.

– Я прошу у вас руки Бригитт! – почти выкрикнул Домналл.

– Что?!! – вновь переспросил губернатор, также донельзя повышая голос. – Нет, я все понял, – забормотал он, словно растерявшись, – просто... И... зачем это вам нужно, офицер?

Теперь уже пришла очередь растеряться командору.

– Но, ваше превосходительство, я... я люблю Бригитт, и...

Он запнулся.

– Во-первых, раз уж решил сделать предложение – делай его по всей форме и установленному порядку – то есть будь любезен именовать мою дочь, как положено. Ты ведь не забыл, как положено?

– Я, – речитативом начал капитан, – эсквайр Домналл ок Ринн, законнорожденный и свободнорожденный, офицер службы короля Четырех Островов Хойделльских и иных владений Руперта Сторма, прошу руки девицы Бригитт ок Л'лири ар Фармут, старшей дщери вашей.

Глаза адмирала мрачно уставились на командора.

– Мог бы добавить также титул баронессы Эрхолл, и виконтессы Марнайской, перешедший к ней после смерти ее деда по матери, как к единственной живой из его потомков. Это во-первых.

Он помолчал.

– А во-вторых, я, отец вышепоименованной девицы, вынужден огорчить рекомого эсквайра Домналла ок Ринн отказом.

Домналл стоял, не шевелясь.

– Прежде чем схватишься за шпагу или упадешь передо мной на колени, начав бессмысленные мольбы, выслушай меня для начала, – как ни в чем ни бывало продолжил адмирал Оскар.

Командор ещё на что-то надеялся мелкой глупой надеждой – ведь по старым обычаям право на обращение на «ты» возможный тесть приобретает, если дает согласие жениху.

Но видимо наместнику его величества было не до всяких условностей.

– Прежде всего – не знаю, любишь ли ты Бригитт, но она тебя не любит. Это не было бы так важно... Но ты, командор, не слишком подходящая ей пара.

– Может, у вас есть на примете кто-то получше?! – хрипло бросил Домналл, сглатывая тяжелый ком в горле. – Не иначе, это тонконогий сынок управляющего вашей канцелярии?

– Нет, конечно, – пожал Оскар могучими плечами. – Эннио ок Стамп хотя и графский сын, но кроме долгов у его отца нет ничего... Что вообще-то странно для такого взяточника, – он усмехнулся. Это не говоря уже обо всем прочем... Но если тебе угодно, у Бригитт действительно есть более подходящий жених – гоф-регистратор министерства двора граф Эрдвин Саргсонн ок Баррир. Юноша достойны во всех отношениях.

– Ничего не понимаю, – машинально молвил все ещё растерянный капитан-командор.

– Хочешь сказать, что его нет на острове? Верно, именно поэтому вскоре Бригитт отправится в Хойделл, где и состоится помолвка. Чтобы ты не мучил себя, добавлю, что с его отцом мы договорились ещё четыре года назад, когда я отбыл из метрополии. Так что не казись, все было решено задолго до того, как ты увидел мою дочь.

– И чем он лучше меня?! – вспыхнул вдруг ок Ринн, скрипнув зубами.

И тут же устыдился – выходка была бы под стать зелёному юнцу.

– Начать с того, что он хотя и моложе тебя, но более выдержан – иначе бы не смог находиться при дворе, – подпустив в голос ледяной иронии, буркнул адмирал. – Кроме того, у него годовой доход уже сейчас почти восемьсот тысяч скеатов, а после свадьбы Эрдвину по завещанию перейдет ещё и приданое его матери – имения, лесопилки, рыбные промыслы у Ранкейских островов, виноградники в Тэре – всего примерно триста тысяч. Твой же доход, если я не ошибаюсь... Извини, запямятовал, – ухмыльнулся барон.

– Мое жалование и арендная плата за имение, – сухо обронил командор. – Может, когда стану адмиралом, начну зарабатывать на контрабанде и поставках флоту...

Он не смог удержаться от того, чтобы не ответить ударом на удар – милорду Оскару не нужно было так унижать его.

– Милейший ок Ринн, – покачал губернатор головой, – в том-то и дело, что адмиралом вам, скорее всего не стать, хотя я не далее как месяц назад подписал на вас второе представление. Поверьте человеку, который на двадцать с лишним лет старше вас и служит на королевском флоте столько, сколько вы живете на свете. Такие люди, как вы, получают эполеты лишь если начинается большая война, или... удачно женившись.

– Так вы считаете... что я из-за этого?! – вскочил командор, и рука его сама собой прыгнула на эфес палаша.

– Оставить! – рявкнул на него Оскар, даже не пошевелившись. – Или я похож на дурачка? Дослушай, что говорит тебе человек, годящийся тебе в отцы, и не устраивай истерику, как брошенная шлюха! Да, я не хочу такого мужа для своей дочери, который не сможет купить ей даже приличного дома в столице королевства. Не хочу ей мужа, которого она будет видеть хорошо, если три или четыре месяца в году или вообще ждать из плаваний годами! Ты знаешь, что пока я был женат, у меня родилось пятеро детей – и лишь Бригитт я могу видеть, потому что они рождались и умирали, пока я болтался в море? Ты знаешь, что даже последний вздох моей жены приняли чужие люди? А умерла Алинтия потому, что в той гнилой крепости, где стояла моя эскадра, не было нормального лекаря, а только пьяный коновал, у которого и здоровая матросня дохла, как мухи осенью! И Всевышний свидетель – такой судьбы дочери я не хочу...

В комнате повисло тяжелое молчание.

– Послушайте, милорд Оскар, – глядя прямо ему в глаза, процедил ок Ринн. – Вы можете говорить и думать, что хотите, но Бригитт предназначена мне Небесами, и я просто так не отступлю!

– И что ты сделаешь? – рассмеялся адмирал. – Украдешь мою дочь из моего дома и обвенчаешься насильно, потому что она согласия не даст? А потом? Сбежишь в Кадисту или к эгерийцам – или вообще к Миледи Ку?

Домналл вновь вскочил.

Как бы там ни было, но ничто не дает права этому бывшему галернику пусть он и барон, его оскорблять!

– Ну что ж... – глядя на его пылающее лицо, вдруг усмехнулся барон. – Возможно, ты и прав, говоря, что тебе ее предназначило Небо. Это даже можно проверить.

Он трижды громко хлопнул в ладоши, и в кабинете появился слуга-мулат.

– Сорс, красную шкатулку из моего Малого кабинета – в библиотеку. Идемте, командор...

Библиотека в доме адмирала была довольно странная. Веселая мебель в стиле Кронала III, золото, гобелены, всякие там секретеры, бронзовые аллегорические статуэтки, ниспадающие занавеси с кистями, подсвечники и карликовые пальмы в кадках, – как будто их снаружи мало...

Пол покрывали ковры, а низкий стол красного дерева сверкал зеркальной полировкой поверхности, в которой отражались серебряные приборы, восточный фарфор и генуситийский хрусталь.

Книг было немного, стояли они в шкафах в идеальном порядке, и Домналл почему-то подумал про библиотеку всеу помянутой Миледи Ку – чуть не самую большую в Изумрудном море.

Губернатор щелкнул пальцами, и старый слуга, стоящий за его спиной, подал хозяину ту самую красную шкатулку. В ней оказались два многогранника, каждая из граней которых была длиной и шириной в две трети дюйма.

Ок Ринн узнал их – то были кости для старинной игры «норн». Не какие-то вульгарные кубики с точками, изображавшими очки. Нет – из благородного серого жадеита, подобные ограненным самоцветам, и на каждой из двадцати четырех граней было выгравировано свое изображение.

– Попытаем удачу, дружище? – осведомился Оскар.

Командор буквально окаменел.

– Вы хотите сыграть? Сыграть на... свою дочь?! – прошептал Домналл, чувствуя, как сжимаются кулаки. – На Бригитт?!

– Нет, – адмирал добродушно улыбнулся.

«Что ты понимаешь, мальчишка?!» – говорил между тем его ледяной взор.

– Предлагаю лишь испытать судьбу. Как известно, Элл с Благословенной Девой предоставили этот мир своим творениям и судьбе их, как гласит «Книга Света». Я и не спорю с мудростью ее. Мы не станем играть – мы будем гадать, спрашивать судьбу. Кстати, ведь «норн» и значит судьба на языке наших предков.

Оскар бросил игральные кости на стол.

– В древности, когда наши предки были язычниками, и не знали Элла, а молились ложным богам, то они не делали ничего, не бросив кости. Когда король выбирал воеводу для войска, или купец – капитана своего корабля, или отец одного из двух добывающихся руки его дочери, он бросал кости – пять раз. Можно было меньше, но больше – никогда. Эти символы означают что-то важное – силу, разум, смелость, прозорливость. Можно просить по другому,

и тогда... Впрочем, будем просить по Новому Кодексу Судьбы – старый, наверное, уже никто не помнит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.